

БОРИС ШЕРШАКОВ

ЗАТОННЫЙ ДОМ

БОРИС ЩЕРБАКОВ

ЗЕЛЁНЫЙ ДОМ

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

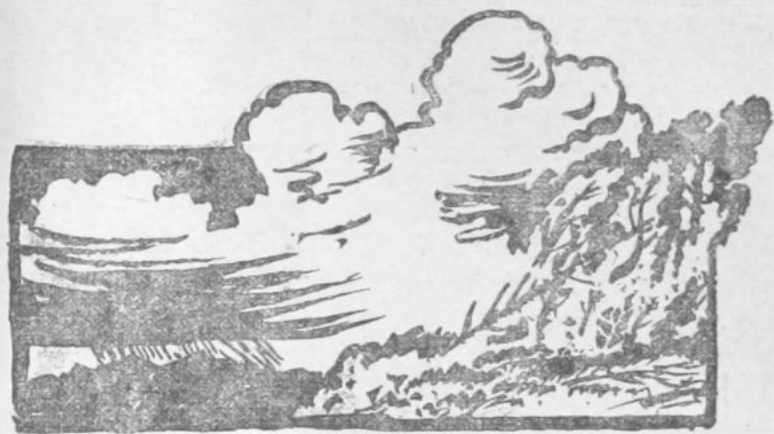
АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ»
1985

Р 2
Щ 61

Рецензенты:
П. И. Мариковский,
профессор, доктор биологических наук;
Ю. М. Рожницын, член СЖ СССР.

Щ $\frac{4702010200-204}{402(05)-85}$ 144-84

© Издательство «Жазушы», 1985.

БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК УРХ
ПОВЕСТЬ

В БЕРЛОГЕ

В лесистом распадке, под старым развесистым кедром, в теплой берлоге спала молодая медведица. Эта большая берлога служила зимней квартирой многим медведям. С округлого свода ее свисали пряди полуоборванных изгрызенных корней.

Медведица лежала на мелкой подстилке из мха и сухой травы. Она сама натаскала ее с осени, готовясь стать матерью. Теперь вход в берлогу засыпал глубокий снег и сквозь него едва-едва просачивался мутно-молочный свет. В уплотнившемся от дыхания медведицы снегу образовалось небольшое отверстие. Свежий воздух затекал в берлогу. Тепло же, идущее от дыхания и от талой земли, создавало уют и условия для нормального сна.

Во второй половине зимы медведицу чаще и сильнее охватывали скрытое беспокойство, нежность и непонятная тревога. В ней проснулось чувство, которое приходит в сердце матери перед появлением на свет детеныша. Она часто вставала, подгрребала под себя слежавшуюся подстилку, отдающую прелью, кружилась, приминая ее, как собака перед ненастьем, и снова ложилась. Сна не было. И медведица снова и снова, фыркая и посапывая, вылизывала подошвы передних лап, отдирая отслаивающуюся кожу. Кончиками зубов выкусывала между пальцами и когтями налипшие кусочки грязи. Валилась на живот и, подобрав под морду передние лапы, задумчиво лежала, снова вставала, обходила берлогу и заново вылизывала лапы, обильно смачивая тонкой голодной слюной. Ее беспокоили блохи. Она пыхтя чесалась передними лапами, подставляя то один, то другой бок, и только потом дремала. Но мягкие толчки в ее животе будили. В такие минуты берлога с ее привычным запахом и мраком вдруг начинала казаться медведице опасной. Тогда она подходила к выходу, задерживая дыхание вслушивалась в гнетущую тишину, в шорох, рождающийся на снегу. Слух ее иногда улавливал легкое шуршание бегущей ласки или возню синиц и дятлов на кедре. Не раз слышала она, как лопался и скрипел наст под копытом бегущего лося. Это настораживало ее: она жадно втягивала воздух, сочившийся в отверстие. Все утихало, и привычная тишина вновь поселялась в берлоге. Тяжело вздыхая, медведица валилась, подгрребала под морду запашистую подстилку. Засыпала она чутко и тревожно, не как прежде, три года тому назад, когда была совсем маленькой и спала, прикрывая нос широкой теплой лапой.

Так прошло еще несколько томительных для нее дней, пока на свет не появился детеныш. Она теперь чувствовала его под своим брюхом, когда он беспомощно копошился, тихо скулил.

Долго и тщательно она поначалу вылизывала его мокрую редкую шерстку. Потом подтягивала его к теплой набухшей груди, густо пахнувшей шерстью и молоком. Наткнувшись на упругий сосок матери, малыш впивался в грудь беззубым ртом, усиленно толкался и сучил передними лапами, причмокивая, захлебываясь, сопел, наслаждаясь сытостью и теплом, которые разливались во всем его слабеньком теле.

С этого времени дни для медведицы текли незаметно: все чувства ее слились только в нем. Главным для нее стало накормить, вылизать и обогреть своего детеныша. Подвластная всемогущему инстинкту, она охотно, с большой нежностью делала свое дело, исполняя материнский долг. Даже ее могучие с твердыми загнутыми когтями лапы стали необыкновенно чуткими и предупредительными. Медведица-мать ласково, через каждые час-два, прижимала новорожденного к полнеющей от молока груди.

Истекали последние дни февраля. Приход нового дня она узнавала по светлеющему над входом снежному своду берлоги, через который едва сочился утренний свет. С каждым днем солнце поднималось выше. Оживились таежные синицы. Чаше и громче громыхали по стволу стоящего над берлогой кедра черные и трехпалые дятлы. Каждую ночь беготню и ссоры устраивали жирующие в зарослях кустарников у ручья зайцы-беляки. Монотонно и тоскливо перекликались таинственные сычи. На старый кедр, под которым находилась берлога, каждое утро теперь прилетал ворон. Громкие трубные крики его нарушали раннюю тишину, оповещая эти синеющие горы и лес о приходе нового дня.

С каждым днем рос и креп медвежонок. Он покрылся мягкой теплой шерстью. Теперь сам уже мог подбираться к соскам матери и сосать теплое густое молоко. А еще через несколько дней он совершил свое первое

путешествие по берлоге, мало-помалу знакомясь с запахами, пропитавшими ее.

В нем рос бесенок озорства. Малыш все чаще пробовал силу свою и ловкость: обнимал лапу медведицы, отчаянно кусал ее шильцами молочных зубов. В пасть его, пахнущую молоком, набивалась шерсть матери. Он отплевывался, скатывался на мягкую подстилку, что приводило его в азарт, и уже с рычанием он карабкался на ее бок и заново шлепался. Так повторялось много раз, пока он не уставал и, наткнувшись на материнское ухо, которым шевелила медведица, нападал на него с яростью, как на пойманную мышь, и с ожесточением грыз. После игры проголодавшийся медвежонок припадал к груди медведицы и, насытившись, крепко засыпал.

Наступил март. Снег на южных склонах гор растаял. Медведица сильно похудела, и с каждым днем у неё появлялось настойчивое стремление оставить берлогу, выйти на поиски пищи. Инстинктивная осторожность заставляла выжидать чего-то. Но беспокойство росло не по дням, а по часам.

И вот наступил тот самый теплый день, когда на кедр уселся черный дятел-желна и во всю свою мощь принялся сильным клювом барабанить по старому гудящему стволу. Медведица насторожилась: подошла к отверстию берлоги, вслушалась. Перезванивались синицы. Где-то просвистел не угомонившийся за ночь сыч. И снова старый знакомый ей ворон громким, зовущим голосом оглашает лесистый распадок: крру-круу-кряау! Голос этот медведица слышала очень давно, когда мать выводила её впервые с такой же, как она, сестрёнкой из этой же берлоги. Поэтому сегодня крик ворона она восприняла как сигнал. Медведица знала о приближении тепла, готовилась к скорому выходу из берлоги. Она узнавала о приходе весны по оседающему снегу на отдушине, которая становилась шире. Стенки отдушины все гуще пропитывались смрадным звериным ды-

ханием и становились коричневыми, будто их кто-то полил густо заваренным чаем. Она подошла к выходу, шумно, раздув впалые бока, втянула воздух. Медвежонок тоже принюхивался. Струящийся в отверстие воздух лишен был привычного для него запаха глинистых сводов берлоги и слежавшихся листьев травы и мха. Ему вдруг стало страшно. Он жалобно заскулил и прижался к матери, но медведица долго прослушивала тишину голубеющего в отверстие неба. До слуха её доносился только едва слышимый говор проснувшегося ручейка, который пробирался по дну распадка ниже берлоги. Снова громко и трубно прокричал ворон. Медведица решительно гребанула снежную крышу входа. Снег, налитый теплотой звериного дыхания, был тяжелым, зернистым, падая, он рассыпался у её лап. Яркий свет ударил по глазам, привыкшим к темноте. Она опустила голову, пряча маленькие карие глаза. И только потом осторожно выбралась наружу. За ней следом выкатился медвежонок. Он ещё больше ежился от страха и жался к ней. Внимательно осматриваясь по сторонам, она с шумом втягивала волны повлажневшего от испарений воздуха, стекающего с горных вершин. Медведица была внимательна ко всему, будто все это она видела впервые. Для того, чтобы увериться в безопасности, она встала на задние лапы и некоторое время стояла, крутилась на месте, переступая в оседающем насте. Горячий воздух вырывался из её открытой пасти. И, убедившись, что все спокойно, она решительно направилась на ближайший открывшийся от снега склон, над которым вставал тонкий парок, туманящий воздух.

Оказавшись на проталине, она впервые глянула на своего медвежонка. Он, на удивление, был таким же чистым и белым, как этот снег. Трудно сказать, удивилась ли она необычному детенышу. Но стоило лишь ей ошутить его прикосновение, уловить родной и волную-

ший запах, услышать жалобное хныканье, как в сердце ее взыгрывало чувство глубокой нежности и материнской любви, зовущей встать на защиту. И медведица прижимала его лапой, лизала в темный нос.

Весь день они пролежали на склоне, нежась на солнце около полуразвалившейся гнилой колодины. Освоившись несколько, медвежонок попробовал на колодине свои острые когти и, пачкая лапы, счастливый бегал вокруг матери, а медведица подгребала его под брюхо и кормила густым горячим молоком.

Под вечер подмораживало и снег покрывался льдистой коркой — чарымом. А по сумрачным щелям, заросшим лесом, синел по-зимнему еще не тронутый теплом снег, сухой и пушистый. Шматки его по-прежнему отяжеляли лапы кедров и пихт. И все-таки мало-помалу весна пробиралась в горы. Шаг за шагом, расковыная пядь за пядью оцепенелую под снегом землю, она брала свое.

Еще несколько дней медведица выходила с детенышем нежиться первым теплом, а на ночь уводила его в берлогу. Часто возвращались бураны. В такие дни они не показывались, приходилось отсиживаться в берлоге. Но стоило только появиться солнцу и сверкающие свежие снега отступали. И совсем скоро появились на солнцепеках всходы первых проснувшихся трав.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

По горам уже разлилась чернота проталин. Воздух заметно потеплел. Медведица вела детеныша на ближайшую гриву, совсем открывшуюся от снега. На ее склонах росли невысокие одиночные кедры. Звери прошли небольшой долиной, увязая в сыром зернистом снегу. Медвежонку трудно было идти: он тонул по брюхо, весь вымок, его трясло от холода. Опустив крупную голову, медведица медленно переставляла лапы. Она шла не огляды-

ваясь. Ее не беспокоило, что детенышу трудно. Такова их жизнь, с длительными переходами, стремительными перебежками, лазаньем по крутым откосам. И это их делает сильными и крепкими. Поэтому мать-медведица так уверенно шла, не подозревая, что ему трудно. Они пересекли заснеженный распадок, вышли на бесснежный склон. Повсюду на черной оттаявшей земле краснели побеги молодой травы. Здесь было тепло и привольно. Медвежонку стало весело. Прилившие силы, словно спрятанная внутри пружина, толкали на шалости, и он набрасывался на мать: обнимал ее лапы всеми четырьмя своими, хватал зубами за длинную мягкую шерсть. Как бы не замечая его проделок, она внимательно вынюхивала отопревшую землю, когтила, опрокидывая, камни. Ловким движением языка тут же слизывала прятавшихся под ними насекомых, их личинки. Точно так же отворачивала пласты земли и доставала корешки травы. Глядя на ее широкую лапу, которой она выворачивала землю, медвежонок воспринимал это как веселую игру. Он тоже начинал энергично копать вместе с ней. Но медведица, занятая поисками пищи, легко и бесцеремонно отшвыривала его вместе с землей и, погрузив морду в свежерыкопанную землю, хватала корешки передними зубами, выдирала их, брезгливо оттопырив губы и, казалось, нехотя жевала, громко чавкая, и потом чихала, продувая ноздри.

Первый переход от распадка, где находилась берлога, до этой темной гривы был для малыша настоящим праздником. Он столько узнал разных запахов. Теплая подсохшая земля приводила его в восторг, к тому же копать сколько хочешь!

К вечеру похолодало. Из ноздрей медведицы пошел клубами теплый воздух. Она повела своего детеныша в кедры, растущие в глухом бесснежном распадке, и на подсохшей пахучей хвое устроила логово.

Их лежку от пронизывающих верховых ветров закры-

вал огромный каменный валун. С этого дня каждое утро отсюда они уходили пастись на темную гриву и целыми днями медведица выкапывала коренья.

Медвежонок основательно освоился. Его уже ничто не пугало, и всю энергию он тратил на озорство. Он не жался, как прежде, в страхе к матери, не прятался под ее брюхом, а с каждым днем обретал независимость и даже во время переходов позволял себе отставать. Это волновало медведицу. Она по горькому опыту знала, что бывают очень опасные встречи. Если шалун отставал, она тотчас поворачивалась к нему и, словно тяжело вздохнув, издавала утробный рык: «Ур-рх!» Медвежонок этот звук принимал как сигнал, чтобы идти, и со всех ног бежал к ней. Этот рык «Ур-рх» означал для него собственную кличку «Урх». Случалось и другое: поотстав или испугавшись чего-нибудь, Урх звал мать, и получалось это как «Ма-а!», и медведица «ма-а» воспринимала как «мама».

Каждый раз под вечер Урх окончательно выматывался и озорство оставляло его. Медведица устраивала отдых: ложилась где-нибудь на поляне или на хвою под деревом. Отыскав грудь, Урх припадал к соску и, причмокивая повлажневшими губами, сучил передними лапами, погружая острые коготки в теплую косматую грудь. От удовольствия он глухо урчал и, не выпуская изо рта соска, вскоре засыпал.

С каждым днем корм добывать становилось легче. На солнце уже зеленела травка. Вблизи снежников поднялись жирные ростки горькуши и борщевиков, охотно поедаемых медведями. Повсюду вставали и распукались тугие початки маральего корня. Урх знал — их можно есть, и охотно сам скусывал красноватые нежные побеги.

Урху нравилось, как утром, проснувшись, мать его вставала на задние лапы во весь свой гигантский рост и когтями сдирала неподатливую кедровую кору. Терп-

кий запах смолы растекался в воздухе. Потом она валилась на спину и, как маленькая, болтая в воздухе лапами, каталась на хвое, от удовольствия глухо урча; затем вылизывала лапы, прислонившись к стволу, чесала бока, скусывала налипшую к шерсти грязь и только потом тщательно от носа до пяток вылизывала своего маленького Урха.

Утром после сна он набрасывался на мать, стараясь побороть ее, сердито ворчал. Иногда, забыв о заботах и тревогах, Ма-а играла с ним, с готовностью подставляя шею и голову. Либо повалившись, она заключала его в объятия могучих лап и нежно трепала за шиворот, тербила за его короткие мягкие уши. Сваявшаяся и потускневшая за зиму шерсть медведицы теперь блестела. Угольчатый светлый ошейник, окаймляющий шею и грудь, стал почти белым. Это делало медведицу очень красивой.

Однажды в тот момент, когда она выкапывала коренья, а Урх из озорства рыл землю просто так, до слуха ее донесся легкий шорох. В одно мгновение она легко поднялась на задние лапы и, вздыбив на загривке шерсть, неслышно шагнула вперед. Урх, не сознавая того, что мать чем-то обеспокоена, подскочил и четырьмя лапами вцепился и повис на ней. Но совершенно неожиданно для себя, подобно снежному кому, отлетел в сторону. Не обращая на него внимания, она осела на все четыре лапы и, почти касаясь брюхом поднявшейся над землей травы, бесшумно поползла к большому поваленному дереву, лежащему на склоне среди кедров. Урх не понимал, что происходит, но каким-то скрытым чувством угадывал, что будет что-то важное. Все это время, пока медведица ползла, он стоял неподвижно, наблюдая за матерью. Вскоре до него долетел запах чужого зверя с той стороны, куда подбиралась мать. Шерсть на его загривке поднялась дыбом. Он весь обратился в слух.

Еще сильнее распластавшись на земле, медведица вдруг замерла. В это время Урх увидел, как впереди нее на высоких ногах появился крупный темный зверь. На вытянутой голове его покачивался большой развесистый куст рогов. Медвежонку при виде великана вдруг стало невыносимо страшно, и он жалобно заскулил. Этого оказалось достаточно осторожному кустоголовому зверю: он внезапно остановился, повернул острые уши вперед, раздул темные ноздри. Медведица поняла, что он сейчас убежит. Она резко толкнулась четырьмя лапами, взметнув ошметки грязи и мха. Ее мохнатая туша необыкновенно легко будто взлетела над упавшим стволом, за которым она лежала. Но лось опередил: громко фыркнув, он резко кинулся в сторону, подбросив комки грязи, и только тяжелый топот его «каменных» копыт и треск веток, ломаемых костяной короной, некоторое время еще слышался в той стороне, куда он убежал. Сделав несколько сильных прыжков, медведица остановилась. Войдя в охотничий азарт, она некоторое время нервно ходила взад и вперед, останавливалась, слушая уходящего лося. Потом долго нюхала его глубокий след. Урх подошел к ней. Она обнюхала его, горячо и тяжело дыша, и пошла вверх по склону через густые заросли кедрового стланика, забитые еще нерастаявшим зернистым снегом.

Мало что понял Урх из того, что произошло, однако он узнал, что мать его сильная, и бояться её даже страшные, неизвестные еще ему звери.

Миновав густой стланик, они вышли на низкотравную лужайку. Над высокими горами, черно-белыми углами закрывающими горизонт, шумел ветер. Его невидимые крылья доставали до зарослей. И только в западинках было тепло. Трава здесь стояла высокая и нежная. Вскоре они наткнулись на норные выбросы земли. Обнюхав один из них, медведица запустила когти в податливую землю и отбросила ее под брюхо. Сунула нос

в открывшуюся норку. С натужным храпом втянула сырой воздух, но копать не стала. Урх тоже уткнулся в нору, но, кроме земляной сырости, ничего не почувствовал. Они медленно брели дальше, скусывая на ходу траву. Медведица подошла к свежей черной кучке земли. Копнула ее. Потом еще и еще, пока не открылась норка. Уткнувшись в нее, она жадно втянула воздух и вдруг принялась быстро, как только могла, выбрасывать землю то одной, то другой лапой. Черными комками, связанная корешками трав, земля летела в разные стороны. Подскочивший Урх тоже было принялся рыть, но одно недовольное движение ее лапы, и он оказался в стороне. Не сбавляя темпа, медведица продолжала вскрывать чернеющий подземный ход. Урх ходил около, и каждый раз она неласково отшвыривала его, чтобы не мешал. Он видел, как Ма-а с ожесточением выдирает своими железными когтями сырые грязные камни. Они отлетали и с шумом катились вниз по склону. Урх вдруг услышал, как в глубине норы кто-то жалобно заскулил. Еще одним мощным движением медведица вырвала новый пласт земли и вместе с ним какое-то мохнатое существо оказалось подброшенным и, несколько раз перевернувшись, оно мягко шлепнулось. Кошачьим рывком медведица прижала его к земле, и зверек обмяк. Это был небольшой, с торчащими из рта крупными острыми зубами, земляной грызун цокор. Глаз у него не было видно, но лапы были как у маленького медвежонка с крепкими кривыми когтями. Не успел Урх ближе познакомиться с неуклюжим толстячком, Ма-а, громко чавкая, уже жевала его. Урх уловил исходящий от зверька притягательный запах крови. Медведица расправилась с цокором быстро, и только теплые, густо и неприятно пахнущие кишки и желудок, набитые зеленью, оставались лежать на свежевскопанной земле. Урх тщательно обнюхал морду Ма-а, дотянулся до ее губ, слизывая с них теплую кровь. Потом еще раз сунул

нос в темную нору, втянул воздух и вместе с ним запах цокора. С этого часа Урх крепко запомнил, что в норах живут неуклюжие и визжащие зверьки с большими кривыми когтями, которых можно есть.

ДОРОГА В ЛЕТО

Прошло еще несколько дней. Прошумели первые дожди. По щелям гудела проснувшаяся от зимнего холода тайга. Бесновались, набрав силу, стремительные речки. Ночами в зарослях стлаников нежно высвистывали красногорлые соловьи. С утра до ночи по всему лесу перекликались громкоголосые кукушки. На горных лугах поднялась высокая и густая трава. Теперь она скрывала и Урха. Корма было много. Когда им вздумается, тогда и паслись. С большой охотой они выедали початки и розетки начавшей куститься сосюрен и борщевиков. Особенно вкусными были они у маральего корня. Теперь не нужно было целыми днями и ночами рыть землю и бродить по горам в поисках травянистых лужаек.

И вот настал час, и они под покровом ясной и тихой ночи, когда густо чернели тени, вышли из леса и стали подниматься на затяжной, усыпанный камнями, заросший кустами перевал. Переходили они через россыпи и лужайки, через снежники. Тишина и лунный свет разлились над миром гор и тайги. Холодное дыхание белков с их снежниками и льдистыми речками не страшно было для маленького Урха. Он стал лохматым, ему было тепло, даже когда капли росы за ночь обращались в лед. Не отставая, он шел следом за матерью, попутно выворачивающей камни в поисках насекомых и червей. В полночь они вышли на перевал. Ветер был еще сильнее и холоднее. Под их лапами среди мелких рассыпанных камней тускло серебрилась бьющаяся на ветру мелкая скальная осока. В лунном сиянии горные вершины казались еще величественнее, таинственнее и более дикими. И, каза-

лось, врезаясь в звездное небо, вершины плыли навстречу луне.

По каменистому гребню шли долго, пока луна не укатилась за горы. Урх устал. Он все чаще садился и отдыхал, пока Ма-а переворачивала камни. Далеко внизу чернела тайга. Начался спуск. Под лапами позванивали и скрипели мелкие камни. Неожиданно из-под морды медведицы с громким пугающим криком, от которого у Урха чуть было не лопнуло сердце, вылетели две крупные белые птицы. Их охрипшие громкие голоса многократно отозвались в темных провалах спящих гор. Медведица подошла к тому месту, где только что таились птицы. Обнюхала оброненные ими невесомые перья и крепкие колбаски пахучего помета. Урх тоже тыкался носом, познавая неизвестных крикливых птиц. Голодная жидкая слюна стекала с губ. Ощувив приступ голода, он было кинулся к матери и с ходу повис на соске. Она бесцеремонно отстранила его и продолжала спуск уже по узкой, набитой лапами и копытами зверей, каменистой тропе. Ниже тропы склон, усыпанный камнями, круто уходил вниз. За россыпью далеко внизу чернела чужая тайга.

Ма-а и Урх шли медвежьей тропой. Веками осенью и весной многие поколения живущих здесь медведей, косулей, лосей этой тропой, идущей через перевал, переходили к местам кормежек. Тропа выходила к субальпийским лугам, на которых поднялись высокие сочные травы. За ними начинался редкий кедровник и лиственничник. Обилие скал и распадков, где было тепло и можно было укрыться от непогоды, сочные травы, ягоды и шишки привлекали сюда разных зверей.

Было время, когда и Ма-а такой же маленькой, как Урх, вместе с сестренкой впервые преодолела эту крутую и опасную медвежью тропу, куда привела их мать. Теперь Ма-а сама пришла вместе со своим детенышем, словно вылепленным из первого зимнего снега.

Идущая впереди медведица внезапно остановилась, с шумом вдохнула влажными ноздрями нахлынувшую из-за поворота волну воздуха. Насторожилась и поднялась на задние лапы. Волнение передалось и Урху. Повинуясь голосу осторожности и чувству близкой опасности, он тоже встал на задние лапы, то и дело теряя равновесие, опирался на передние, но опять вставал, озираясь. Ниже по тропе за изломом увала над головокружительным крутяком стояла во весь рост другая медведица. С ней было два медвежонка. Это была сестра матери Урха, Чепрачная медведица. В отличие от Ма-а, очень черной, Чепрачная была светлой. Шерсть ее при лунном сиянии отливала серебром. Морда и «чулки» были почти черными. Чепрачная тоже узнала сестру, она первая опустилась на передние лапы и, увлекая за собой детенышей, скорым шагом ушла по тропе вниз. Ма-а и Урх теперь медленно и опасливо шли следом. Ма-а постоянно следила за Урхом, чтобы он не свалился с тропы. Она часто останавливалась, приюхивалась к камням, на которых были оставлены чужие запахи. Маленьким облачком катился следом за ней белоснежный Урх. Следуя тропой, они повернули за выступ горы и тоже стали спускаться по голой россыпи, туда, где стояли высокие травы и редкие кедровники. Урх основательно вымотался и нехотя плелся за матерью. На пути неожиданно встали густые стланики и, чем ниже звери спускались, заросли становились все выше и гуще и только за ними начинался редкий старый кедр. Гигантские деревья с причудливыми стволами по колено стояли в пышной зелени, источающей тонкий аромат первых цветков. Воздух заметно повлажнел, и шерсть зверей вскоре стала мокрой от выпавшей за ночь росы.

На травянистой лужайке Ма-а легла и привлекла к себе Урха. Он жадно впился в ее набухшую грудь и, урча от удовольствия и захлебываясь, глотал теплое запаристое молоко. Но насытиться ему не пришлось. Ма-а

вдруг резко вскочила, подняла голову и насторожилась. Некоторое время она стояла неподвижно, пытаясь уловить какой-то шорох. Затем она также резко повернула в сторону и, озираясь, запетляла в молодую кедровую поросль, покрывающую небольшую лощину, спрятанную от ветров. Вокруг огромными темными шатрами на легком ветру шумели раскидистые кедры. Беспokoйство не оставляло медведицу. Чаше обычного она останавливалась, поднималась на задние лапы и крутилась на месте, стараясь вовремя поймать запах, уловить шорохи или заметить преследующую опасность. Волнение матери словно перелилось в маленькое сердце Урха. Он тоже вставал на задние лапы, также крутился, но ничего не понимал, что могло так испугать его сильную и могучую мать.

Луна скрылась за серыми бесснежными вершинами — гольцами. Небо на востоке слегка порозовело. Пронизывающим холодом потянуло из глубокой скалистой щели, разрезавшей высокие горы. В щели шумела речка, бегущая от вечных снегов, белеющих на далеких вершинах — белках. Меркли и гасли последние звезды. Мокрые от росы медведи пробирались между крупными валунами, обрамленными пышными травами и кустами смородины. Первым утреннюю тишину нарушил мелодичный свист проснувшегося соловья-красношейки. Вскоре в гуще кедров стали бесшумно перепархивать с тонкими позывными писками пеночки. Флейтовый свист певчего дрозда зазвучал во всю мощь. А когда из-за гор показалось солнце, лес наполнился привычным шумом и гамом торжествующих птиц. Над горами розовел поднимающийся туман.

Медведица остановилась около трухлявого пня. От него несло сыростью, сладковатой теплотой, прелью. У пня бугрился громадный серый муравейник, на котором хлопотали ранние муравьи. Медведицу привлек его удушливый запах. Она гребанула кучу лапой, отбросив

далеко тонкие веточки и сухой лесной мусор, натасканный муравьями. Из потревоженного муравейника хлынул и разлился резкий кисловатый запах. Тысячи насекомых бестолково засуетились, не зная куда деваться. Медведица аккуратно, едва касаясь языком развороченной кучи, стала слизывать их. С ее губ и языка стекала обильная тягучая слюна. Медведица мотала головой, фыркала, выбрасывая попадающие в пасть тонкие веточки и палочки. Снова запускала лапу в муравейник и ловко славливала кишачих муравьев своим липким и гибким языком. Урх тоже сунулся в разрытый муравьиный дом и тоже заработал язычком. Ему понравился кисловатый вкус разжеванных муравьев. Но еще понравились сладковатые личинки. Он так увлекся, что не обращал внимания на обжигающие язык и губы укусы муравьев. И тут вдруг случилось непредвиденное: нос его внезапно прожгла жгучая резкая боль. С отчаянным криком он было кинулся в сторону, затем принялся кататься, отбиваясь лапами от невидимого врага, испуганно и хрипло зазывая на помощь мать. Но Ма-а всего лишь хладнокровно наблюдала за ним. Отбившись от злых обидчиков, он облизывал вспухший нос, пока не унялась боль. Теперь с некоторой опаской он обошел муравейник. Ма-а продолжала лакомиться муравьями. Вновь ощутив сладковато-тягучий и чуть удушливый запах, идущий от муравейника, он снова принялся хватать спящих муравьев. От удовольствия он, как и мать, пускал слюну, ловко слизывал муравьев, громко чавкал, наслаждаясь их кисловато-молочным вкусом. С этого часа навсегда Урх запомнил вкус и запах дышащего теплом лесного дома, в котором живут дерзкие и кусачие хозяева.

С каждым днем и часом он ближе узнавал мир тайги и гор. Ма-а учила его, как самому добывать пищу. Это была большая школа жизни, которую надо было пройти каждому появившемуся на свет медвежонку. Урху были

знакомы звуки и музыка леса, голоса и шумы гор. Он научился слушать тишину, быть внимательным к разным запахам. Но еще много чего существовало в жизни, о чем он не мог даже догадываться.

Они продолжали пастись. Урх, глядя на мать, скусывал сочные сердцевины крупных с иссеченными листьями кустов маральего корня, почти сплошь покрывающего отлогий склон горы. Урх охотно набивал ими желудок. Он сам отыскивал и жевал его молодые листья, как мать, громко чавкая.

Поднявшееся из-за гор солнце выпило на травах росу, когда медведи зашли в глубокую впадину, где трава была еще выше. На дне впадины, похожей на зеленую чашу, блестели блюдца талой воды, набравшейся с подтаявшего снежника, белеющего среди темных скал у самого гребня хребта. У воды на расквашенной земле кормилась стайка гималайских вьюрков, оживляющих своим чириканьем глухой уголок гор. С веселым и далеко слышным криком они поднялись и дружно вскоре опустились на осыпь, также оживленно переговариваясь. Голоса их медвежонок услышал впервые. Он подошел и обнюхал место, где они только что кормились.

Одолов голую осыпь, шлейфом уходящую далеко вниз к черному покрывалу тайги, они вышли на склон, усыпанный сплошь камнями. С вершин тянуло холодом и сыростью снегов. Внезапно, словно из-под земли, перед медведями появились две серо-белые птицы. Они дергали хвостами, кокали и ловко перебежали, уверенно прыгая с камня на камень. Медведица знала каменных куропаток. Знала, что здесь в гольцах у них бывают гнезда. Но сейчас она была сытой. Она не стала искать, а повела Урха туда, где собиралась устроить дневное логово.

У шумного ручейка, прыгающего через камни, рассыпающего холодные искрящиеся под солнцем брызги, они остановились. Ма-а зашла в воду, прошла по ручью и

стала пить. Урх последовал за ней. Потом Урх вышел на берег и огляделся: выше по ручью горы сходились, щель становилась узкой. По-прежнему тянул ветерок, пахнувший снегом и весной. Медведица поднялась на задние лапы, осмотрелась и, убедившись, что все спокойно, пошла в щель. Крутые каменистые осыпи совсем стиснули ручей. На голых камнях зеленели одиночные кустики скальной осоки и резные листочки куропаточьей травы, среди которых белели звездочки цветов. Желтыми огоньками качались на ветру алтайские тюльпаны. Вскоре горы расступились. Открылся большой и светлый, залитый утренним солнцем каменный цирк — закрытая со всех сторон горными вершинами округлая впадина. На дне его темнела толпа кряжистых кедров. Уродливые, перекрученные невзгодами и покрытые серыми наплывами стволы казались сказочно дикими. Они окружали небольшое чашеобразное озерко. В глубоком сне покоились по краям цирка скалы и голые осыпи с висящими на них снежниками. Вековой задумчивостью, кротостью и покоем веяло от сияющего озера.

Место хорошо прослушивалось. Шорох осыпающихся камешков, чирканье гималайских выюрков, нежные и тихие посвисты отщепенцев каменных дебрей — гималайских завирушек, четко слышны были в любом уголке каменной чаши, скрытой в глубине гор. Под кедрами земля была укрыта плотным слоем сухой хвои.

Несколько лет назад маленькая Ма-а была здесь со своей матерью. Теперь она привела своего детеныша. Она легла, развалилась на теплой хвое под кедрами. Урх уткнулся в грудь ей, отыскал разбухший сосок и, несколько раз голодно чмокнув, по-детски быстро уснул. В глубоком сне он некоторое время вздрагивал, довольно урчал и повизгивал. Ма-а сонным взглядом обвела молчаливые осыпи и сверкающую светом озерную гладь и, положив отяжелевшую мохнатую голову, уснула.

ЛЕТО

Лесная жизнь с разноголосьем птиц, шумом деревьев, горы, увенчанные скалами, гроыхающие стремительные и чистые речки и разные другие шорохи и звуки — все это видел и слышал маленький Урх. Все это учило его опыту, который так нужен каждому, кто здесь рожден, будь он ящерицей или медведем. И каждый день Урх познавал большие и малые, одинаково нужные тайны гор и тайги.

Потянулись длинные теплые дни наступившего лета. Ночи были светлее, тише и спокойнее, на кормежку медведи выходили теперь только с наступлением сумерек. Вставшие во весь рост заросли чемерицы и горькуши, борца и борщевиков, маральего корня и вейников покрывали горные луга, лесные поляны. Насытившись, Ма-а и Урх ложились обычно где-нибудь у ручья или на мочажине, где зелень была нежной, и лежа объедали макушки трав, до которых могли дотянуться.

Медведь — животное хищное, но на удивление приспособлен питаться и растительной пищей. Всеядность и обеспечила ему возможность существования. И Ма-а не упускала случая поймать какое-нибудь животное. Чаще всего добычей ее были обитатели нор — цокоры. Случалось из-под выворотня — упавшего дерева — выкопать оплошавшего бурундука. Попадались и гнезда птиц с яйцами или птенцами, которые без промедления съедались.

Урх заметно подрос. Теперь чаще, чем прежде, он проявлял свою волю и характер. Выражалось это в непослушании матери, и за это Ма-а, не скупясь, награждала его увесистыми оплеухами и шлепками. Но обиды шаловливого медвежонка были недолгими. Он был в таком возрасте, когда одна шалость без промедления следовала за другой. Окрепший и подвижный, он только и делал что-нибудь, чтобы нужно было применить силу.

Поэтому Урх не упускал случая, чтобы забраться на какое-нибудь дерево или в пух и прах разворошить трухлявый пенёк, в крайнем случае, без какой-либо надобности выкопать яму. А так как рос он без братьев и сестер, то это вынуждало его, переполненного энергией и силой, бросаться в игры с матерью. В такие моменты он наступал на задних лапах и, обхватив за шею Ма-а, с грозным урчанием, а порой и прихлынувшим злом, старался свалить ее. И когда это не удавалось, то с еще большей яростью он набрасывался на нее, впивался в шею или ухо и трепал, мотая башкой что есть силы, в азарте ворчал и визжал. Снисходительная, а порой необычно терпеливая, Ма-а иногда все-таки теряла материнское самообладание и щедро награждала его крепким шлепком. Однако это еще больше распаяло Урха, и он в крепкой хватке повисал на ней. И Ма-а вынуждена была, словно понимая его возрастную потребность в шалости, принять вызов. Обняв его большими лапами, она вместе с ним валилась в траву. Это были самые счастливые минуты для шаловливого Урха. Это было великолепное зрелище: громадная лохматая медведица каталась в сочной траве со своим белоснежным отпрыском, который неустанно набрасывался на нее с разных сторон. От подобных игр, больше похожих на потасовки и сражения в зеленых травах, шерсть его перекрашивалась. Это был уже не белый, а зеленый медвежонок, зеленый, как само лето.

Однажды, когда Ма-а пыталась отцепить Урха, отчаянно отпихивая его задними лапами, она уловила чужой запах. Это был тот самый запах, что и на медвежьей тропе. Теперь снова тот же ненавистный дух. Она вскочила, вся превратившись в слух. Расходившийся шалун тут же повис на ней. Ма-а грозно рыкнула, поддав ему оплеуху. Затем она поднялась на задние лапы, глядя в сторону взгорка, заросшего низким стлаником. Легкий горный ветер шевелил густые ветки зарослей, от

его дыхания заметно клонились травы. Никого не было видно, но медведица была встревожена. И снова ненавистный ей запах ударил в ноздри. Она глухо и длинно зарычала. Урх впервые увидел свою Ма-а злой и решительной. Он тоже поднялся и, едва глянув поверх зарослей, увидел идущего по осыпи в их сторону к стланикам огромного черного медведя. Могучий самец спускался с осыпи и, когда спустился в ложбину, разделяющую осыпь и стланики, Ма-а издала свое «Ур-рх!», рванулась и легкими большими прыжками побежала вниз по склону, постоянно глухо ухая и рыча. Она лишь на миг остановилась и, увидев бежавшего следом белеющего в траве малыша, продолжала бежать. Во весь мах они преодолели вставший впереди крутой, заваленный упавшими и иссохшими стволами увал, спустились в распадок прямо к речке. Вода в ней сильно шумела. Услышать что-либо из-за шума было просто невозможно. Это беспокоило Ма-а. Несколько раз она вставала, смотрела по сторонам, глядела на склон, откуда они сбежали. Раздувая разгоряченные бока, она нервно втягивала воздух, постоянно отфыркиваясь. Вокруг все было спокойно. Ма-а на время успокоилась, зашла в речку и запальной пастью стала хватать льдистую воду. И снова в ее сторону принесло ветром тот самый густой смрад старого медведя. Ма-а встала во весь рост и сразу увидела, как скорым аллюром бесшумно приближался громадный черный самец. На лопатках великана под густой косматой шерстью, как наплывы старого кедра, бугрились мышцы. Медведица знала, что старые самцы нападают иногда на молодых и детенышей. Теперь все зависело только от нее: сумеет ли постоять она за своего беззащитного медвежонка, иначе он обречен, станет жертвой не знающего жалости и пощады старого зверя. Самоотверженность и решительность подтолкнули ее к смело идущему великану. Вместе с тем в ней было желание спастись от него бегством. Ей ничего не стоило бросить-

ся через реку, убежать подальше от этого настойчивого и опасного преследователя. Однако, поняв, что детенышу не одолеть бурный поток, она нервным рывком тут же подцепила его лапой, и Урх, едва не долетев до противоположного берега, шлепнулся прямо в воду. Насмерть перепуганный, он сделал сильный прыжок на берег и пока успел сообразить, что к чему, Ма-а уже бежала навстречу грозному пришельцу. В нескольких прыжках от него она резко остановилась и некоторое время нервно ходила зигзагами. Послышался ее грозный рык. Убедившись, что самец не собирается отступать, вздыбив на загривке шерсть и оскалив белые клыки, она встала на задние лапы и, опустив когтистые передние, ощетинившись, стала горбатить спину. На какое-то мгновение поза ее озадачила и напугала медведя. Он понял ее ярость и твердую решительность. Тем временем медведица продемонстрировала свои размеры: она поднимала лапы, слегка подпрыгивала. Все это выражало ее крайне агрессивное состояние и то, что она готова вступить в схватку. Остановив своего преследователя — черного гиганта, она опустилась на передние лапы, сгорбилась, издав протяжный грудной пугающий рык. Сердечко маленького Урха, стоящего на другом берегу речки, готово было лопнуть от переполнявшего ужаса. Его трясло от страха. Жалкий и мокрый, он чувствовал себя совершенно беспомощным.

Черный медведь не хотел так просто отступать. Опустив громадную голову, он переступал с лапы на лапу, бросая косо взгляд темно-карих глаз на белое трясущееся существо. Он прочно решил, что оно по праву сильного должно принадлежать только ему. Вздыбив шерсть на спине, он сгорбился и, лишь едва касаясь земли крючьями крепких когтей, грозно и громко зарычал и сделал несколько шагов навстречу Ма-а. Но медведица не отступала: она собралась в комок, приняв угрожающую и решительную позу, готовая в любой миг броситься

на зверя и обрушить на него всю мощь своих лап. Задыхаясь от ненависти и злости, она не переставала рычать протяжно и глухо, будто стонала от нестерпимой боли. Похожие на мохнатые копны, могучий самец и мать Урха некоторое время стояли в угрожающей позе. С рыком они смотрели в упор друг на друга, сверкая белками маленьких глаз, скалились, обнажив клыки. Зубы старого медведя покрылись от времени рыжим налетом, словно ржавчиной, верхние клыки были сломаны.

Так сейчас решалась судьба маленького Урха. За него встала мать, которая тоже впервые в жизни столкнулась с превосходящей ее силой.

Самец-одиночка, не знающий отцовства, позабывший дружбу и чувство привязанности, в каждом существе видел только добычу. Его обвисшие, роняющие слюну губы нервно дергались, обнажая пасть с обломанными и стертými зубами. Такие старые, но не потерявшие еще силу самцы очень свирепы. Сила их уже не в зубах, а в могучих лапах. И чаще всего побеждает в схватке тот, у кого мощнее когти. А черный самец, она видела, был вооружен крупными когтями и поэтому был очень опасен. Уловив некоторое замешательство ненасытного великана, она воспользовалась этим и сразу же, не поворачиваясь к нему спиной, чтобы не выказать слабости, пятясь, боком стала постепенно отходить, не переставая рычать и скалиться. Горячая слюна, вскипавшая на ее губах от злобы, падала в траву. Так Ма-а подошла к речке, где стоял маленький Урх. В несколько прыжков одолев стремительный поток, она оказалась около него. Постоянно оглядываясь, не спеша они стали отходить. Ма-а уведила Урха совсем, понимая, что оставаться в опасном соседстве с таким зверем нельзя. Шли они весь день. Путь их лежал вдоль вершины хребта. Не останавливаясь на отдых, медведи перебирались через сплошные лесные завалы, образованные сошедшими снежными лавинами, проходили синие цветущие луговины змееголов-

ника, бело-голубые займища троецветки. Мяли широкими лапами цветущие у кромки снегов огоньки. Когти их стучали по камням, усыпавшим голый перевал. Ма-а и Урх шли назад в сторону берлоги в Долину цветов, где у лесных озер стояли Синий утес и Красные скалы.

Путь их преградил сверкающий зернистый снежник. Урх легко взобрался на снег и, раскинув лапы в стороны, как шалун-мальчишка, съехал на животе задом наперед. Занятие это ему страшно понравилось, хотя он шлепался в холодную воду — грязь была перемешана с талой водой, но это его не останавливало. Энергично отряхнувшись, так, что во все стороны летели комки грязи, он снова карабкался на снежник и, распластавшись на брюхе, снова летел вниз. Основательно перепачканный, он принялся кататься в траве. Шерсть его после этих процедур очистилась до льдистого блеска. Он стал чистым, как новая белая игрушка.

В тот день, одолев верст тридцать, уставшие, они уже в сумерках спустились с холодных гольцов в Долину цветов. Редкие кедровники стояли здесь вперемежку с лиственницами. Высокая трава скрывала медвежьих спины. Там, где поднималось солнце, чаще всего дули устойчивые холодные ветры. Долину закрывали высокие скалы, и поэтому здесь было тепло и тихо.

Они вышли к небольшому круглому озерку, спрятавшемуся среди старых кедров. На их стволах чернели следы былых пожаров. С противоположной стороны за озером возвышались беловатые скалы. На уступах по щелям зеленели полоски мхов, свисали круглые листья бадана и камнеломок. Зелеными перьями стояли папоротники. В ясную погоду вода в озере, словно впитав голубизну небес, становилась ультрамариновой. Отраженные блики играли на светлых скалах, и утес, казалось, синел. Вокруг озера лежали поверженные временем стволы кедров, обнаживших могучие лохматые корни. Ниже озера холмилась огромная долина — синяя.

оранжевая, желтая и голубая от цветущих лугов. Многочисленные ручейки и речки звенели среди мшистых бережков, прыгая через каменные валуны, через давно упавшие поперек их колодины. Долина цветов наполнилась шумом стремительных вод. В низинах зеленели яшменные, как замша, ворсистые проточные болота, покрытые мелкой густой осокой. Где посуше, зеленым войлоком топорщились непролазные заросли карликовой березки и серебрились низкорослые ивы. Это была очень красивая долина, озвученная голосами многочисленных птиц, не знающих человека. Со всех сторон цветущие луга ее закрывали высокие островерхие хребты. В тени скал белели большие поля и маленькие лоскуты снежников. От них зарождались многочисленные ручейки. Одна из горных вершин, врезавшаяся в небо там, где по утрам просыпается солнце, откуда рвутся горные ветры, походила на голову рыцаря в боевом шлеме, бесстрашно смотревшего в долину, словно ему подвластную.

Ма-а знала здесь каждую тропку, каждый ручей. Знала, где сочные вкусные травы, где можно переждать непогоду. Недалеко, в один день перехода, в долине Черной реки была их берлога.

ТРЕВОЖНОЕ БЕГСТВО

Каждую ночь Ма-а и Урх выходили на кормежку, а на день чаще всего возвращались в свое логово к Синему утесу, устроенное на берегу озера. Иногда на отдых устраивались у Красных скал, где тоже было большое озеро. И только в длительное ненастье, спасаясь от дождя, они уходили к самым скалам и прятались под сводом нависающего камня у высокой скалы, похожей на голову человека. Вид этой странной скалы еще ни о чем не говорил маленькому Урху.

Многое узнал медвежонок за свою короткую жизнь, но он еще не подозревал, что, кроме старых самцов, на-

падающих на молодых, есть враг, который гораздо опаснее и коварнее. Он понял также, что опасны и бурные реки. И не менее важно было и то, что за это время он научился сам отыскивать корм, познав многие кормовые места. Видел, что в этом прекрасном мире живет множество разных птиц и зверей. Со многими он знаком по запахам. Урх убедился, что все они могут служить только добычей, за ними можно охотиться. Это означало: всегда нужно быть внимательным, ходить бесшумно, чтобы не спугнуть. Он помнит, как однажды мать поймала на гнезде сидящую крупную птицу. А он, идя незаметно, наткнулся на крота, и Ма-а показала, что нужно делать. Он чувствовал силу: лапы у него стали ловкими, окрепли когти. Теперь одним ударом, как и мать, он может умертвить любого зверька. Он мог переворачивать вросшие в землю камни, под которыми прячутся съедобные насекомые. Научился быстро раскапывать норы, без усилий выдирать из земли нужные коренья. Но вместе с тем чувство силы и энергии часто толкали его на неосторожные поступки. Так и случилось, по шалости и неопытности своей он чуть было не поплатился жизнью.

Ранним утром они возвращались с пышных лугов на отдых к Красным скалам. Животы их, набитые травой, отвисли. Лень разлилась по телу, клонило ко сну.

Уже солнце распустило павлиний хвост лучей, выплывая из-за вершины скалы, похожей на голову человека. Медведица не спеша, вразвалку, опустив морду, брела примятой травянистой тропой. Несколько приотстав, Урх наткнулся на мышиное гнездо. Он тут же раскпал его, а потом, вскинув голову, во все лопатки пустился догонять мать. Неожиданно перед ним, как изпод земли, появился лосенок. Длинноногий, голенастый, он, казалось, висел над медвежонком, который глядел на него из травы. Страшно испугавшись выкатившегося белого звереныша с чужим запахом, лосенок метнулся было в сторону, но вдруг внезапно остановился и замер,

пугливо кося глазами, фыркая от страха. Урх подошел ближе. Тонконогий, нескладный лосенок бросился бежать. Урх, не раздумывая, пустился следом. Он бежал за ним просто так. Он даже и не знал, что будет делать, если и догонит. Им руководили не то шалость, не то инстинкт преследования. Тут-то произошло то, чего Урх никак не ожидал. Из кедровой поросли, стоящей на краю поляны, вдруг одновременно выскочили два громадных зверя. Один из них был кустоголовый, какого когда-то Урх уже видел. Рогатый великан в одно мгновение оказался рядом с оторопевшим медвежонком. Громко фыркнув, он сделал выпад и ногой ударил в него. Как крепкая жердь, на конце с большим раздвоенным копытом, мелькнула передняя нога лося около медвежьего носа. Чудом каким-то лось промахнулся, не угодил в череп незадачливого медвежонка. Со страху Урх закричал и кинулся бежать, но лось преградил отступление, и другой удар, по счастливой для Урха случайности, пришелся по молодому кедрю, за которым в этот миг он оказался. От резкого удара деревце вздрогнуло, охнуло и, словно перерубленное, чуть отскочило и рухнуло. Перепуганный медвежонок закричал еще громче, стал метаться из стороны в сторону, чтобы убежать. Но лось не отпускал его. Он ловил момент ударить копытом в голову. Оказавшись около другого небольшого кедра, с необычной ловкостью Урх вскарабкался к самой макушке. Рассвирепевший лось старался достать его, но это ему не удавалось. Медвежонок тем временем жалобно и басовито вопил: «Ма-а-а, ма-а-а!». Он звал на помощь свою мать. Исходившая от него медвежья вонь еще больше приводила в ярость лесного великана. Крепкими и острыми копытами он рыл землю под деревом. А Урх кричал, как мог, чтобы его услышала Ма-а. В это время из-за деревьев появилась медведица. С ходу, не колеблясь, она набросилась на лося. Опустив громадные рога к самой земле, он встретил ее,

что называется, в штыки. Удачно подцепив ее, он пытался подбросить, опрокинуть на спину. И Ма-а была отброшена. В это же мгновение он отступил на несколько шагов и, опустив голову, приготовился встретить ее. Удар сохатого оказался для медведицы таким неожиданным, что она не сразу сообразила, что с ней произошло. Ма-а вскочила и в новом прыжке метнулась к нему. Лось повторил выпад, встретив ее рогами. На этот раз он сильно ударил ее в грудь. Это привело медведицу в ярость. Отскочив, она кинулась на него сбоку, разорвав его темную шкуру на лопатке. Лось метнулся в сторону и, припадая на переднюю ногу, размашистой иноходью скрылся в молодом кедровнике, где скрылась лосиха со своим долговязым теленком.

Ма-а тяжело дышала, задыхаясь от ярости. Урх слез с дерева. Но вместо того, чтобы успокоить своего детеныша, она сгребла его за шиворот, несколько раз тряхнула и бросила в сторону. Ярость не оставляла ее. Еще некоторое время она кружила вокруг дерева, на котором спасался медвежонок. И, обнюхав место схватки, повела Урха к Красным скалам, где легла у ствола кедра. Успокоившись, Урх прижался к ней и почувствовал запах горячей крови. Из рваной раны на груди Ма-а на рыжую хвою капала густая кровь, чернеющая на глазах.

Случай с лосями белому медвежонку пошел впрок. И хотя по-прежнему он оставался тем же баловнем, а порой и беспечным, однако стал еще более внимательным ко всему, что делала и предпринимала в разной обстановке его опытная мать.

Каждый детеныш готовится к самостоятельной жизни через опыт своих родителей. С ними он познает все радости, опасности и лишения — все то, чего требует жизнь. Такова неписаная логика жизни животных. По этим законам жил и маленький Урх.

Лето было в разгаре. Крупные сиреневые шапки

цветков марального корня встали высоко над лугами, источая тончайший медовый дух. Удушливо дышали бототины, сплошь поросшие диким луком. Ясные теплые дни в высокогорье сменялись продолжительным ненастьем. Либо кратковременные дожди несколько раз на день сменяло солнце, согревающее щедро Долину цветов. Иногда медведи бродили и днем. На цветущих травах, надоедливо чекая, сопровождали их пестро окрашенные черноголовые чеканчики. У речек на непрощенных косматых гостей пикировали с возмущенным трещанием дрозды и всюду цыкали потревоженные лесные коньки. Урх не только хорошо знал голоса обычных здесь кедровок, соек и воронов, но и бурундуков. Различать их он научился у Ма-а, постепенно постигая все житейские премудрости. Не раз случалось так, что он первым по тревожным голосам птиц узнавал о приближении зверя. Теперь не только в четыре глаза, но и в четыре уха они следили за всем, что делается вокруг.

Наступила середина лета. Урх заметно подрос, спиной доставал материнское брюхо и все больше становился самостоятельным.

В один из погожих дней они безмятежно спали после ночных скитаний среди кедров у Синего утеса, развалившись на кедровой хвое. И вдруг сквозь сон Урх уловил далекий крик кедровки. Кричала она из-за ближнего увала, заросшего березками, где протекала светловодная тихая речка. В голосе птицы медвежонок уловил скрытую тревогу. Он поднял голову, напряг слух. Вокруг было тихо и безмятежно. В кронах сновали зеленые пеночки. Тихо переговариваясь и щелкая тонкими клювиками, они гонялись за пролетающими мошками. Урх вскоре успокоился и, сморенный сном, опустил голову на передние лапы. Блики, отраженные от едва колыхающей воды, утомляли глаза. Они вспыхивали, играли на утесе, словно золотисто-голубоватые кольца.

И вдруг опять послышался тонкий тревожный писк, но уже беспокоились лесные коньки. Обычно зеленовато-серые, тонконогие птицы каждый раз, заметив кого-нибудь у гнезда, именно так тревожно цыкают, сидя на вершинах деревьев. Урха это еще больше насторожило. Однако, сколько он ни слушал еще, кроме сонного дыхания Ма-а, ничего подозрительного не уловил. Но сон к нему уже не приходил. Он и сам не знал почему, но не доверял тишине и держался начеку. И снова тишину нарушил, но уже ближе, возмущенный треск чернозобого дрозда. Снова тишина, и он слышит только, как безмятежно посапывает Ма-а. На ее лохматом боку едва заметно колыхался отраженный свет озерной воды. Казалось все это привычным. Покой их никто не нарушал, и Урху пора бы давно успокоиться. Но опыт матери, которая не всегда доверяла тишине, учил его быть осторожным и внимательным ко всему.

Вдали откуковала одинокая кукушка, за болотом где-то далеко в поднебесье протрубил вершивший круги ворон: крруу-хррум! хррум-хррум! Вздрогнула и подняла голову медведица. Насторожилась. Теперь она и Урх крутили головами, наострив уши. Все за тем же увалом, в ложине, громко и резко застрекотал кем-то обеспокоенный певчий сверчок. Медведи знали — эта скромная, громкоголая птичка кричала всегда, когда они проходили ложиной у речки. Ма-а уловила тревогу птицы, значит, кто-то идет. Беспокойство сверчка передалось медведям. Первым поднялся Урх и, повернувшись в сторону долины, замер, затаив в напряжении дыхание. И вот уже рядом в кедровнике цвиркнул бурундук, кем-то напуганный. Его панического цвирканья оказалось достаточно: крупными скачками медведи бежали озеро и остановились на противоположном отвесном склоне.

В это же время там, где только что отдыхали медведи, появились люди. Урх впервые в жизни видел людей.

— Только что здесь были медведи,— сказал один из них, показывая на распрямляющуюся, примятую зверями травку под кедром.

— Смотри!— крикнул другой, показывая рукой на медведей. В тот же миг Ма-а и Урх услышали негромкий шелчок.

— Кажется, получилось, успел навести на резкость.

Слабый, едва слышный шелчок фотоаппарата выстрелом отозвался в сердце медведицы. Она знала, что люди при встрече могут погубить их даже с расстояния.

Не разбирая пути, словно обезумевшая, Ма-а рванулась вверх почти по отвесному склону. Урх не отставал. Смертельный страх, охвативший мать, передался и ему. Из-под лап их летели камни и земля и шлепались в чистую, играющую бликами воду. Достигнув вершины горы, Ма-а на мгновение задержалась — не отстает ли детеныш? И что есть силы снова побежала через заросли стланика, покрывающего затененный склон. Медведи уже скрылись за увалом, но камни еще некоторое время с бульканьем сыпались в воду.

Люди, удивленные встречей с белым медвежонком, некоторое время стояли, оживленно переговариваясь.

Преодолев заросли, затем сырую низинку, заросшую осокой и лютиками, медведица остановилась. Урх тяжело дышал. Глаза от напряжения налились кровью. С вывалившегося языка и темных губ, четко обозначенных на белой морде, стекала густая слюна и пена. Хрипя от удушья, он хватал воздух. Сильно раздувались и разом опадали расходившиеся бока. Он еще ни разу не видел, чтобы его грозная и сильная мать, бесстрашно набросившаяся даже на кустоголового великана, панически бежала от этих двуногих, которые так странно ворчали друг с другом. Урх прочно усвоил теперь и то, что в их горах появляются двуногие, которые непривычно пахнут, и их бояться надо больше всего на свете.

В долину они вернулись только спустя несколько дней.

У КАМЕННОГО ОЗЕРА

Лето догорало. В Долине цветов у вечных снегов, прятавшихся по тесным щелям и северным склонам на красочных лугах, по которым стояли одиночные кедры и лиственницы, провел Урх свое первое лето. Теперь по ночам с горных вершин спускались заморозки. С каждым августовским утром сильнее желтели широкие ребристые листья чемериц, леденела роса. Наливались медью заросли карликовой березки. Стали красно-багровыми и листья бадана, разостланные на гольцах. С восторженным визгом из леса в тундру постоянно летали кормиться созревшей черникой стаи дроздов. Медведи тоже посещали черничники, спускались в лесной, растущий по ручьям малинник. На осыпях лакомились черной смородиной. Это было самое сытное, самое прекрасное время. Можно было круглые сутки обсасывать черные и красные, сладкие и кислотоватые ягоды. Но большую часть времени Ма-а и Урх паслись в черничниках. Фиолетовые ягоды, похожие на птичьи глаза, словно были рассыпаны кем-то на поляне. Медведи, чавкая с удовольствием, без усталости обсасывали низкие жестколистые кустики, лежа на животе. Иногда они кормились круглые сутки. Надо было набирать жир, чтобы ко времени залечь в зимнюю берлогу. Шерсть у них погустела и подлиннела, вырос подшерсток. Но по-прежнему медведи выкапывали коренья, которые были питательнее сочных ягод и трав. Оттого, что медведи постоянно кормились на черничнике, лапы, брюхо и морда Урха были перепачканы ягодами так, будто он не только бродил в чернилах, но и пил их. И напротив, белая шерсть на морде розовела после лакомства ягодами красной смородины. Однако стоило им пройти сквозь заросли кедрового стланика или березки шерсть их, расчесанная густыми ветками, обретала воздушность, наливалась блеском, а Урх становился белоснежным.

Под шкурой у него тоже, как и у матери, обозначились крепкие бугры мышц. Он стал охотником. Опыт, который он обрел за первое лето своей жизни, научил его скрадывать добычу. Он и сам умел теперь уходить от опасности. Все неизвестное настораживало его, и Урх, убегая, уже научился использовать местность, чтобы быстрее скрыться.

Теплым августовским днем они обсасывали черничник на спрятанной от холодных порывистых ветров лужайке.

Далеко внизу по склонам гор, в долинах дремала тайга, словно убаюканная глухим шумом строптивых речек и звоном кобылок. Высоко над горами прокричал ворон. Ма-а подняла голову. Пара крупных черных птиц кружила под серебристыми облаками. Эти орлистые птицы всегда привлекали ее внимание. Она доверяла их голосам больше, чем голосам других птиц гор и тайги. Щурясь от яркого света, Ма-а внимательно следила за их кругами. Вороны, не переставая кричать, прошли над перевалом и скрылись за одиноко возвышающейся горой, за которой в глубокой щели находилось небольшое высокогорное Каменное озеро. Как только птицы скрылись, медведица встала и пошла в сторону горы и озера через заросли березки, подняв выводок белых куропаток. Медведи обнюхали место, где сидели птицы, но, кроме выпавших рыже-пестрых перьев и густо пахнущих кучек помета, ничего не нашли. Поднялись на округлую гору. Камни струили тепло, приятно согревая подошвы лап. Покачиваясь на ветру сернисто-желтыми головками, догорали последние цветки голостебельчатых маков. С горы открылась в провале сверкающая гладь озера. Ультрамариновая, как вечернее небо, вода отражала вершины гор, уже припорошенные первым снегом. Ма-а внимательно всматривалась в межгорную щель, которая у озера расширялась, образуя нечто вроде каменного цирка, на дне которого блестело озеро. Урху, однако, непонятно было, что так могло заинтересовать

Ма-а. Он втягивал воздух, приятно охлаждающий ноздри, но ничего такого не учуял, что было бы достойно внимания. И вдруг медведи увидели, как у озера взлетели и тут же опустились на камни две черные птицы. Медведица, не раздумывая, напрямик, по крутой осыпи начала спуск в каменную чашу. За ней неотступно следовал Урх. Из-под лап, нарушая тишину котловины, покатались камешки. Спустившись к озеру, медведица вдруг перешла на прыжки. Легко перескакивая через каменные валуны, она бежала прямо к вóронам. Запах крови ударил в ноздри. Медведи остановились. И только тут Урх увидел, как неподалеку от них на плоском валуне сидел крупный орел, терзающий рыжего зверька. Урх впервые оказался около этой птицы и видел так близко его могучие когтистые лапы, прижавшие жертву, и крючковатый клюв, которым он рвал сурка, и налитый дерзостью и отвагой хищный взгляд темно-карих глаз. Это был старый беркут. Воротник его украшали светло-рыжие кинжаловидные перья, выделяющиеся на темно-коричневом фоне.

Ма-а кинулась к птице. Не желая так просто расстаться со своей добычей, беркут громко и протяжно заклекотал. Махая крыльями и увлекая за собой убитого сурка, он стал взлетать. Ма-а опередила его: в два мощных прыжка она оказалась около него. Беркуту поневоле пришлось оставить добычу. С клекотом, шумя громадными крыльями, он взлетел, поднялся над озером и, очертив над ним круг, скрылся за скалами.

Урх и Ма-а навалились на отнятую у орла добычу и с урчанием стали тянуть ее в разные стороны. Вскоре на поляне, где была начата трапеза беркутом и закончена медведями, остались только клочки рыжей сурковой шкурки, перепачканные землей, лапки да желудок, туго набитый пахучей зеленой жижей. Сидевшие все это время на камнях вóроны от нетерпения перескакивали с камня на камень, косо поглядывая на съедаемую на глазах добычу. Покончив с сурком, медведи забрели в

озеро и, лакая студеною воду, омыли окровавленные пасти. Выйдя на берег, Ма-а повалилась на бок и сладко засопела. Положив голову на передние лапы, Урх продолжал наблюдать, как вороны боком подскочили к остаткам истерзанного зверька и растягивали в разные стороны его внутренности. Урх впервые так близко наблюдал воронов. Иссиня-черное оперение птиц вспыхивало огнистым светом. Крепкие лапы и горбатые клювы были тоже черные и блестящие, словно покрытые лаком. Покончив с остатками сурка, они подлетели к воде, напились и, выбравшись на камни, нахохлились и тут же задремали. Урха тоже сморил сытый сон.

Громкий пронзительный свист внезапно разрезал тишину у Каменного озера. Медведи вскочили как ужаленные и усталились на каменистый склон, откуда прозвучал свист. На одном из ближних камней торчал толстобокий сурок. Каждый раз в такт своему крику он вскидывал, словно тряпичный рыжий лоскут, короткий хвост. Выпучив глаза, прижав к груди короткие лапы, сурок громко и гнусаво выкрикивал: «Ка-фик, ка-фик». С разных сторон ему стали отвечать другие.

По каменистой россыпи бесшумно шла с медвежатами Чепрачная медведица. Под ее лапами вдруг загремели камни. Она прыгнула и в мгновение ока оказалась около одного из кричащих сурков. Не ожидающий такого резкого выпада, насмерть перепуганный зверек юркнул под первый попавшийся валун, торчащий на пожелтевшей от заморозков лужайке. Не теряя ни секунды, Чепрачная принялась рыть под валуном. Она торопилась, чтобы не дать оплошавшему зверьку уйти глубже. Из-под лап ее взлетали комья глины, перемешанные с корнями трав. На глазах она уходила в вырытую ею нору под валуном. Вскоре пронзительный крик сурка, пойманного медведицей, раздался в каменной пади. Чепрачная медведица выволокла барахтающегося сурка, тряхнула его, и в тот же миг с урчанием, награждая друг

друга оплеухами, накинулись на него медвежата. Через считанные минуты с ним было покончено. Затем все семейство тоже спустилось к озеру.

Урх первый кинулся к медвежатам. Отбежав от Ма-а, он оглянулся и, убедившись, что можно, помчался навстречу. Медведица не проявляла недовольства: он был уже в том возрасте, когда молодые умеют постоять за себя сами. К тому же семью Чепрачной Ма-а воспринимала доброжелательно. Медвежата без предварительного знакомства сразу же начали игру. Ма-а и Чепрачная лежали на траве поодаль друг от друга, пристально следили за своими детенышами. Тем временем медвежата образовали настоящую свалку: дружелюбно урча, сцепившись в единый подвижный клубок из черно-белых мохнатых тел, они катались по лужайке. То вдруг живая куча рассыпалась и, разбежавшись в разные стороны, детеныши снова сбегались и, кувыркаясь, награждали друг друга шлепками, катались по берегу.

Урх был больше и сильнее своих юных соперниц. Им двоим он не уступал ни в силе, ни в ловкости. И надо было видеть, как он дерзко отшлепал Чернушку, явно отдавая предпочтение ее сестренке Белой Шейке: валился перед ней на спину, брыкаясь белыми лапами, подставлял шею. У Белой Шейки, как и у тетки Ма-а, было светлое полукольцо на груди. Теперь обе сестры дружно нападали на Урха и он отбивался, как мог. Вырвавшись из их цепких объятий, во все лопатки он припускал к матери. Но каждый раз, добежав до условной черты, обретал смелость: резко поворачивал и переходил в наступление. И снова потасовка и свалка продолжались. Для Урха это были лучшие минуты, потому как рос он один и игры со сверстниками доставляли ему большое наслаждение. И не удивительно, что играл Урх с ними до полного изнеможения. Запавшиеся от возни косолапые шалуны с разбега залетали в озеро, обдавая друг друга каскадами брызг. Они барахтались у берега, хватая пастями

холодную воду. Остудив свой пыл, снова пускались в игру. Урху нравилось, когда Чернушка и Белая Шейка хватили его за лапы и тащили в разные стороны. Поддаваясь, он довольно рычал, затем вырывался и, словно разозлившись, наседавал на одну из них. Черно-белый ком из мохнатых тел снова катался по лужайке. Неизвестно, как долго продолжалась бы эта игра, если бы в скалах не прошумел вырвавшийся из щели ветер. С курьерской скоростью по небу уже мчались облака. Они густели с каждой минутой, плотнее закрывали небо. Из-под россыпи камней выбрались кургузые рыжеватые пищухи-сенокосы и отрывисто засвистели. Откуда-то появились мухи и мошки, они назойливо лезли в глаза и нос. Чувствовалось приближение дождя. Ма-а и Чепрачная были обеспокоены приближением ненастья. Они знали, что мухи назойливы перед дождем. Ма-а глухо, подзывающе рыкнула «Ур-рх!» и пошла вниз по ручью. Повинуясь ее голосу, Урх покорно пошел за ней. Как только они оказались в зарослях стланика, Ма-а повернула в гору, вскоре они очутились у скалы, под которой темнела неглубокая пещера. Она надежно защищала от дождя и ветра. Медведи углубились в нее и залегли.

Рокот первого приступа дождя вскоре прошумел в стланике. Полусвернувшись, Ма-а чистила когти, усиленно чесалась. Уставший Урх незаметно уснул. Отлеживаясь под скалой, вздрагивая от сухого треска ослепительных молний, медведи не подозревали, что над ними сгушались тучи несчастья.

В эти дни в газете появился небольшой очерк и фотография, на которой великолепная крупная медведица, украшенная светлым ошейником, стояла на склоне горы у озера. Но самое удивительное: рядом с ней был необычный, совершенно белый медвежонок. Словно это был детеныш полярного, а не бурого медведя. В очерке во всех подробностях рассказывалось о времени и месте встречи этой удивительной семьи.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Охотники ехали вдвоем верхом на лошадях. За спиной у них были ружья. К седлам приторочены переметные сумы. После тридцати верст разбитой лесовозной дороги повернули в гору. Тропа уходила широким лесистым логом Горелой ямы. С обеих сторон обширные гари покрывали горные склоны. Как только гарь кончилась, тропа прижалась к речке и вскоре нырнула под полог кедровника.

Рослый рыжий Спиридоныч, разменявший уже пятый десяток лет, был достаточно еще крепкий, плечистый. Ехал он впереди. Спутник его Алексей — молодой, неопытный охотник, старался не отставать, то и дело понакал свою лошадь.

— Можя, остановимся, — предложил Алексей, — передохнуть бы надо малость, а то вона сколько прем, и все в гору. Запарились лошади-то.

— Ниче не сделатца имя, — говорил Спиридоныч, оглядываясь на Алексея. — Душа винтом, а к вечеру до места надо. А туда еще ог-го! — махнул он кнутом, показывая за перевал на гольцы, покрытые снегом.

Он поднял голову, придерживая шапку. Тучи сгустились над белками, вершины которых уже скрывали клочкастые облака.

— Дождь, похоже, будет, — заметил Алексей.

— Че-нибудь придумаем, нам до места, душа стори, а надо сегодня, — твердил Спиридоныч, подтягивая к седлу сползающие назад на крутом подъеме тяжелые сумы.

Переехали речку. Тропа, словно взбодрившись, еще круче пошла вверх, петляя среди могучих стволов кедров. Пышные травы доставали лошадям до холки. Шум речки остался позади. Лошади, тяжело дыша, устало махали головами. Началось криволесье. Подушки мха, уже тронутые позолотой первых заморозков, мягко пруж-

жили под копытами лошадей. С гор тянуло сыростью и свежестью. Дышать стало легко. Охотники застегнули куртки. Поостыв, лошади пошли бодрее.

— Шишки нонче маловато,— оглядываясь на оставшиеся внизу кедрачи, говорил Спиридоныч.— Здесь нет, в другом месте найдем. Такого еще, Лексей, не было, чтобы я не нашел столько, сколько надо! Если ореха не будет, корня золотого надерем. Главное, есть у нас с тобой разрешение на медведей. Значит, все по закону делаем. Сам знаешь.

Начались гольцы. Копыта лошадей застучали по камням. Земля стала твердой от холода близких снегов, покрывших вершины. Вскоре начались курумники. Ехать верхами стало опасно. Охотники спешили и повели лошадей в поводу.

Вышли к перевалу. Горные вершины, усыпанные камнями и первыми снегами, захватывали величием. Внизу по гривам и долинам стелилась тайга.

— Красота!— восхитился Алексей.

— Че красота, то красота,— поддержал Спиридоныч.— Здесь по курумнику,— показал он на серые россыпи камней,— всегда куропатку каменную стрельнуть можно. Она не пугливая, ты идешь, а она бегаёт, как курица. Завсегда вареху добыть можно. Поел я их на своем веку,— горделиво посмеиваясь, говорил Спиридоныч.— Че куропатки, медведей, не поверишь, как этих самых куропатов, сшибал. Да, было дело,— хвастался он.

Часа через три они прошли покатую вершину белка и начали спуск к лесу. Пересекли несколько долин и стали спускаться у Красных скал, стоящих у озера. Остановились. Расседлав лошадей, стреножив их, пустили пасться. Поставили тут же палатку.

— Синий утес здесь рядом,— рассказывал Алексею Спиридоныч,— это как раз то самое место, где энти туристы и видели белого ублюдка. Нарошно я сюда, а не

к Синему привел, чтобы не спугнуть. Отсюда налегке удобно в Долину цветов ездить. Завтра с утра оглядимся, что к чему.

За горными вершинами умирал день, выплеснув вечерние краски. Разливая синий дымок, у палатки вспыхнул костер, разгоняя густеющие сумерки.

— Давненько не бывал я здесь, — рассказывал Спиридонич, отхлебывая чай и подбрасывая кедровые сучья в огонь. — Медвежий это угол. Тургусунские белки рядом, там тоже медведь всегда есть. Во-он там, — показывал он в сторону хребта, замыкающего долину с востока. — Я однажды стукнул красивую Чепрачную медведицу. Шкура у нее была что надо, сразу на такую и покупатель нашелся. А вот два ее медвежонка-пестуна ушли. Оба не похожие были, у одного на шее чисто белое кольцо, другой чепрачный какой-то, как мать, — соломенный. Морда, грудь и лапы кажется сажей вымазаны. Красивый, черт! Была мысль наведаться за ним. Большой теперь стал, если выжил. И вот такой редкий случай — белый объявился. За такие шкуры сейчас неплохо платят. Так что стоит нам, Лексей, постараться, — и он довольно хлопнул внимательно слушающего Алексея по плечу. — А если живого белого поймает, хорошо заработаем.

— А что, Спиридонич, — спросил Алексей, потягивая из кружки запашистый чай, заваренный старыми листьями бадана — чагыром. — Правда, что ли, что медведя у нас на Алтае много стало. Корма, говорят, ему не хватает, и потому коров дерет?

— Все не то, что говорят и пишут. Сам видишь, скот сюда нагнали. Частенько ходят коровы безнадзорные. А зверь он и есть зверь. А че ему делать: в угодыя понагнали, вот они и рвут. Бывают случаи, особенно старые медведи, оголодавшие, так те сами охоту за скотом домашним устраивают. Но таких мало. А медведя у нас не так уж и много, если честно говорить. Охотников на

них много стало. Шкуры-то в цене. Ладно, спать давай. Вставать на рассвете будем. Медведь в это время бродит, на лежки идет. Нам это время нельзя пропустить.

С рассветом на лошадях они проехали Долину цветов, по которой вразброс стояли лиственницы и кедры. Миновав небольшое проточное болото, покрытое мхом, поднялись на каменистую гриву. Спиридонич остановил коня.

— Ты здесь оставайся. Отсюда долина вся и во-он тот склон,— показал он на Темную гриву,— как на ладони. Туда на осыпи поглядывай. За ними озерко. Там часто медведи бывают. Авон Каменный рыцарь. Место приметное,— показал он на причудливую скалу.— Приглядывайся, Лексей.

Алексей обернулся. Из-за кедров, покрывающих вершину отлогой горы, рисовался силуэт скалы, похожей на воина в боевом шлеме. Дальше по вершине стояли скалы, похожие на диковинных зверей, и полуразвалившиеся пирамиды.

— Я же буду,— продолжал Спиридонич,— там, у Красных скал. Оттуда долина и Синий утес хорошо видны. Если что,— наказывал он,— стрелять не торопись, перво-наперво мне сигнал. Кепкой, вот так,— он показал, как махать.— Знать буду, что их видишь, понял?

Спиридонич уехал, Алексей спутал лошадь и пустил пасть. Сам сел на камень и стал внимательно в бинокль изучать местность. Отсюда хорошо просматривалась Долина цветов: одиночные деревья, крупные валуны среди желтеющей зелени альпийских лугов. В травах, пригретых солнцем, стрекотали кобылки. Алексей осмотрел угластые Красные скалы, у подножия которых голубела полоска озера. Дальше и чуть ниже за вершинами кедров возвышалась макушка Синего утеса. За ним долина сужалась, уходила вниз щелью. У Красных скал на небольшом шишу — возвышающейся округлой вершине — сидел Спиридонич. Алексей вспомнил его слова:

«Не вздумай сам стрелять, медведица крупная, фотограф рассказывал. Ее вдвоем во чтобы то ни стало уложить надо. А потом его голыми руками возьмем. Никуда не денется».

Не по себе стало молодому охотнику: они посягали на мать с детенышем. Но Алексей отогнал ненужные сейчас мысли и стал внимательно изучать местность. Весь день, каждый на своем месте, просидели охотники, наблюдая за Долиной цветов, с надеждой увидеть крупную медведицу с белым медвежонком. Так же провели они и весь следующий день. За это время с двумя медвежатами появлялась Чепрачная медведица. Видел Алексей и лося на болоте, который кормился, вытягивая со дна зеленые пряди травы. Стрелять нельзя было, ждали медведей.

Так же прошло еще два дня. Погода стояла хорошая.

— Неужели не возьмем этого ублюдка?!— при встрече с Алексеем раздражался бранью Спиридонич.

На пятый день Алексей по-прежнему караулил медведей у назначенного места. Утратив прежний азарт и надежду встретить медведицу с белым медвежонком, он вздремнул на теплой сухой подстилке из мха и хвои. Проснувшись, он сел и стал искать глазами лошадь и то, что он увидел, поразило: опустив тяжелую голову, в нескольких десятках метров первой шла большая темная медведица, украшенная белым ошейником. Следом он — белый медвежонок! Звери неторопливо спустились в долину и через болото направились к снежнику, лежащему на осыпи с противоположной стороны. Там же блестело небольшое озерко с пологими каменистыми бережками.

Алексей вскочил, сдернул кепку и усиленно замахал Спиридоничу. Спиридонич заметил и ответил тем же. Дал знать, что скоро подъедет. Медведи достигли снежника. Не торопясь, они шли вдоль него по раскисшей земле. Несколько приотстав, Урх копался в земле.

Алексей и Спиридонич встретились за валуном, быстро оговорив план действий, укрываясь, они стали

преследовать зверей. Ничего не подозревая, медведи паслись около озера. Расстояние между охотниками и зверями сокращалось. Их разделяло не многим более сотни метров. Охотники приготовили ружья, условились, что первым стрелять медведицу будет Спиридонич. В это время в каменной осыпи свистнула пищуха. Ма-а подняла голову и насторожилась. Охотники затаились. Сердце Алексея от волнения гулко стучало, срывалось дыхание. Прошло несколько минут. Охотники поползли. И опять предательски свистнула пищуха и с тонким птичьим цвирканьем нырнула под камень. Ма-а встала на задние лапы, стараясь уловить чутьем и слухом то, что могло испугать пищуху.

— Давай. Уйдет. Только не торопись. Под лопатку. Разом!— шипел Спиридонич в ухо Алексею, высовывая из-за камня ружье. Стали выцеливать лопатку медведицы. В это время медведи стояли рядом, глядя в ту сторону, где таились люди. Урх неожиданно вышел чуть вперед и закрыл собой от охотников мать. Прицелившись в Ма-а, охотники, готовые нажать на спуск каждый миг, ждали, когда он отойдет. Но медвежонок, словно нарочно, крутился впереди медведицы, закрывая ее собой, и это удерживало охотников. Прошло несколько минут. Медведи почувствовали опасность, но не видели ее, хотя смотрели на валуны, где лежали Алексей и Спиридонич.

В это время где-то в глубине россыпи опять тонко свистнула спрятавшаяся пищуха.

— Чтоб ты сдохла, проклятая!— руганулся Спиридонич.

Словно ожидая ее сигнала, медведи разом метнулись и бросились бежать в противоположную сторону от людей за озерко. В несколько легких прыжков Ма-а и Урх выскочили на ближайший увал.

— Стреляй! Уйдет!— крикнул Спиридонич, и один за другим прогремели выстрелы. Тонко запели рикошетившие от камней пули.

— Фу, черт, ушли!— сплюнул накипевшую от злости слюну Спиридоныч.— Вот же гнида!— ругал он на чем стоит свет пищуху-сеноставку, которая выдала их.— Кто бы мог подумать. Видно, пуганая медведица.

Охотники стояли, опустив дымящиеся ружья, и смотрели на осыпь, где скрылись медведи.

— Теперь бесполезно их караулить,— сказал Алексей.

— Ничего! Я узнал, что эта медведица — одна из тех бывших медвежат, которых я не добил тогда с чепрачной. А чепрачная, которую ты видел на днях с медвежатами, это, похоже, другой медвежонок — сестра, стало быть, этой, с белым воротником. Ни у какого другого медведя я не видел такого широкого и чисто-белого воротника, как у этой. Ничего, мы еще зимой к ним наведаемся, Лексей. Я знаю здесь две берлоги. В какой-нибудь из них она заляжет. Тогда все будет проще... Мы еще встретимся!— он потряс кулаком в их сторону и, зло сплюнув, забросил ружье за спину.

Они пошли к лошадям.

— У меня свой счет с этой семьей. Мать их была почти с таким же ошейником. Вот след ее когтей. В берлоге брал,— Спиридоныч откинул воротник куртки и показал красно-синеватый шрам на плече.— А эти две медведицы пестунами были. Собаку, сволочи, покалечили. Пес, жалко, хороший был. Каких-то два гаденыша, а так покалечили пса!

И Спиридоныч рассказал Алексею, как его кобель увязался за пестунами и на другой день он нашел его по следу. Пес лежал с переломанным хребтом. И Спиридоныч, не желая с ним возиться, пристрелил его.

ОСЕНЬ

Наступила таежная осень. Она спустилась с высоких заснеженных гор. Частили затяжные дожди. Серый морок днями висел над горами. А ночами пожелтевшие,

битые заморозками травы покрывались колючим искрящимся инеем. Стеклились забереги ручьев. В полдень лед таял, и желтые монетки листьев карликовой березы, падая в ручьи, уносились стремительной водой. Звериные тропы были густо покрыты золотистыми лапами лиственниц. В посветлевшем лесу, в звонкой тиши, простуженными голосами перекликались синицы-гаички. Последние стаи улетающих горных коньков кормились в тундрах. Чаше и чаще серые тяжелые облака с перламутровыми каемками раздражались холодным дождем или сыпали снегом.

Медведи основательно покрылись густой шерстью. Урх казался толстым и кургузым. Но в нем угадывался стройный и сильный самец, легко несущий себя на крепких лапах.

От ночных морозов стебли трав лопались и дружно валялись под напором ветра. С каждым утром лес заметно пустел. Травы ложились, валялись к земле, источая тонкий аромат осени, которой дышала земля, отдавая тепло. Борщевики и горькуша — любимая еда медведей, огрубели и не годились в пищу. Ма-а и Урх снова вынуждены были промышлять кореньями, им встречались розовошляпые сыроежки, которых здесь глубокой осенью становилось много. Под кедрами попадались сбитые птицей и ветром шишки.

По тайге, ожидающей снегов, слышались крики кочующих кедровок. Набив до отказа каменистыми орешками горловые мешки, они разлетались в разных направлениях и рассовывали орешки под пни в землю. Оживились бурундуки: шурша в траве, они подбирали упавшие шишки и, выбрав орешки, с полными защечными мешками ныряли в норы под пни и коряги. Ма-а находила бурундучьи норки. Ловко и быстро раскапывала их и добиралась до кладовой, в которой можно было вкусно поесть орехов. Добычей ее становился нередко и сам зверек.

Уже в середине сентября промысел орехов для Ма-а и Урха окончился. Но они сумели накопить жир и готовы были с первыми снегами залечь в спячку. Осень в горах короткая, и морозящие дожди обязательно переходили в снег. Свежели снежники, поседели гольцы. Зима подступалась к лесу. Печально, вселяя тревогу, ночами перекликались уже последние горные коньки, оставляющие эти края. Громкими хриплыми голосами кричали потревоженные лисами белые куропатки. Горы дышали стужей. Тайга со дня на день ждала большого снега.

Ма-а и Урх кормиться выходили на полуденные склоны гор. Опустив головы, грузно и косолапо бродили они, словно в тяжелой задумчивости. Питались они только корнями копеечника, растущего на каменистых склонах белков. Рывком лапы, вооруженной мощными когтями, они отворачивали и опрокидывали пласты земли и выгрызали нежные, не успевшие одревеснеть корешки.

Из поколения в поколение медведи по осени копают этот корень, обладающий вязущим вкусом. Умение отыскивать его передается от старых опытных медведей молодым. Копеечник, или белочный корень, доступным сейчас был только на голых склонах горной тундры. В лесу копать тяжело: корни уходят глубоко в рыхлую землю. Здесь же на каменистых склонах слой земли тонкий, корни стелются у поверхности. Медведи знают это. На местах, где кормились Ма-а и Урх, земля выглядела так, словно ее перепахали или хорошо перекопали лопатами.

По ночам снег тихо, не переставая, падал на горы, на лес, а днем не стаивал. У Красных скал и Синего утеса покрылись снегом замерзшие озера. В Долине цветов стало пусто и неуютно. Земля уже не поддавалась крепким медвежьим когтям. Кормиться приходилось по берегам незамерзавших, резко обмелевших речек. В одну из таких ночей Ма-а и Урх направились туда, где была их берлога. Оставляя широкие следы, они прошли кед-

ровник, запорошенный снегом. Прошли замерзшие болота и опустевшие луга, на которых торчали только голые стебли маральего корня. Затем поднялись на перевал к Каменному рыцарю и узкой расщелиной вдоль полузамерзшего ручья спустились в лес.

Берлога смотрела темной пустотой на белый мир снегов. В ней было также холодно, как и всюду. Со сводов по-прежнему свисали лохматящиеся пряди корней. Урх узнал ее. Он помнил, как впервые увидел, выйдя из нее, солнечный свет, помнил отверстие в снегу и как было страшно. Все было тогда для него непривычным. Теперь он стал другим: сильным, большим и опытным.

Урх стоял у входа, вдыхая запах родной берлоги. Ма-а тем временем тщательно осмотрела и обнюхала зимнюю обитель, словно видела ее впервые. Потом принялась сразу двумя лапами когтить передний угол, выбрасывая к выходу желтую глину и сырую подстилку. Вошел в берлогу и Урх. Помогая матери, он тоже стал копать. Вскоре Ма-а наткнулась на корень, крепким канатом свисающий со стены берлоги. Ухватив зубами, она перегрызла его. Скрытая нервозность и раздражение не покидали ее. Она то и дело выходила из берлоги, вытягивала холодный, пахнувший уже снегом воздух, словно сомневаясь — правда ли зима спустилась с гор?

Темной полуночью притихший лес загудел, зарокотал. Шептались глухо кроны ближних кедров. Урх вышел из берлоги. С сухим скрежетом падали последние, скрюченные от холодов листья с молодых берез, стоящих у ручья. Вскоре полетели снежинки. В снежной кутерьме смешалось все: небо, горы и тайга. Медведи эту ночь вынуждены были провести в берлоге. К утру снег ослабел. В просветлевшем морозном небе серебристой пылью оседала изморозь. Капли, висевшие на кончиках хвои, искрились чистым хрусталем. Подо льдом, украшенным ворсистым инеем, бубнил и булькал обмелевший ручей. Медведи вышли из берлоги. Взмокшая густая шерсть па-

рила, отдавая густой звериной вонью. Струи теплого воздуха вырывались из их ноздрей. Унылые, словно бездомные, оставляя крупные следы, они поднялись ручьем и углубились в тайгу. Глубокая тишина, спустившаяся вместе со снегами, наполнилась тревогой и ожиданием чего-то, приходящего с началом зимы.

Ма-а, обойдя распадок, повернула к берлогу. И снова, как граблями, стала сгребать лапой траву и листья, лежащие у входа уже под снегом. Собрав пучок, неловко подхватив передними лапами, она приподнималась и, неуклюже шагая на задних лапах, тащила его в берлогу. Низкий свод не позволял ей пройти внутрь, она вынуждена была бросать подстилку у входа. Приходилось опускаться на лапы и грести траву и листья лапами в берлогу. За этим занятием она провела все утро.

В полдень небо стало чистым. Снег на южном склоне гор таял. Медведи оставили берлогу и углубились в лог, где рос пихтовник. Теперь особое предпочтение они отдавали пихтовой хвое, которую скусывали с нижних веток. Движения их стали медлительными, словно тела их налились тяжестью предстоящего сна. В обновленной снегом тайге тихо пересвистывались синицы, молча порхали рыжехохлые сойки. И только криком глубокого отчаяния тишину нарушал черный дятел. Весь этот день Ма-а и Урх бродили у берлоги, объедая лапы пихт.

Смеркалось. В глубоком небе, пересыпанном частыми звездами, встал тонкий месяц. Резко похолодало. Под теплыми животами медведей на взмокшей шерсти позванивали сосульки. В берлогу они вернулись глухой полночью. Улеглись без лишней суеты на мягкую подстилку. Подобрав под себя лапы и положив на них морды, уснули. Это была их последняя прогулка. К пище они больше не притрагивались, подошло время залечь. А для того, чтобы очистить кишечник, им нужно было выходиться.

Утром где-то в вышине над просыпающимися горами кружили вороны, Они кричали трубными голосами, пере-

кликаясь, как люди: «ай-ай». По их голосам Ма-а узнала, что снова следует ожидать снегопада. В этот день буря начался к вечеру и шел всю ночь. Утром еще раз Ма-а вышла из берлоги и принялась кататься в снегу, подошла к дереву и, встав на задние лапы, точила когти, срывая кору и корявые наросты. Урх было кинулся поиграть, но она не приняла его, грозно рыкнув, огрызнулась. Затем снова повалилась на спину и поползла на брюхе. Встала и отряхнула роскошную шубу. Затем стала скусывать концы пихтовых веток. Ела она их для того, чтобы избавиться от кишечных паразитов. Все это делал и Урх, хотя и не нравился ему кислотовато-горький вкус пихтовой хвои. Он подчинялся инстинкту, будто знал, что это необходимо каждому медведю, готовившемуся к зимней спячке.

Легкая поземка наметала сугробы. У входа в берлогу вырос снежный гребень. Разбросав снег, Ма-а первая пролезла в берлогу и скрылась в её темном чреве. За ней пробрался и Урх.

Гнетущая тишина ненастья завладела миром тайги и гор. Весь следующий день и еще ночь шел снег и окончательно завалил вход в берлогу. Медведям стало тепло и уютно. Тишина и покой, темнота и тепло располагали ко сну. Только на третий день яркое солнце осветило горы. Скупой рассеянный свет, словно через матовое стекло, едва просачивался сквозь снежную толщу входа. Покой залегших зверей, подобно сторожу, охранял могучий, запорошенный снегом кедр. Вскоре в снегу, завалившем вход, протаяло маленькое отверстие. И со стороны в морозном воздухе видно было, как из него курился легкий парок, идущий от медвежьего тепла и дыхания.

ОБЛАВА

Пробиваясь дикой тайгой через завалы, сугробы и заснеженные пади, Спиридоныч и Алексей в сопровож-

дени двух лаек второй день шли на широких охотничьих лыжах к Черной речке, к медвежьим берлогам. Спиридоныч уверенно пробивал лыжню, торжествующе поглядывая на лесистые склоны гор, на скалистые вершины, почерневшие от январского солища. В полдень следующего дня добрались до избушки соболятника, стоявшей в верховьях Черной речки.

— Во-он,— говорил Спиридоныч,— видишь, на макушке скала, похожая на рыцаря. За ней мы были летом. Там и видели большую медведицу с белым ублюдком.

На следующий день, подготовив снасти и проверив оружие, они чуть свет оставили избушку и пошли вверх по речке. Шли в направлении Долины цветов, только с другой стороны.

— Далеко еще?— спросил Алексей, оглядывая чернеющий на склонах лес, обсыпанный снегом.

— Считаю, пришли,— ответил Спиридоныч,— собак лови!

Алексей присвистнул, и две черно-белые лайки, следующие за ними, выскочили на лыжню.

— Кажись, все! Оно понятно, где медведь хочет, там и вскопает берлогу. Ниче ему не стоит любую ямищу вырыть. Но думаю, что в этих берлогах обязательно есть. Залег. Хорошо бы с белым найти медведицу. Ну, если че, другого завалим. Оно лучше, если бы с тем самым — белым. Главное — не дрейфь, Лексей! Собаки у меня что надо. Пурга одна че стоит. Она любого зверя не пустит. Висьмя повиснет, а не пустит. Алтай тоже хорош: ярый, как зверь. Да еще сеть поставим, так что все в порядке будет,— он подмигнул рыжим заплывшим глазом Алексею.

Он понимал молодого охотника, который на берлогу шел впервые и теперь побаивался, но старался не показать своего страха. И поэтому все время хотел перевести разговор на другую тему. Однако уверенность Спиридоныча подбадривала, вселяла спокойствие. В рюкзаках

были мешки для мяса и шкур, а также капроновая сеть. За плечами висели карабины.

Они шли ручьем, стиснутым увалами и невысокими сопками. Обогнули выступ скалы, с которой свисали гирлянды сосулек. Заметили следы соболя. «Вот где капканчики бы поставить. Наверняка будет», — Спиридонич ткнул пальцем в серебристые парные вмятины следов таежного зверька.

Ручей утонул в сугробах. Лишь макушки кустов калины указывали, где он пробирался под снегом. По ним и шли. Лес вскоре поредел. Подступили ближе, стали выше скалы. На них висели седые от снега можжевельные пряди.

— Можя, здесь и перекусим. Обмозгуем — как, что, а уж потом на берлогу, — остановился, переводя дыхание, Спиридонич.

— Аппетита нет. Не до еды, — отказался Алексей.

— Смотри! Я до голоду стойкий. Тогда пошли, злее будем!

Воздух был необыкновенно чистым. И небо, и скалы, и одиночные кедры, запорошенные снегом, — все здесь дышало покоем и ничего не предвещало, что кому-то грозит опасность, что кто-то кого-то намерен лишить жизни.

Одергивая рвущихся на поводу собак, охотники вышли на поляну, где начинался распадок. За ним, на краю, стоял громадный кедр, под которым в берлоге спали Ма-а и Урх.

— Здесь! — смахивая пот со лба, остановился Спиридонич.

Молча, деловито они быстро обтоптали вокруг снег. Сбросили тяжелые рюкзаки, дав отдых уставшим плечам. Взлохмаченная рыжая голова Спиридонича отливала на солнце горячей медью. Закурили.

Алексей отвел собак, привязал, чтобы не мешали. И не дай бог, стали б обланвать берлогу. Спиридонич

извлек из-за пояса маленький походный топорик. Срубил несколько пихточек на колья. Ловко стесал с них ломкие ветки. Достали из рюкзаков и раскинули сети.

Подтянули на куртках ремни, поправили на поясах самодельные охотничьи ножи и тихо пошли к одиночному старому кедру. Под ним в снегу виднелась небольшая воронка с коричневыми краями. Из воронки тонкой струйкой выбивался парок.

— Во! Видал! Дыра большая. Два наверняка!— горячо на ухо шептал Алексею Спиридоныч.

Алексея охватил внезапный страх. Он взял на изготовку ружье.

— Погоди ты! Надо тихо! Сеть сначала!— и молча показал, куда втыкать колья.

Чуть ниже берлоги воткнули колья и натянули сеть. Охотники рассчитали так, что потревоженные медведи должны броситься вниз по склону и прямо в сеть. Шея Спиридоныча от напряжения густо покраснела, стала почти свекольной.

«Тоже боится»,— заметил про себя Алексей.

Он видел, как Спиридоныч по-мальчишески шмыгал носом, суетливо поправлял выбившиеся из-под сурковой шапки растрепанные рыжие волосы. Самого Алексея трясло, не хватало воздуха. Сдерживаясь, он тайно вздыхал и с ужасом смотрел на берлогу, из которой должен выскочить медведь. Но больше всего он боялся, что медведь выскочит прежде и тогда... страшно подумать.

«Назад хода нет»,— успокаивал он себя, настроившись решительно встретить своего первого медведя. Со скрытой надеждой поглядывал он на повизгивающих от нетерпения собак. Шикая, Спиридоныч замахивался на них, грозил кулаком.

— Ну вот вроде бы и все.— С этими словами Спиридоныч отошел от берлоги, срубил тонкую пихточку, ошмыгал боковые ветки топориком. Толстый конец жерди он обстругал особенно аккуратно.

Ма-а и Урх слышали охотников, обнаруживших берлогу. Слышали не только хруст под их ногами, но и шепот. Они чуяли ненавистный и злящий их запах собак.

Охотники встали выше по сторонам берлоги. Сбросили лыжи, чтобы в любой миг можно было повернуться в нужную сторону. Пока Алексей наблюдал, как Спиридоныч готовился к встрече медведя, у него жарко в груди прыгало сердце, сбивалось дыхание. И вот Спиридоныч осторожно шагнул к берлоге и жердью ткнул в отдушину. В левой руке он сжимал двустволку. Было все спокойно. Еще и еще ширял Спиридоныч жердью. Глядя на него, Алексей нервно поправил нож и еще сильнее прижал приклад к плечу. Он знал, что медведь в берлоге может дергануть за жердь так, что если не обдерет руку, то самого охотника затащит. Из берлоги никого, будто медведей там вовсе и не было. Тогда Спиридоныч с силой запустил палку в отверстие и отскочил в ожидании, что звери станут срывать зло на жерди. Жердь попала Урху в бок. Ярость охватила медвежонка. В приступе отчаяния он было кинулся к выходу, но Ма-а преградила собой выход. Сейчас он почувствовал, как тело ее сильно дрожит.

Изготовившись, охотники ждали. Но, казалось, звери не реагировали на их вызов. Спиридоныч надеялся на Алексея, но осторожничал. «Все-таки в первый раз. Все может быть», — думал он. За жердь он больше не взялся. Распахнув ватник, он порвал подклад и выдрал клоч ваты, поджег его и бросил в отверстие. Фыркая от удушья, Урх попытался прорваться к выходу, но Ма-а не пустила.

Но вот прошло несколько минут и раздался глухой рык. Снег взлетел вулканом. Из берлоги первой выскочила громадная темная медведица и, не раздумывая, бросилась на Спиридоныча. В это время один за другим прогремели выстрелы Алексея. В этот же миг на нее бросилась Пурга. Медведица еще пыталась отбить со-

баку, вцепившуюся в ухо, но в глазах ее уже погас свет. Ма-а замертво упала и вместе с собаками, повисшими на ней, покатилась, сматывая на себя сеть.

Не успели охотники опустить ружья, как из берлоги с криком отчаяния и страха выскочил Урх и со всех ног пустился вверх по склону. Не переставая кричать, глубоко проваливаясь, изо всех сил он широко выбрасывал передние лапы, выскакивал из предательски топкого снега и все дальше уходил в лес.

— Где собаки?!— не помня себя, кричал Спиридоныч.— Уйдет же!— Он вскинул ружье, но Алексей решительно схватил рукой ствол и отвел его в сторону.

— Давай собак выпутывать,— строго глянув в глаза Спиридоныча, сказал Алексей. Лайки, визжа от ужаса, возились в сети вместе с убитой медведицей.

— Давай за ним, Пурга!— зло кричал Спиридоныч, освободив ее.— Взять его!

Но разъяренные собаки, захлебываясь от злости, рвали лежащую неподвижно медведицу.

— Пошли вон!— ожесточился на них Спиридоныч и стал их пинать и ругать, смахивая клочки пены с углов выпуклых губ. Алексей смотрел на черную тушу медведицы с белоснежным ошейником. Темнеющие и густеющие на морозе капли крови одна за одной капали из ее носа в перемешанный собачьими лапами белый снег.

Тем временем Урх бежал вверх лесистым склоном, бежал что было сил. Он задыхался, не щадя себя, рвал мышцы и сердце, стремясь скорее скрыться от опасности. Запавшись, на ходу он хватал снег и бежал все дальше к вершине, к чернеющим в сизом небе скалам. Остановился Урх тогда, когда наконец достиг этих черных обтаявших громадин. Не унималось сердце и, казалось, вот-вот выскочит. Он задыхался морозным воздухом. Далеко позади, внизу, слышался собачий лай и страшное урчание двуногих. И снова Урх бежал, пока не оказался за перевалом, пока не стало слышно пугающих

звуков. Он останавливался и долго с надеждой слушал, скоро ли его догонит мать? Но ее почему-то не было. Совершенно один среди каменных, присыпанных снегом скал до темноты просидел он. Он не знал, что ему делать, куда идти.

Наступила ночь. В небе засветились большие звезды. Они, казалось, спустились ближе к скалам, чтобы посмотреть на несчастного белого медвежонка. Горько и страшно вдруг стало ему одному на этой дикой безмолвной вершине среди глубоких снегов и, главное, без матери. Урх стал звать свою Ма-а, но глухая тишина лишь окружала его. Если бы он мог сейчас заплакать, то заплакал бы. Может, тогда ему стало б легче. Но медвежонок не умел плакать. Чувство огромной тоски и горя сжимало до боли его маленькое горячее сердце.

СКИТАНИЯ

Всю ночь брел он верхушкой хребта, обходя темнеющие пирамиды гранитных скал. Около них снег был неглубоким. Сугробы плотные, и Урх медленно шел в сторону Долины цветов, где они с матерью провели все его первое счастливое лето. Больше всего Урх надеялся встретить там Ма-а. Он еще не знал всего, что случилось. И вместе с тем он чувствовал, что есть в жизни нечто такое, что приходит с ужасами и страданиями.

Глубоко проваливаясь, оставляя на снегу вмятины петляющих следов, медвежонок медленно брел, постоянно озираясь по сторонам. Время от времени он садился, вслушивался, вынюхивал воздух, надеясь уловить как никогда нужный и желанный сейчас материнский запах. Но по-прежнему вокруг стояла гробовая тишина. Воздух был пустым, морозным, ни одного запаха. Над горами светился одиноко месяц. Тихо и безмятежно перемигивались синие звезды и, казалось, от стужи дрожали в глубоком черном бархатистом небе. Всю ночь мыкался

одинокий медвежонок на пустынной вершине хребта среди безмолвных скал. Только бесшумная голубоватая его тень шла следом за ним. Вот так, совсем еще недавно, он неотступно следовал за матерью.

Урх вышел к скале Каменного рыцаря, похожей на головы двуногих, которых он теперь знал сам. В рассветном полумраке виднелась Долина цветов, укрытая снегом. Урх долго смотрел вниз и по сторонам, надеясь увидеть свою Ма-а. Вдруг около одной из скал он заметил, как кто-то тенью метнулся и скрылся за выступом. Не раздумывая, Урх радостно бросился к скале. Это она — Ма-а ищет его, решил он. Сил прибавилось. Резвыми прыжками одолев расстояние, он подбежал к скале. Это были два легконогих зверя, которые тут же умчались вниз в сторону Долины цветов. Некоторое время слышно было, как копыта тонконогих зверей высекали мелкие камешки. И снова гнетущая пугающая тишина. Новый, удушливый приступ тоски и глубокого отчаяния охватили его сердце. Ма-а нигде не было. И тогда неожиданно для себя он громко заревел. Над горами, над долиной поплыл спугнувший тишину безответный звериный плач. Урх не узнал своего жуткого голоса. В утренней тишине над просыпающейся долиной голос отозвался печальным эхом. Ударяясь о скальные громады и голые склоны, оно долго носилось, пока не угасло. В тайге насторожились чуткие лосиные уши. Спрятался рыскающий в россыпи соболь. Еще дальше умчались поднятые Урхом косули. С головой закопались в глубокий снег пугливые белые куропатки. Горы и тайга, птицы и звери узнали, что здесь объявился шатун.

С трудом преодолевая убродистый снег, Урх спустился в долину и, преодолев ее, добрался до Синего утеса. Закованное льдом и укрытое снегом озеро было таким же безмолвным и скучным, как и все вокруг. Кедры, под которыми он во время отдыха нежился с матерью, стояли угрюмые и печальные. Казалось, они не

хотели узнавать его, будто видели впервые. Утопая с головой, он побрел к Красным скалам. Там было то же самое снежное безмолвие, мертвая тишина, холод и жуткий покой. Так и бродил до сумерек медвежонок по долине, где было все знакомое и вместе с тем совсем чужое. Преодолев долину уже в темноте, он добрался до кедровника, покрывающего склон, где ветры сдували снег. Урх осматривал и обнюхивал толстые комли деревьев — в нем проснулся голод. Однако пережитый страх, разлука с матерью безудержно гнали вперед, и медвежонок вскоре оказался у скалы, где под нависающей глыбой гранита темнела пещера, похожая на берлогу. Не колеблясь, Урх зашел в нее. Снег не залетал в глубину ее. На земле лежала надутая ветрами и натасканная мышами трава и старая хвоя. Урх сидел в пещере, не зная, что делать. Однако беспокойство и проснувшийся голод заставляли идти. И он пошел, пока не поднялся выше леса на перевал, где снега меньше. Всю ночь он бродил среди шершавых обветренных скал в поисках съестного.

Утром воздух потеплел. Небо затянули сплошные, непроницаемые для солнца облака. Начался буран. Воздух, казалось, шевелился от мельтешащих снежинок. Тоскливый вой рождался в тесных каменных щелях. Ветер набирал силу. Глухо шумели кедрачи, качая темными густыми кронами. Урх оставил вершину. Вихри окончательно поглотили округу. С воем и свистом продаваясь сквозь сплетения ветвей, они седыми языками вылизывали корявые стволы деревьев. Страх и тоска по матери еще сильнее завладели Урхом. Он стал метаться, не зная, где спрятаться от беснующейся пурги. Забивало глаза и нос. Взмокла шерсть. Он то и дело отряхивался, отфыркивался и шел, меняя направление. У ствола старого кедра он начал рыть яму. Углубившись, он свернулся и спрятал между лапами голову. Он весь дрожал от холода и напряжения.

Одинокий медвежонок еще не сознавал до конца

своего несчастья и всего, что с ним случилось. Треск сломанных ветром сучьев пугал его. И ему начинало казаться, что снова где-то гремят выстрелы, слышал ворчание двуногих и лай ненасытных собак. Он вскакивал и, обнюхав воздух, ложился в вырытую снежную яму.

Еще день и ночь не унималась метель. Только к следующему утру ветер ослаб. Снег перестал кружиться над горами, небо вызвездило. Но наступивший вскоре рассвет погасил звезды. Воздух резко похолодал. Искристая пыль золотистым кольцом висела вокруг солнца.

Гнал голод. Урх выбрался наружу. Отряхнулся и, по горло проваливаясь, побрел вдоль склона, огибая стволы кедров, убивая последние силы. На ходу он обнюхивал торчащие из снега верхушки кустарников. Обжевывал их. Наткнувшись на кусты ивняка, содрал с них податливую кору. Но этого было слишком мало, чтобы унять нестерпимый голод. И Урх долго еще раскапывал кусты ивы, обгладывая терпкую мягкую кору. Весь день кормился он верхушками кустарников, в кровь изранив губы и десны.

К вечеру мороз усилился. Урх не оставлял кедровника, свернулся под деревом и пролежал всю ночь, дрожа от холода и голода. На его счастье к утру небо снова затянули плотные облака и воздух заметно потеплел. Снег стал мягче, теплее. Весь следующий день Урх провел в поисках корма. Он обжевывал и обгладывал кору и почки. Теперь, как бы успокоившись, он медленно брел, осматривая все, что виднелось из снега. Около крутого склона он вышел к сошедшей недавно снежной лавине. Она смяла на своем пути кусты и молодые деревца. Из спрессованного, смешанного с землей снега торчали перышки крыла белой куропатки. Медвежонок раскопал и сжевал ее вместе с перьями. Еще некоторое время он ходил по лавине, испытывая удачу. Ему повезло — наткнулся и на другую птицу и также аппетитно съел.

Он теперь копал снег, надеясь найти еще. Поиск оказался напрасным. Отсюда он направился к полупещере под скалой, на которой возвышалась голова Каменного рыцаря, и впервые за эти дни крепко выпался.

Это были последние дни февраля. Мартовское солнце с каждым днем поднималось выше. Из-под снега зачернела земля. На первых проталинах она дышала теплом. И Урху удавалось выкапывать корешки трав. Однако постоянно занятый поисками скудной пищи, он быстро тощал, живот подтянуло, бока опали, шерсть свалывалась и торчала грязными комочками. Теперь он кормился по незамерзающим ручьям, вытягивая из воды побуревшие прошлогодние растения. Но этого было слишком мало. И тогда он опять выходил к ивнякам и целыми днями обгладывал их жесткие верхушки.

Однажды, когда Урх бродил у скал, до него донесло запах косуль. Быстроногие звери на этот раз лежали на проталине. В медвежонке проснулся охотник. Он прижался к земле, как это делала его мать, и на брюхе пополз в их сторону. Таясь за выступами камней, он полз и полз к отдыхающим косулям. Их было две, подобрав под себя ноги, они дремали, положив вдоль тела головы. Ветерок тянул от них. Оголодавший Урх жадно глотал тягучую пустую слюну. До косуль оставалось не более трех-пяти прыжков. Урх распластался за небольшим камнем, обратившись в снежный ком. Косули вдруг подняли головы, насторожившись, стали прядать ушами. На голове одной из них топорщились мохнатые ветвистые рожки. И вот они разом вскочили и стали пристально смотреть туда, где затаился медвежонок. Они не могли видеть его среди снега. Им и в голову не приходило, что медведь может быть белым, хотя время от времени до них долетал медвежий дух. Ложиться они не собирались. Открытое волнение росло в них, об этом говорили только прядающие уши и раздувшиеся ноздри. Готовясь к прыжку, медвежонок незаметно подобрал задние лапы и,

ощутив опору, с рывканьем выскочил из-за укрытия. Увидев взлетевший и ревущий ком снега, косули птицами, легко и мгновенно, унеслись прочь. Урх понял — не угнаться за летучими зверями. Обнюхав их лежку и ощутив небывалый приступ голода, Урх медленно побрел меж скал. Как и летом, он пытался перевернуть вмерзшие в землю камни, срывая когти. Голод гнал. И он снова брел в поисках чего-нибудь съестного. Он вышел на вершину хребта, откуда виднелась вдаль за увалами и долиной чернеющая полоска тайги, растянувшаяся подле голых вершин самых высоких гор.

Обессилев, Урх сел. От чистого снега до боли слепило и резало глаза. Верховой ветер ворошил свалявшиеся пряди шерсти на впалых боках. Так некоторое время несчастный медвежонок одиноко сидел на голой вершине скалы. Над ним где-то в поднебесье громко прокричал знакомый ему с первых дней жизни ворон. Переговариваясь, две крупные птицы летели в сторону чернеющей полоски тайги. С криком птиц непонятная надежда ожила в его усталом и разбитом длительными переходами теле. Урх ускорил шаг в сторону леса, куда улетели вещие птицы. Частые ветры уплотнили снег. Идти было легко. Он пересек широкую долину, поднимался на увалы и спускался. Дующий снизу ветер гнал седую поземку, заматавая следы. Вместо широких следов за ним тянулись царапины когтей на снежной корке. Солнце уже пряталось за высокие горы, когда до леса оставалось не более километра. В это время Урх снова уловил трубные крики воронов. Птицы сидели на вершине погибшего кедра. Услышав их, Урх поспешил, надеясь как прежде около птиц найти пищу. Но силы уже оставляли его. С трудом переставляя избитые лапы, он часто садился, тупо и безразлично оглядывал пустой заснеженный лес и оставшиеся уже позади оголенные увалы и долину. Легкие волны тумана застилали слезящиеся глаза. Ему страшно хотелось лечь. Но крик птиц властно звал. На-

дежда найти корм подгоняла его, и Урх, пошатываясь, брел к лесу.

Тайга встретила обессиленного медвежонка молчаливо. Под развесистыми кедрами, стоявшими на краю долины, Урх увидел незнакомого зверя и тотчас собрался в комок. Шерсть на загривке поднялась, и он решительно пошел вперед. Перед ним был крупный глазастый зверь с острыми ушами, из которых торчали длинные шерстяные кисточки. Шипя и фыркая, зверь вскочил на дерево и уселся на толстом суку. Его желто-зеленые глаза зло вспыхнули огнем. Глазастая кошка впервые видела необычного белого зверя, от которого несло медвежьей вонью. Запах мяса и крови вкусно ударил в ноздри. Под кедром Урх наткнулся на полусъеденного зайца. Позабыв о глазастом хищнике, он накинулся на оставленную добычу. Зло урча, яростно рвал его, глотая вместе с шерстью. Быстро покончив с остатками растерзанного зайца, он облизал окровавленную пасть, обнюхал снег и только теперь вспомнил про глазастого зверя, по-прежнему сидевшего на дереве и не спускавшего глаз с нахального медвежонка. Урх впервые узнал, что в лесах живет крупная кошка — рысь.

Стемнело. Еще долго Урх ходил вокруг дерева, где доедал зайца, вынюхивая осевший, утоптаный лапами снег. Унялся мучительный голод. Здесь же он и остался ночевать. Утром он не спеша брел по тайге — узкой полосе, раскинувшейся у основания высоких гор. Снег пестрил следами мелких и крупных зверей. Урх тыкался носом в ямки следов, пробовал идти по ним, но, поняв безуспешность поиска, отступал. К полудню он вышел в небольшую седловину, за которой местность опускалась среди гор. Начиналась падь, сплошь покрытая дремучей тайгой. Здесь зарождались истоки Черной реки. Урх остановился, потом сел и, не решаясь брести дальше, долго смотрел вдаль, где-то там, у скалистых

гор, огораживающих падь, была их берлога. Он очень тосковал о своей Ма-а, которой нигде не было.

Опустив голову, проваливаясь, он брел по насту, который день ото дня становился тверже. Урх шел в сторону Черной реки. Солнце заметно пригревало. Вскоре он наткнулся на глубокую колею следа, перепахавшую снег. Обнюхав след, он узнал, что здесь прошел ненавистный ему двуногий. Вспомнив их ворчание, выстрелы, Урх, не колеблясь, повернул назад и что было силы побежал, пока не скрылся в лесу у высоких гор. Успокоился он только тогда, когда оказался среди тихих примолкших кедров, далеко от верховий реки. Он пересек овраг и оказался снова около глубокого следа. Урх было хотел снова бежать, но уловил иной запах, остановился и обнюхал след. Он принадлежал только что прошедшему лосю. Крупный зверь прошел не спеша, часто ступая. Оттого идти по его следу было легко. И вдруг нос его уловил слабый запах крови. Он остановился, закружился на месте, пока не наткнулся на загустевшую каплю крови. Урх жадно хапнул ее пастью и проглотил вместе со снегом. Через несколько шагов он съел еще одну каплю, упавшую в снег. Пригнув голову, он шел по следу лесного великана. У него появилась надежда найти добычу. Это придавало силы. Заледневшие, как ягоды, капли крови он находил все чаще и чаще и жадно выкусывал их из снега.

След лося тянулся от верховий Черной реки, где стояла избушка охотника, где была устроена берлога Чепрачной медведицы, и уходил в глубь тайги у высоких гор. Несколько часов Урх брел по кровящему следу, выедавая алые капли, пока не наткнулся на лежку раненого зверя. На этом месте осталось большое натекшее красное пятно.

След круто свернул вниз и пошел вдоль ручья. Урх настойчиво шел по следу. Снег здесь был по-зимнему чистым и пушистым, и медвежонок тонул в нем с голо-

вой. И вдруг тишину спящего леса нарушил зовущий крик ворона. Урх так верил в удачу, когда слышал их крики, что, уже не разбирая дороги, бросив лосиный след, побежал на голос птицы. Барахтаясь, он прыгал из последних сил, преодолевая сыпучий сухой снег. Урх бежал так, словно за ним кто-то гнался. Разгоряченный, с раскрытой пастью он остановился около осыпи на краю кедровника. Крик птицы снова разрезал тишину. В это время Урх увидел ворона, сидящего на широких лопастях рогов лося, темнеющего на снегу. Он лежал на поляне, около кедровой поросли. Птицы уже успели вынуть еще теплые глаза зверя. Теперь они ждали, чтобы кто-нибудь начал терзать тушу. Прокусить грубую, покрытую шерстью шкуру они не могли. Урх в несколько слабых прыжков подскочил к лосю, вцепился в шею, но порвать толстой шкуры сразу не смог. Тогда он стал вылизывать еще горячую, дымящуюся кровь в паху павшего лося. Потом вырвал кусок мяса и сразу же, не жуя, проглотил его. Вскоре живот Урха раздулся так, что кожа на нем натянулась как на барабане. Теплота и приятная усталость разливалась в исхудавшем теле. Его клонило ко сну. Впервые за три недели, с тех пор, как он покинул берлогу, он наелся досыта. Не отходя от туши, он уснул.

Глубокой полночью он вдруг услышал скрип снега и возню. Урх поднял голову. Ворча и сопя, незнакомый зверь терзал его лося. Урх вскочил. Странный зверь, взъерошившись, надел на тушу и рвал ее когтями и клыками. Темная со светлыми полосами шерсть пирующего зверя вдруг поднялась дыбом на горбатой спине. Зверь задрал лохматый короткий хвост, обнажил крепкие зубы, зашипел сначала, а потом глухо зарычал. Это был тупоголовый наглый хищник, похожий на маленького медведя: у него были такие же широкие лапы, но едкий запах. Рассвирепев, Урх оцетинился и, угрожая всем своим видом, заходил из стороны в сторону около

вероломного пришельца. Но вонючий зверь не хотел так просто уступать добычу, которую считал своей. Прежде чем Урх насмелился дать затрещину, наглый зверь, выбрав момент, набросился первым. Крепкой железной хваткой челюсти его сомкнулись на горле медвежонка. Боль и гнев, охватившие Урха, придали ему силы и ярости: он ударил вцепившегося зверя лапой по спине. Дерзкий вонючий налетчик отлетел в сторону, и прежде чем Урх успел наброситься снова, с поразительной ловкостью, издав гортанный скрежещущий визг, тут же оседлал его. Когтями и зубами стал остервенело драть, бросая в стороны клочья белой окровавленной шерсти. Обезумевший от боли Урх повалился на спину и с криком ужаса стал кататься, пытаясь сбросить насевшего зверя. Мычание и гнусавое ворчание далеко было слышно в спящем ночном лесу. Клубок сцепившихся звериных мохнатых тел — медвежонка и росوماхи — катался в рыхлом снегу около туши лося. Урх изловчился: сильный удар лапы пришелся по оскаленной морде насевшей росوماхи. И она, разжав челюсти, отступила. Несколько мгновений, взъерошившись, они стояли друг против друга. Урх близко видел ее маленькие, от злобы налитые жгучим огнем, глаза. Неукротимый гнев Урх выплеснул ударом лапы, который повалил росوماху. Не дав возможности ей опомниться, он вцепился в ее твердую, как камень, шею. Злобно ворча, в припадке ярости, он трепал ее, подминая под себя. Гибкая, как пружина, росوماха пыталась достать своими сокрушающими челюстями до его лап, ловчилась вцепиться когтями в глаза. Но Урх не выпускал, держал ее мертвой хваткой. Он хрипел, задыхаясь от злости, и давил ее зубами так, что у самого темнело в глазах. Казалось, силы росوماху оставляли. Она обмякла, тело ее стало податливее. Тогда он бросил ее в снег с намереньем вцепиться в горло и прикончить. Но росوماха в одно мгновение резво вскараб-

калась на молодое деревце. Громко клацнув зубами, оцетинившись, она повернулась, сверкая синезелеными, залитыми тупой злобой глазами. Она глухо кашляла и шипела, показывая клыкастую пасть. Окровавленный от укусов Урх встал на задние лапы, но достать ее не смог. Росомаха готова была снова вцепиться ему в морду. Еще некоторое время Урх ходил вокруг деревца с видом победителя — взъерошенный и сгорбившийся. Потом подошел к туше лося, готовый насмерть схватиться с каждым, кто подойдет к добыче, принадлежащей ему. Давясь злобным ворчанием, росомаха долго сидела на дереве. Оценив расстояние до медвежонка, озираясь, неуклюже задом она слезла с дерева и, почти не проваливаясь в снег, скрылась за деревьями.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Надолго остался Урх около туши лося. С тех пор, как он оказался один на один с горной зимой, тонкий серебряный полумесяц округлился, налился золотистым сиянием. Ночи стали светлее.

Весенний теплеющий лес оживал. С раскидистых кедров падали ошметки слежавшегося снега. Ветки их облегченно распрямлялись. Целыми днями бойко вызванивали торжествующие синицы, флегматично пересвистывались снегири. А ночами в гуще крон стонали лесные сычи. С каждым днем на солнечных склонах ширились проталины, струящие тонкий парок.

Все эти дни Урх по праву сильного сам поедал и охранял остатки лосиной туши. И снова острой ледовой серьгой народился молодой месяц. За это время заметно подрос и еще более окреп Урх. Светом нетронутой близны снега играла на солнце его пушистая шерсть. Подобно тени каждую ночь вонючая росомаха наве-

дывалась к лосю в надежде урвать кусок мяса. Но урок, который она получила при первой встрече с Урхом, пошел ей впрок. Трусливо озираясь, она каждый раз удалялась восвояси, как только видела, что в ее сторону с угрожающим рычанием смело идет необычный белый зверь с медвежьим запахом. Иногда навевались соболя. Тенеподобные, ловкие зверьки не упускали момента, чтобы стащить у медвежонка кусочек мяса. Такие же белые, как Урх, с темными кисточками хвостов, появлялись ласки и горностаи. Но он не подпускал их. Он хорошо усвоил, что от этой полуобглоданной туши зависит его жизнь. И лишь прилетающий кормиться ворон пользовался благосклонностью Урха.

Уже по отопревшим увалам заблестели робкие ручейки. Осел по щелям снег, уплотнился, потемнел, стал зернистым. Из зарослей березок, одевающих ближайшие склоны высоких гор, по ночам громко и часто хохотали белые куропатки. Еще выше в пустынных гольцах гогочущими криками перекликались тундранки. А на утренних зорях с разных сторон в жарком точенье, забыв о всякой опасности, пели взхлеб глухари. Беззастенчиво, наперебой барабанили дятлы.

Горные весны капризны: звон ручейков и щебетание птиц внезапно сменяло ночное завывание холодных ветров, несущих снеговые тучи. И тогда снова зима врывалась под весеннее небо и сухим снегом, как прежде, укрывала землю. Но уже в полдень тучи разбегались и солнце снова утверждало весну.

В солнечные теплые дни Урх отлеживался на проталинах. На просыхающей земле можно было хорошо выспаться. И вот однажды он увидел на открытом от снега склоне за долиной одиноко бредущего медведя. Позабыв обо всякой осторожности, с большой радостью Урх бросился бежать к нему через заснеженную еще долину, разбрызгивая широкими лапами налитый солнцем зернистый снег. Урх давно не видел подобных

себе. В нем вдруг до боли ожила надежда встречи с матерью. Он пересек долину и бежал уже по оголенной земле, где кормился медведь. Увидев мчащегося прыжками необыкновенно белого сородича, пасущийся медведь сразу же враждебно изогнул спину, от волнения заходил зигзагами, приготовившись к схватке. Только теперь Урх понял, какую он допустил ошибку, кинувшись навстречу к чужому взрослому самцу. Он еще не забыл того черного, который преследовал их с матерью в его первое лето. Поняв свою оплошность, Урх не медля повернул и что есть силы припустил назад через долину.

Прошло еще несколько мартовских дней. На счастье его, у останков лося, где еще под сенью поросли голубел снег, не появлялся ни один вышедший из берлоги медведь.

Земля стала мягкой, задышала теплом и влагой. На одном из склонов объявились бордовые и желтоватые шильца побегов луговых трав. Корни их выкапывал из теплой земли Урх, и это было серьезным подспорьем в питании. Голодная смерть ему не грозила.

Однажды, когда он рылся на просохшей лужайке, то увидел, как к нему бежит такой же молодой, как и он, медведь. Дохнул ветерок, и Урх учуял знакомый ему запах. Он увидел, узнал черного со светлым, как у матери, ошейником медвежонка, очень похожего на неё. Утративший былое доверие к чужим, Урх соскочил, приготовился защищаться. Привстав на задних лапах, он напыжился, сгорбился и грозно зарычал. Но тот, черный, уверенно бежал к нему. И Урх вдруг узнал по запаху, что это была Белая шейка — дочь Чепрачной. Ведь это только окраской она очень походила на его Ма-а. Урх расслабился и кинулся к ней. Радость их была безмерной. Она выражалась в приветственном урчании и прикосновении мордами, и в легких покусываниях губ. Белая шейка оказалась предельно исхудавшей. Шерсть на ней висела клочьями и была слипшаяся

от грязи и худобы. Такая запущенная шерсть бывает у животных, когда они серьезно больны или заморены голодом. Лизнув Белую шейку, Урх ощутил ее совсем сухой нос. Как и в недалеком прошлом, он предложил игру: обняв её передними лапами, схватил за гриву. Белая шейка не приняла его вызова. Она просто ласкалась, бессильная и грязная, с крепким, сытым Урхом. Потускневшими слезящимися глазами она смотрела преданно и ласково.

Белая шейка была такой же одинокой, как и Урх. Та же трагедия произошла с ее матерью Чепрачной медведицей и сестрой Чернушкой, что и с матерью Урха. Она по счастливой случайности уцелела. Радостной была эта печальная встреча осиротевших медвежат. Они были впервые счастливы за пережитое трудное время, полное опасностей и самоотверженных скитаний.

Белая шейка не отставала от Урха, и он увел ее с собой в лес, где на притоптанном потемневшем снегу поляны вилами торчали лосиные ребра, вокруг которых валялись лоскуты темно-коричневой шкуры. Подобно распахнутым крыльям орла лежали широкие рога. Белая шейка жадно накинулась на остатки туши...

С тех пор, как они встретились, луна снова округлилась. Стали пестрыми от обнажившейся земли и осевшего снега горные склоны. По западинкам, где было теплее, поднялась трава. Открыли нежно-голубые венчики горичавки. По ущельям громыхали беснующиеся, переполненные талой водой речки. Вода пробивала коридоры в глубоких, забитых сошедшими лавинами, оврагах. «Зацвели» снежные поля — перекрасились в розовато-красные. Днем и ночью в поднебесье звучали голоса возвращающихся птиц. От лося к этому времени остались лишь дочиста обглоданные кости да рога. Чаше чем когда-либо синицы навещали это место, собирая для гнезд длинную теплую шерсть.

Урх и Белая шейка не знали голода. Они наелись на травянистых лугах свежей зелени. Шерсть Урха стала такой же белой и чистой, как снег на самых высоких вершинах. Как и прежде, черной и блестящей, как горные ночи, стала шерсть у Белой шейки. Безукоризненной белизной светилось ее ожерелье. Взрослея, она все больше походила на Ма-а, и Урх сильно привязался к ней.

Наступило лето. Урх и Белая шейка не расставались. И все было бы хорошо, если бы однажды у Синего утеса не появились на лошадях всадники с ружьями за спиной. Их было двое. Долго в бинокли они осматривали Долину цветов, где все это время жили Урх и Белая шейка. Потом они о чем-то тихо переговаривались, усмиряя рвущихся с привязи собак.

Урх и Белая шейка давно заметили ненавистных двуногих, которые обрекли их на страшные страдания и лишения. Поэтому, как только над горами опустились сумерки, Урх оставил место лежки и повел Белую шейку в сторону чернеющего леса к высоким горам, отгораживающим эту прекрасную долину от других, не менее прекрасных и диких. Могучие горы расположены были там, где всходит солнце.

Глухой полночью они прошли чернеющий лес и, одолев крутой каменный подъем, вышли и остановились на перевале. Вокруг на вершине тускло светились безжизненные каменные россыпи. Ниже, среди многочисленных хребтов, разлилась непроницаемая чернота ночи. Холодным огнем фосфоресцировали в лунном свете вечные снега. Урх и Белая шейка долго смотрели назад, в долину, где так счастливо началось и страшно кончилось их детство. Сквозь зыбкий свет надгорной тьмы у Красных скал, где было озеро, мерцал одинокий огонь. Задумчиво, беспристрастно смотрела на пульсирующий огонь, споривший с темнотой, голова Каменного рыцаря. За перевалом, где столбами чернели скалы,

протекала меж гор Черная речка, там были их берлоги, в которых они родились.

В этот лунный час, стоя на вершине поднебесного хребта, они по-своему прощались не только с Долиной цветов, где протекало их детство, но и со своим прошлым: с хорошим и плохим. Урх и Белая шейка не могли знать, что их ждет там, в чужих горах. Но это был тот оставшийся им единственный путь, чтобы спастись от преследования двуногих. Будущее их начнется не утром и не завтра. Оно начиналось сейчас с того самого момента, как только они сделают первый шаг за перевал, как только Долина цветов скроется за голыми россыпями.

Смолистый блеск играл на широкой спине Белой шейки. Сильный и красивый Урх стоял рядом. Они уже сполна познали радости и лишения и теперь без сожаления оставляли этот родной угол. Они разом повернулись и ушли за перевал в Большой Алтай, где не будут их так настойчиво преследовать ненавистные им двуногие, головы которых так похожи на скалу, равнодушно смотрящую на плохое и хорошее, что бывает в Долине цветов.

АЛТАЙСКИЕ БЫЛИ

МЕТЕЛЬ

Савелию не спалось. В эту студеную декабрьскую ночь в который раз он мысленно перебирал все до мелочей: что самое необходимое взять на промысел. Мало ли что может случиться за три месяца таежной жизни. Всякая мелочь может обернуться проблемой. Опыт старого таежника Савелия был богатым. Он хорошо знал неписанные законы тайги. Много повидал за долгую жизнь охотника, полную неожиданностей, опасностей и радостей. В тайге нужна расторопность, смекалка. Без знания повадок зверей не охота, а одно недоразумение. Замешкал, не проверил вовремя капканы, и зверь добычей россомахи станет или мыши погрызут. Было, соболь соболя съедал. В тревоге проходили дни и ночи перед

большим зимним сезоном. Но главная беда сейчас дома — внук в болезни. Вторую неделю в жару мальчонка. Выхудал весь, побледнел. Голосом уже ослаб. Вот и не спал Савелий, не спала и жена Матрена: вздыхала молча, ворочалась с боку на бок. Нередко молилась и все просила бога, чтобы послал здоровья Васятке. Прежде не видел Савелий, чтобы Матрена молилась. Не удивлялся он ей, понимал, и поэтому не мешал: «Пусть выговорится». Возили Васятку и в город. Там сказали: «Критический момент прошел». Теперь выздоравливать помаленьку станет. Только наказывали следить да следить, чтобы не простудился. Ослаб сильно. Вот и не отходит от внука Матрена: извелась вся, осунулась, побледнела. Ходит молча да вздыхает тяжело от дум своих. У кровати его так и засыпает. И все они втроем ждут не дождутся, когда мать и отец Васяткины из командировки северной приедут. Словно потерянный ходит Савелий, на внука, на Матрену поглядывает, а помочь ничем не может. Часто наблюдал он, как Матрена садилась на край кровати и, положив на колени жилистые руки, пристально смотрела на внука, вытирая краешком платка покрасневшие от бессонницы и слез глаза. Чего и говорить: невесело было в избе Савелия. Тревожными для него были и сборы в тайгу. Что поделаешь, Васятке не поможешь, но, слава богу, он вроде бы поправляться стал. Сезон охотничий никак нельзя пропускать. И так припоздал. И снова в который уж раз перебирал он в памяти необходимые для жизни в тайге вещи. Перечислял йод, бинты, иголки, свечи, спички, проволоку, журналы и все такое прочее. Продукты и капканы с лета еще завез. Осталось налегке с рюкзаком самому добраться.

За час-два до рассвета огонь забился в окнах избы Савелия. Золотистые дорожки света уперлись в истоптанные собаками сугробы. Над спящим селом еще стояла холодная звездная ночь. Матрена вскипятила чаю,

сварила мороженых пельменей. Ел Савелий нехотя, молча.

— Хватит тебе в тайгу ходить. Сколько можно, не молодой уж. Все случиться может, сидел бы дома,— увещевала его Матрена. Говорила и знала, что несговорчив старик ее, и раз решил, так и будет стоять на своем.

Бывало, смолоду вот также рано, когда даже собаки спят, уходил он в тайгу. «Не дай бог на дороге баба какая встретится — пропала охота». Так же поступал и отец его, всю жизнь промышлявший таежного зверя.

— Если уж встретится,— говорил он,— лучше домой поворачивай.

Верил в примету эту и Савелий.

— Смотри, Матрена, выходи малютку,— наказывал Савелий.— Да что говорить, знаю, все сделаешь как надо.

— Ладно уж тебе, не волнуй душу. Все обойдется. Сам видишь, на поправку Васятка пошел. Скоро уж и Танька с командировки приедет. Со дня на день жду.

Собрался Савелий, к двери было направился, но остановился и на носках к Васятке. И вдруг слышит голосок:

— Деда, ты уже уходишь?

— Ухожу, Васятка, ухожу, милый. Ты давай-ка выздоравливай поскорее.— Он подошел к внуку и нежно погладил худенькое маленькое личико.— Совсем негоже, что так болеешь сильно. Выздоровливай-ка поскорей, на охоту будем вместе ходить.

— Деда, очень прошу тебя,— пролепетал слабым голоском Васятка.— Мне белочку, с хвостиком, принеси из леса. Тогда я, деда, и болеть не буду. Привезешь, деда, белочку с хвостиком? Ждать буду, только с хвостиком, деда!

— Обязательно, Васятка, обязательно принесу!

Только не болей.— Савелий прижался широкой белой бородой к бледному личику внука.

— Выздоровливай поскорей. А я обязательно принесу!

Как принято, Савелий и Матрена присели перед дорогой на лавку у широкой русской печи. Бодро встав, Савелий молча распахнул дверь и растворился в клубах морозистого воздуха. Нащупал стоящие лыжи в сенцах. Повозился в ограде, надевая их, и сухо заскрипел по замороженному снегу посреди спящей деревни.

Два дня ушло на дорогу. Избушка стояла на крутом берегу речки под стройными и высокими кедрами. Утонувшая в сугробах и укрытая снегом, отчего казалась повязанной пушистым белым платком, она задумчиво смотрела единственным глазком четырехдольного окошечка на дымящуюся, спорящую с морозом речку, на гребнистые горы, вздыбленные до небес, на черно-фиолетовую тайгу, разлившуюся по сопкам. Глухое, едва слышное клокотание речки, запущенной снегом, тонкий перезвон струй ее у выпирающих валунов да полуза-топленных обмерзших льдом лесин, оживляли снега. Пятый десяток таких зим встречает избушка своего Савелия. Вот и сейчас, словно укрывшись мехами снегов, уютная, тихая и кроткая, как подмолодившаяся вдова, она ждала его. Она даст приют на все долгие зимние ночи, пока Савелий будет соболевать. А потом, когда промысел окончится, когда настанет пора уходить охотнику, она также тоскливо и кротко снова будет смотреть ему долго и пристально вослед, в ту сторону, куда он ушел. Все лето до следующих снегов она будет ждать верно, как собака.

Савелий некоторое время стоял и, предаваясь воспоминаниям, смотрел на свою избушку. Обвел взглядом горы и молчаливо темнеющую, засыпанную снегом соболиную тайгу. Про себя отметил, что избушка, как и он, постарела: бревенчатые венцы ее повело, от частых

дождей они обросли мхом. Щемящая боль скрытой утраты легонько коснулась его сердца. И вдруг он ощутил прилив силы: казалось, что сейчас, как и прежде, он молод и силен. Эти молчаливые горы в снегах, вовсе и не такие уж высокие, куда захочет, туда и поднимется, и ничто его не остановит. Так было всегда. Но вместе с тем что-то такое грустное, невыразимое испытывал и чувствовал он в себе, глядя на старенькое лесное жилище. Мысли живут как бы сами по себе. «Вдруг последний раз. Как же тогда?» Нет, Савелий давно понял, что не может так просто расстаться с избушкой, как и со своим прошлым. Опять Васятку вспомнил и вдруг почти услышал его слабый голосок: «Дедушка, белочку с хвостиком».

Мысли его в это время отвлек прилетевший поползень. Он был одинок, как Савелий, как избушка. С тонким писком птичка быстро обошла короткими прыжками стены по кругу. Принимая неожиданные позы и положения, поползень прыгал боком вверх, то впиз головой и все совал в щели прямой, смотрящий чуть вверх, клюв, обшаривал стены и углы. То вдруг непонятно зачем звонко стучал по краешку оконца. «День-день», — отзывалось оно. «Да-да-да», — говорили стены под ударами клюва. Савелий видел, как он обошел бревенчатый карниз и, нырнув в дощатые сенцы, принялся азартно выстукивать морзянку, доставая клювом спрятавшуюся в щелях добычу.

До боли знакомая птичка: эти привычные стуки и шарканье когтей. И Савелий вдруг ощутил прилив счастья, словно после долгой разлуки вернулся в отчий дом. Тайга была для него домом, школой жизни и источником мудрости. Он умел с ней говорить без голоса, без мимики — сердцем.

В избушке все было привычно. Как прежде задышала жаром железная печурка в углу у дверей. Из чуть покрасневшей трубы, похожей на самоварную, потек

столб плотного кедрового дыма. Он повисал над крышей, цеплялся за лапы кедров, лениво расползался над лесом, окрасившись в розовое от закатных лучей уходящего солнца.

Потекли полные упорного труда декабрьские дни. Как обычно, с первыми отблесками наступающего утра, когда еще птицы не будили тайги, он оставлял натопленную избушку, уходил по путикам осматривать капканы и кулемы, подновить шалашики. Выбирал время заглянуть в соседние расщелки — посмотреть, где появился соболь. Савелий знал, что зверь легко находит кормные места — пищуху или ягоду. Там удачливее срубить и насторожить кулемку. Удавалось выследить дупло, тогда «хозяина» — так звал он соболя — выкуривать приходилось.

Приходил в избушку затемно. Поужинав, снимал шкурки с пойманных зверьков и только потом читал один-другой листок из журнала. Потом задувал мерцающий огонек жировушки и валился на нары. Перед сном он мысленно прикидывал, с чего начнет следующее утро. Думал о доме: «Приехала ли Татьяна? Главное — Васятка», — и каждый раз словно наяву слышал его тоненький голосок: «Дедушка, белочку, с хвостиком!», запавший в его сердце. И тогда Савелий начинал думать, что как только промысел пойдет к концу, он поставит около избушки западню на белку. Поймает живую и обязательно принесет Васятке. С этими мыслями он и засыпал, раздавленный тяжелым сном.

Прошел январь. Нужно было сворачиваться: собирать капканы, разряжать кулемки и помаленьку готовиться домой. И Савелий взялся за западню для белки — увязывал в решетки обструганные палочки медной проволокой. Беспокоило одно — белки мало. Ходит верхом. Попробуй поймай.

Занималось утро. Савелий шел вверх вдоль склона высокой горы, закрывающей небо с севера. Путик петлей

оббивал чернеющие скальные уступы, присыпанные слежавшимся снегом, спускался в лощину, где была старая гарь, теперь она густо заросла кустарником. Здесь Савелий ставил капканы на норку. Теперь собирал их, складывая в рюкзак. Оставив позади лощину с густым пихтачом, он поднялся и еще через час вышел в редкий листвяжник, стоящий вперемежку со старыми одиночными кедрами. Глубокий снег засыпал под самые макушки листвяжную поросль. Отсюда далеко была видна долина между двумя хребтами, покрытая сплошной тайгой.

Вскоре Савелий заметил, что небо закрыли рыхлые облака. Воздух потеплел. Солнце угадывалось по размытому кругу, светящему на западной половине неба свода. Перестал звенеть и скрипеть снег, а наоборот, стал податливым, глухо вздыхал проседая. Все провалы затекали нежно-зеленым светом. «Непогода надвигается», — отметил он. Несколько раз он запускал длинный шест — каек — вглубь, но до земли не доставал. «Большой, однако, ноне снег, реки весной уж разыграют!» — прикидывал он.

Путик, огибая стволы, прижимался к их комлям, где были насторожены капканы и, снова как бы отпрянув, стремился вверх. Савелий стал чаще останавливаться, чтобы отдышаться, он сдергивал ушанку, смахивал выступавший на лбу пот, нагибался и набирал липкий снег, мял его в ладонях, ощущая приятную сырую прохладу.

Небо быстро густело, и черные разливы тайги стали светлеть.

«Надо торопиться», — оглядывая небо, спешил Савелий. Его крупная фигура в длинном, до колен ватнике, перетянутая широким ремнем, тяжело, но уверенно продвигалась в гору.

Наконец он добрался до верхней орбиты — так Савелий называл самый верхний круг своего путика, который теперь шел вдоль склона среди осыпей. Здесь в ку-

румнике пищуха, здесь и соболь всегда. Савелий с опаской поглядывал на край снежного наноса, который брюхато нависал слева над ним. Он хорошо знал, что достаточно крикнуть, и снежный сугроб птицей ринется со своего каменного насеста и обратится в снежную лавину. В оттепель опасность эта во много раз возрастает. Вдруг краем глаза он заметил, как дрогнула макушка кедра, стоящего ниже. Снежный ломоть глухо шлепнулся. Савелий оглядел дерево, надеясь увидеть затаившуюся белку или соболя. И вот снова качнулась ветка, уронив тяжелую снежную ношу. «Заветрило,— понял он.— Надо поскорее вниз. Пуржить начнет, пропадешь на верхотуре».

Он прибавил шаг к трем стоящим рядышком старым, изуродованным ветрами и морозами кедром. Они росли на самом краю небольшого откоса, усыпанного крупными камнями, от которых начиналась россыпь. Там стоял капкан. Соболя всегда привлекали эти отдельно стоящие кедровые деревья. Удача была и в этот раз. В шалашке лежал окоченевший соболь. Савелий с тревогой поглядывал на гольцы, где уже зачернели ободранные верховым ветром камни. Для удобства он быстро скинул лыжи. Положил их рядышком и, став на них, воткнул ложем в снег двустволку и каек. Присел на корточки, высвободил застывшего зверька и спрятал в рюкзак. Затем стал откручивать проволоку, удерживающую капкан. В это время в воздухе уже замельтешили первые снежинки. Они приятно охладили его разгоряченные щеки, падали и таяли на жилистых, почерневших от холода и солнца руках. Ветер быстро усиливался. Начался буря. Снежинки падали, мелькая на фоне засыпанных снегом кедров. В корявых стволах сипло засвистел ветер. Даль замутилась, и лишь полосы снега косо чертили темнеющий ниже ярус пихтача. Савелий встал, размял занывшие колени. Набросил рюкзак и оторопел. Перед ним, в трех шагах, темной копной стоял черный мохна-

тый медведь. Крупная голова с маленькими глазками, с оскаленными зубами застыла, разглядывая его. Спина казалась седой от снега, уже набившегося в шерсть. Зверь глубоко увяз в потеплевшем перед ненастьем сугробе, и было видно, как жадно глотал воздух, стараясь восстановить иссякшие силы. Как в молодости в одно мгновение Савелий выдернул стоявшее ружье, щелкнул курками... Медведь в тот же миг резко встал и приготовился к роковому прыжку. Но Савелий уже видел в прорезь мушки его лоб и глазки, спрятанные в густой поседевшей от снега шерсти. Но тут случилось непредвиденное: в этот самый миг нога его вдруг соскользнула с подавшейся вперед лыжи и он, провалившись ногой, завалился на бок. Шапка упала на глаза. Мгновение, и медведь насыдет. Счет шел на секунды. И вдруг медведь от чего-то дернулся, глухо рыкнул и слегка осел. Этого мгновения было достаточно, чтобы Савелий, лежа на боку, успел поправить нахлобучившуюся шапку, вскинул ее на лоб и выцелил голову зверя. Один за другим прогремели два выстрела. Слабо дернувшись вперед, с глухим стоном, медведь ткнулся мордой в снег и будто пловец, загребая широкими лапами снег, стал постепенно погружаться. Савелий встал, перезарядил ружье и еще некоторое время держал его наготове, наблюдая, как медведь тонет, зарываясь в сугроб. Медведь затих. Савелий слышал, как протяжно и тоскливо свистел в кривых стволах кедров и лиственниц ветер. Убедившись, что зверь убит, Савелий решил подойти к нему. Но тут только заметил, что у него нет лыжи. Тогда он кайком тщательно прощупал снег. Лыжи не было, как будто в воду канула.

Буран набирал силу: снег повалил густо и в десяти шагах ничего нельзя было различить. Горы и только что чернеющий внизу лес, гольцы — все пропало, только белая муть снежной карусели окружала одинокого человека. Исчез и путик. «Как идти?» — думал растерянно Са-

велий. Он снова острием кайка потыкал снег. И вскоре догадался, что лыжа соскользнула и ушла куда-то вниз, по склону. Сначала он было принял решение спуститься и попытаться отыскать ее. Но вскоре убедился в безнадежности этого: в снежной кутерьме и надвигающихся сумерках искать лыжу бесполезно. Глубоко проваливаясь, он с трудом добрался до медведя. Шкура зверя отдавала теплом и смрадом. «Здоровый, черт!»— удивился Савелий и ткнул его прикладом в бок.

«Что делать? Куда без лыж?» Тревога и досада овладели Савелием. Он пытался что-нибудь придумать, но ни на чем не мог остановиться. Смутное беспокойство и страх сейчас оказались сильнее того, который он испытал при встрече с медведем. Осознав опасность обстоятельства, старый таежник решил все-таки помаленьку идти на одной лыже. Он шел напрямик к избушке, которая находилась не менее чем в пяти верстах. Каждый шаг ему давался с трудом: лишенная широкой скользящей опоры нога тонула в снегу, и он падал на бок. С трудом вставая, он вытягивал ногу из глубокого снега, утапывал под собой маленькую площадку и тогда делал шаг. Савелий проделал несколько десятков шагов и почувствовал, что так идти дальше невозможно. Снег был слишком рыхлым и глубоким. Давали знать и годы.

Утопая по грудь, пурхаясь в рыхлых наметах, Савелий взмок. Мокрыми стали рукавицы и штаны на коленях. То и дело срывалось с плеча ружье. Ствол забивало снегом. Кое-как добравшись до ближайших пихтачей, сумрачно черневших в сплошном потоке метели, он разрядил ружье, повесил его на сук вниз стволом. «Выберусь, заберу потом»,— решил он. Только здесь Савелий вспомнил, что каек свой оставил около медведя. Тогда он сломал ветку. Она гвоздем уходила в рыхлый снег, не создавая опоры. Чтобы облегчить путь, он сбросил рюкзак и тоже повесил на ветку. От пихтачей Савелий вдоль

склона пошел верхом. На его пути две гривы. На них ветер сдувает снег, идти будет легче. В белой кутерьме исчезла чернота тайги и гор. В мятущихся вихрях ветра клонились и стонали деревья. Тонкий прерывистый свист напирал откуда-то сверху. Забивало глаза. Приходилось сдирать с лица лепешки мокрого снега. Савелий устал. С каждым шагом вперед он давил грудью снег и, помогая руками, с трудом вытягивал ноги, пытаясь встать на колени. Все заметнее гасли силы. Но Савелий был спокоен. Он все продумал. С благодарностью он думал о пайпаках, своих мягких кожаных сапогах. Они непромокаемы, и ноги у него в тепле. Они надежны не только в снегу, но и в воде. Он надеялся, ждал, что метель скоро уляжется. Тогда станет легче. Савелий выбрал новый способ продвижения: он лег на бок и стал расталкивать снег, прибывать его ногой, при этом он упирался локтями в лыжу, которую клал поперек перед собой. Но и этот способ требовал невероятных усилий. И Савелий беспомощно барахтался по грудь в снегу. Совсем стали мокрыми рукавицы. Ему часто приходилось стягивать их и вышвыривать из них снег. И снова он тонул и толкался, чтобы продвинуться хотя бы на один шаг. От напряжения взмокла спина, прилипли ко лбу жидкие седые волосы, постоянно выбивающиеся из-под шапки. Но густой воздушный снеговорот сразу же забил бороду, и холодные струйки постоянно стекали с разгоряченного лица. От напряжения бешено колотилось где-то под горлом сердце, и Савелий решил, что следует отдохнуть и унять его. Уплотнив под ногами белое месиво, он встал, чувствуя, как дрожат натруженные ноги.

«Не стоит ловить холодный ветер», — и Савелий присел, спрятавшись в снежной яме. Над ним в крошечной темноте глухо стонал и шумел лес. Вихри бросали в лицо густую снежную пыль, со всех сторон облизывая иглистыми холодными языками. Чтобы избежать этой

колючей круговерти, ему хотелось зарыться в сугроб с головой. Хотелось спрятаться от злобного воя метели. Но Савелий боялся успокоиться, замерзнуть. Он, надеясь, что метель уляжется, вслушивался в свист ветра, свирепствующего на гольцах. Будто нечистая сила выводила жуткие рулады, или начинало казаться, что дружно выла волчья стая. На какое-то время вой внезапно утихал. Снежные вихри бросали ему в лицо пригоршни снега, жадно и голодно лизали его щеки. Савелий поднялся. Теряя силы с каждым шагом, он все чаще и чаще отдыхал, но с прежним упорством боролся со снежным пленом. Его глубокий след метель сразу же зализывала, как жгучую рану, и с прежним азартом принималась с разных сторон кружить вокруг его ползущей фигуры. Глубокой полночью он кое-как одолел первый лог. Теперь он ложился на спину и, прежде чем вытянуть и вытолкнуть вперед ногу, лежал, собираясь с силами. Когда он лежал на спине, тело его расслаблялось, и Савелий чувствовал, что уже ничего не хочет. Только бы отдохнуть...

Штурмуя снежное месиво, он вдруг ощутил под собой твердую землю, легко встал и, устало опустив руки и голову, побрел по гриве. Он шел не оглядываясь. Не обращая ни на что внимания, он тупо шагал вперед на полусогнутых ногах, неся свое гудящее от усталости тело. Снег здесь был чуть выше колен. Со страхом думал Савелий, как пойдет дальше, когда кончится грива и сугробы снова станут глубокими. Он хорошо знал место, где находится.

Стали попадаться одиночные лиственницы. Тайга, разлившаяся среди угластых отрогов, осталась внизу. Вскоре земля ушла, утонула. Начались снега. Савелий сделал несколько шагов и прилег. Он чувствовал, что совсем обессилел. Смертельная усталость одолевала. Ни на чем не мог сосредоточиться. Мысли мелькали, обрывались.

«Только без паники. Куда идти, знаю. Как-нибудь доберусь»,— успокаивал он себя.

И снова вступал в битву со стихией, не желающей так просто его выпускать из своего плена. Только теперь к своему огорчению обнаружил Савелий, что там, где шел, где доставал ногами землю, позабыл вторую лыжу. Идти искать было бесполезно. Не было сил возвращаться, и метель заметала след.

«Ничего!— думал Савелий.— Как-нибудь одолею и эту гриву. А там рукой подать».

Он шел, пробивая след, валился на бок, на спину, в полузабытьи отлеживался и снова шел и полз. Смахивал ошметки снега с мокрого лица. Метель стала злее. Снежинки, гонимые холодным ветром, колко хлестали лицо. Намокшие рукавицы скрючились, и Савелий почувствовал, как коченеют пальцы. Он стягивал рукавицы и согревал пальцы своим дыханием, двигал ими, но они почти не слушались. Тогда он заталкивал руки под мышки, сидел некоторое время, пока ощущал в них легкое покалывание. Одежда также стала сырой, замерзла, затрудняла движение. Теперь даже кратковременный отдых превращался в пытку. Тело дубело от холода. Тянуло ко сну. «Только не это,— отгонял он сон и усталость.— Тогда все, считай, пропал!»

Ему казалось, что шел он целую вечность. Казалось, всегда он видел эти бескрайние снега, горы и тайгу— чуждые ему и враждебные. Будто всю жизнь он только и бился в этих сугробах. Уже не верилось, что где-то есть тепло и уют, где люди могут свободно, не корчась от усталости и стужи, говорить о чем-то маловажном.

Начался спуск в долину, где течет забитый сугробами ручей. У Савелия появилась мысль не идти, а катиться, как делал когда-то мальчишкой, катаясь с горок. Толкаясь локтями, он попытался перевернуться. Но вскоре убедился, что это невозможно. Топкий сухой снег сразу же забил глаза, посыпаясь за воротник. Савелий

сел и огляделся. В глазахплыли молочные круги. Тело налилосьнеодолимой усталостью. Он понял, что дальше идти не может. Придется закопаться, дождаться утра. Там виднее будет. И Савелий из последних сил выбивал ногами снег. Толкал локтями, стараясь уйти от разбушевавшейся над ним стихии, скрыться, спрятаться от мучительного холода. Он вдруг ощутил приступ страха и ужас одиночества. Удесатерив зло и силу, снова расталкивал снег, устраивая снежную берлогу. Скорчился в ней. Спрятал на груди руки и, уткнувшись лицом в рукава намокшей куртки, стал дуть на руки. Через некоторое время ему показалось, что метель поутихла. Он хотел поднять голову, но понял, что засыпан уже с головой. Стало вроде теплее. Морил сон. И Савелий не заметил, как перешел куда-то в неизвестность, ощутил тепло. Стало уютно и хорошо. И вот Савелий уже видит себя снова дома: гремит посудой у печки его Матрена, мерно посапывает Васятка. И вдруг, до боли ранящий сердце, где-то в глубине себя, он слышит слабый и болезненный голосок: «Дедушка, белочку с хвостиком!» Савелий очнулся, хотел было встать, но, вспомнив с каким трудом зарывался от пронизывающей метели, успокоился, потом стал шевелить затекшими руками и ногами. Потрогал лицо. Прихлынувшая волна отчаяния до боли сжала грудь. Савелию казалось, что он находится в каком-то неземном мире. Он попытался повернуться на бок, чтобы расслабиться, но это ему не удалось. Слишком тесна его снежная колыбель. И он покорился судьбе. Вскоре забылся на некоторое время, но засевшая мысль, что надо идти и только в этом спасение, снова отрезвила. Он чувствовал, что сил нет уже, чтобы встать и бороться с этими глубокими снегами. Приятная расслабляющая дремота разлилась по телу. Перед глазами мелькают домашние лица, становится тепло и легко. И снова откуда-то из глубины себя самого он слышит все тот же слабый голосок, едва уловимый не то слуху,

не то другому чувству: «Дедушка, белочку с хвостиком!» Савелий вздрогнул. Открыл глаза. Он понял, что уже спал. Сколько, много или мало. Тревожно застучало сердце. Он сразу же ясно все осознал, что с ним происходит. Попробовал пошевелить руками и ногами и к ужасу своему почувствовал, что они заоченели. «Замерзаю»,— со страхом и отчаянием подумал он и, напрягая все оставшиеся силы, встал белым медведем из снежной берлоги. Хлесткий сухой снег сразу стал бить в глаза. Холод прошивал насквозь. Ноги почти не слушались, он пытался шагнуть и свалился в снег. Зло и обида подступили к сердцу. Он встал и снова сделал шаг, другой и снова упал. Лежал на спине и прислушивался к себе. Потом он увидел над головой мутное серое небо и к радости своей вдруг узнал едва заметные росинки редких и испуганных звезд.

«Значит, пурга кончается, можа, скоро стихнет»,— подумал он. Это придало ему силы. Перевернувшись на живот, он пополз, оставляя за собой глубокий след. Движение дало ему тепло. Тепло оживило тело. Низовка леденила скулы, била по глазам. Савелий сдернул закуржавевшие рукавицы и обтер негнушимися руками налипшие к лицу обледенелые ошметки. Он полз и полз. Появилась жажда. Он хватал ртом сыпучий снег, горло слабо ощущало сладковатый пустой вкус.

Воздух очистился. Внизу черной стеной шумела тайга. И Савелий круто повернул и пополз вниз к лесу. «Попробую костер, иначе каюк!» Увязая по грудь, наискосок он добрался к пихтачу. Надежда на костер придала силы. Напрягаясь, он «плыл» на животе по белому месиву. Жажда разгоралась в груди. Он еще и еще хватал ртом снег и, согревая его во рту, смачивал горящее горло. В лесу ветер слабел и лишь глухо гудел в сплетении темно-зеленого полога. Он метался среди деревьев, словно сбившись со следа. Снежная пыль сыпала на черные пихтачи.

Савелий добрался до пихты. У основания ее во все стороны торчали сухие отмершие ветки. Едва гнушимися пальцами охотник наломал их, сложил в кучу и достал спрятанный на груди коробок. Он оказался раздавленным и отсыревшим. Отворачиваясь от мятущегося ветра, Савелий чиркал, но огонь не брался. Со спичек слетала сера, и все-таки ему удавалось некоторые зажечь, но пока он подносил их к холодным веткам, огонек сдувало. Истратив последнюю спичку, а с ней и надежду на костер, на спасение, он горько сплюнул, бросил коробок и, обхватив ооченевшими руками ствол, стоял, опустив голову.

— Ничего, скоро утро. Обойдусь без костра. Там как-нибудь,— он стоял с закрытыми глазами, ощущая свое бессилие, укоризненно качал головой, словно сам себя упрекал за случившееся.— Что же люди скажут? Савелий — и вдруг...

Здесь же он решил дожидаться утра. Он дотянулся к лапам пихты, с трудом наломал их, бросил под ноги у ствола. «Все не на снегу. Отдохну. Уймется дрожь, а там видно будет...» Он тяжело повалился на лапник, ощущая его упругие холодные ветки, привычный смолистый дух. Подобрав колени, спрятав на груди руки, он лег на бок. Лежал неподвижно и вскоре забылся. Холод сочился из-под лапника. Взмокшая одежда становилась холодной как жель. Неуемная дрожь сотрясала тело. Савелий еще плотнее сжался в комок, втянул голову. Но холод леденил тело и кости. Тогда он усиленно задышал себе на грудь, стараясь хоть как-нибудь дыханием сохранить в себе последнее тепло. Его знобило, одолевала зевота.

— Неужели конец. Не-ет,— убеждал себя таежник.— Так просто, в нескольких километрах от избушки — и замерзнуть, глупо будет. Дома Васятка ждет. Не-ет, нельзя тебе, Савелий, погибать. Не должно быть этого...

Но холод с каждой минутой все ближе, все глубже

пробирался к сердцу его и мозгу. Савелий чувствовал, что не в силах уже что-либо сделать, чтобы согреться. Однако, преодолев себя, он встал на колени, опершись задеревеневшими руками о холодный, гладкий, как лед, ствол пихты. Он не чувствовал холода дерева, а только ощущал острую боль в промерзших суставах. Голова отяжелела, и Савелий не мог понять, откуда шум — тайга ли так натужно шумит или в голове непроходящий гул.

Убийственно медленно истекла зимняя ночь. Савелию она показалась бесконечно долгой. Без страха, равнодушно и тупо смотрел он в побледневший серый сумрак и обреченно согласился первый раз в жизни, что тайга — дом для сильных; для слабых, таких, какой он сейчас, тайга — могила. Обидно и больно стало за себя Савелию: вот так нелепо он нашел здесь снежную могилу, в нескольких километрах от избушки. И это он, таежник, который десяток-другой километров без особых усилий одолевал почти каждый день на промысле. Он пытался встать, но, словно окостеневшее, тело не слушалось. Веки отяжелели. Немигающим взором он смотрел на черный ствол пихты, с подветренной стороны облепленный снегом, на скрюченные смерзшиеся рукавицы. Мутная, пробивавшаяся сквозь кружева посветлевших туч луна издали и равнодушно смотрела на него, такого одинокого, беспомощного.

Он опустил на грудь голову и прикрыл глаза. Легкое беглое тепло разлилось по телу. Ему стало необыкновенно приятно, и снова перед взором появился дом: он лежит в теплой постели, и Матрена, что-то ласково приговаривая, укрывает его пушистым одеялом. Ему кажется, что он совсем маленький и хлопчет над ним не жена, а мать. Как прежде, он доверчиво засыпает. Но ощущение домашнего уюта вскоре исчезает. Ему становится холодно. Тело сотрясает мелкий и глубокий озноб. На какое-то время возвращается слух, и Савелий улавливает монотонный, тяжелый гул расхолодившейся тайги. Ему

слышится сиплый вой голых ветвей и сучьев. Плачет диким зверем вьюга над головой. Как из сита сеет густая и холодная снежная пыль, отчего снова становится мутно-серым небо. Новая волна легкости захватывает охотника и куда-то несет. И снова он чувствует тепло, его клонит ко сну. Далеко в темноту уходят шумы и неясные стоны леса, становится светло, и таежник слышит чистый и приятный голос: «Это я, Савелий, ты видишь меня?» Ему кажется, что он открывает глаза, встает легко и видит, как из-за темных стволов навстречу, протянув легкие, как крылья, руки, неслышно идет Белая женщина. И нет уже никакой метели, а вместо нее — эта женщина...

«Разве ты не узнаешь меня, Савелий? — ласково говорит она. — Ты же сам давно ждал этой встречи. Мы с тобой старые знакомые. Мы знакомы с тех пор, когда ты был еще молод и силен. Но ты всегда уходил от меня. И вот видишь, мы встретились. Сегодня ты другой, Савелий, ты совсем другой», — певуче, вкрадчиво говорит она, еще ближе шагнув к нему с распахнутыми для объятий руками. Приятные, ласкающие слух речи ее сливались с воем пурги, таяли на ветру. И Савелий близко видит, как шевелятся ее белоснежные губы, ощущает ее тихое, леденящее, но такое приятное дыхание. Он силится понять ее слова, но ветер, этот проклятый ветер... И тогда он сам идет навстречу. Развесив бьющиеся на ветру снежные воздушные одежды, Белая женщина стояла перед ним и все тихо шептала что-то ласковое, приятное, завораживающее. Он хотел дотянуться, потрогать ее белые, похожие на завитки метели, волосы. Она звала его, манила, но все время оставалась недосыгаемой. Казалось, вот-вот взлетит и тогда исчезнет совсем. И Савелий торопился, расставив руки, пытался поймать ее. Он тоже ощутил вдруг невесомость и резвость, как в молодости. Казалось, что еще миг и он тоже взойдется и полетит в белоснежные просторы, вслед за ней.

Но в это время вдруг не то из глубины леса, не то из него самого просочился все тот же тоненький голосок, настойчиво вопрошающий: «Дедушка, белочку с хвостиком!» В этот же миг Савелий очнулся, ощутив тяжесть и боль земную. Он глянул в ледяные глаза Белой женщины. Она закружилась над ним и растворилась в вихрях метели, оставив позади седые снежные шлейфы. И снова слабый молящий голосок: «Дедушка, белочку с хвостиком!» Савелий видит перед собой бледное лицо внука, его болезненно блестящие с воспаленными веками глазки, вопросительные и верящие. Тонким колким лучиком голосок его коснулся самого замерзающего уже сердца старика. И, казалось, остывшее, оставленное жизнью, сердце всколыхнулось, забилось горячо в болях и муках.

— Я приду, Васятка, обязательно приду. Принесу тебе белочку, обязательно с хвостиком!— с трудом размыкая смерзшиеся, не слушающиеся губы, шепчет он. Теперь он зло смотрит на ставший ему враждебным мир тайги. Снова слышит, как метель, шурша, лижет стволы пихтачей, ощущает ее колющее дыхание на задеревеневшем лице. Скрюченными, бесчувственными пальцами сдирает со щек заледеневшие слезы.

— Я обязательно приду, Васятка,— говорит он упавшим, неслышным голосом.

Превозмогая боль и скованность, он бредет, не пряча глаз от царапающих лицо веток. Тепло постепенно возвращалось, разливалось внутри. Он протирал слезящиеся глаза. Падал и вставал, шаг за шагом спускаясь в тесную лесистую щель, не переставая на ходу растирать руки и щеки...

«Идти, только идти! Иначе каюк! Как там Васятка? Ждет! Обещал же ему белочку...»,— думал Савелий, едва передвигая непослушные ноги. Теперь он брел нанскось вдоль склона.

Заметно просветлело небо. Откуда-то из мрака у вер-

шин хребта всплывали увалы с оголенными от снега скалами, с одиночными запорошенными лиственницами, чахлыми пихтами и низкорослыми кедрами. Ниже по-прежнему шумела налитая чернотой тайга. Снежные вихри в приступе ярости набрасывались с каменистых вершин, осыпая воздух и деревья снежной пылью. Савелий падал, вставал и снова валился, полз, помогая себе руками и ногами. Иногда на короткое время он, перевернувшись навзничь, лежал с открытыми глазами, глядя в серо-свинцовое небо. На короткое время впадал в забытие и, словно спохватившись, вставал и брел. Каждый шаг был настоящей победой.

С наступлением жидких, разбавленных светом сумерек он почувствовал прилив сил и некоторую уверенность. Из густой кроны дерева над его головой выпорхнула стайка маленьких синичек. Перекликаясь тонкими голосами, как бы боясь обнаружить себя, они перепархивали с ветки на ветку, сбивая кухту. Савелий как никогда, именно сейчас, ощутил прилив нежности. Птички были первыми живыми существами, которых он увидел после ночи, длившейся вечность. Он завидовал им, завидовал их совершенству и тому, что они могли без труда преодолевать заснеженные расстояния. Еще некоторое время Савелий лежал на спине, глядя на проснувшихся пичуг, порхающих среди ветвей. «Крррум!»— громко в вышине прокричал пролетающий ворон. «Кррум, крррум!»— и вещая птица, сделав круг, опустилась недалеко на сухую кедрину, вскидывая не то от радости, не то от волнения черные крылья.

— Не-ет!— прохрипел Савелий. Блуждающий взгляд его остановился на темной фигуре могучего зверя. «Лось!» Зверь стоял на противоположном склоне. У него были разметанные, подобно крыльям орла, могучие рога. К радости, Савелий узнал в лосе своего старого зна-

когого — Гаррия. Так он назвал его, когда он был еще совсем маленьким и беспомощным теленком. В памяти человека ожила картина первой встречи с лосем: три-четыре года тому назад, во время лесного пожара, недалеко от избушки, Савелий заметил маленького лосенка, который растерянно метался среди пылающих деревьев, бросаясь из стороны в сторону на своих длинных, еще не окрепших ногах. Поймав обезумевшего от страха лосенка, Савелий увидел на шее его взбухшую широкую полосу ожога. Тогда и назвал его Савелий Гарькой от слова гарь. Привел он пострадавшего лосенка к избушке. Несколько дней кормил его и лечил рану. А когда лосенок поправился, Савелий отвел его в лес. Несколько дней Гарька ходил около избушки, а потом исчез. Позднее, только зимой, Савелий встретился с ним у той же самой гари. Гаррий вырос, стал могучим быком. Рана на шее давно заросла, но след ожога сохранился в виде полосы шерсти, выросшей несколько с другим наклоном ости. Лось и человек не дружили, но Гаррий, вероятно, понимал, что Савелий друг ему. Так и жил лось здесь, у зарастающей гари, все это время, но иногда они встречались и, каждый раз по-хорошему, расходились всяк в свою сторону. Вот и теперь Гаррий стоял гордо и непонимающе смотрел на беспомощно лежащего Савелия.

Встреча с Гаррием воодушевила Савелия. Он встал, сделал несколько шагов в его сторону. Мотнув головой, лось медленно побрел к гари, за которой стояла избушка. Снежная борозда тянулась за уходящим зверем. Савелий несказанно обрадовался, глядя на глубокие вмятины следов. Лучшего и не придумать: по следу можно легко идти, почти как по тропе. Надежда на спасение придала силы, и Савелий, барахтаясь, стал пробираться к следу. Оказывается, тут же была и лосиная лежка — большая, чашевидная ямина. Зверь лежал долго, и края ее слегка обледенели и уплотнились. Кое-где темнели

вмерзшие коричневые волоски. Савелий ощутил густоватый привкус звериного запаха. Откинувшись на спину, он некоторое время собирался с силами и с непонятным наслаждением вдыхал запах жизни. Усталость брала свое, и он вскоре забылся. Легкая слюдяная пыль, сыплющаяся из морозного воздуха, падала на его почерневшее и осунувшееся лицо, набивалась в растрепанную смерзшуюся бороду.

Выбравшись на след, Савелий полз по нему, опираясь на закостенелые кисти рук, и с трудом подтягивал непослушное, отяжелевшее тело. Силы иссякли и, стоило только положить на согнутые локти голову, как он тут же впадал в забытие. И только его разгоряченный мозг от надежды на спасение возвращал к действительности. Тогда Савелий вставал, делал несколько неуверенных шагов, падал, вставал и снова падал.

«Ничего,— думал он,— здесь уже рукой подать. Здесь, считай, дома. И тогда все в порядке...»

Теперь Савелий не обращал внимания на обжигающие порывы утихающей метели. По-прежнему языки ее лизали задубевшее лицо, били в слезящиеся глаза.

Тело постепенно наливалось теплом. Смертельная усталость отступила. Он торопился, вошел в азарт. Теперь его пугало только то, что поземка быстро, словно рваную рану, зализывала лосиный след. Наконец Савелий выбрался на обширную гать в широкой чашевидной долине. Вразброс на холодном, искрящемся снегу чернели обгоревшие причудливые пни и стволы могучих некогда кедров. На краю гари серел густой осинник, перемешанный с березами. Там, за осинником, в распадке у речки пряталась избушка — его спасение.

След лося огибал черные пни и валежины. «Хорошо, что не торопился,— думал Савелий,— тогда было б хуже». Бегущий лось широко разметывает ноги и на метр, а то и больше, ставит копыта. Большими шагами Савелию удавалось попадать след в след. Он шел и часто

падал. Усталость брала свое. Вконец измотанный, он не ощущал ни досады, ни зла, ни боли. На короткое время впадал в забытие и, снова спохватываясь, продолжал бороться со снегом. Он не чувствовал холода. Время от времени до боли тер обледеневшие скулы перекоруженными от мороза рукавицами.

Мутное пятно февральского солнца висело над хребтом. С вершин его тянула леденящая кровь поземка, обжигая и без того почерневшее лицо.

Успеть бы до ночи. С тревогой смотрел он на уходящее за горы солнце. И снова шел, шел и падал.

След лося завел в осинник. Пересек его и направился вниз, к речке, уходя от избушки. И Савелий принимает решение идти по следу, к речке. Иначе не дойти. Глядя на заголубевшие пятна на небе с обрывками облаков, опытный охотник знал — ночь будет морозная. Тогда беда, пропал. Ночь ему не осилить, не пережить. И он идет по следу к речке. «Там как-нибудь по ней вверх. Только бы не сугробами». Барахтаясь, перекатываясь с боку на бок, он пробивается вниз с косогора. Легкий синеватый сумрак уже густеет над далекими пихтачами, чернит распадки. Крепчает мороз. Стоя по пояс в снегу, озираясь, он вдруг слышит приглушенное воркование воды. Он бросается и кубарем вместе со снежным сугробом, брюхато нависшим над речкой, падает в воду с крутого откоса. Встает и почти по колено стоит в ледяной воде. Заваленная обледеневшими камнями и бревнами, засыпанная снегом, речка была не лучшей дорогой. Но сейчас, когда кругом непроходимый снег, это тот единственный путь, которым все-таки легче пробираться. И Савелий на четвереньках переползал через обмерзшие стволы, цепляясь за нависающие ветки берегового кустарника. Ноги одеревенели, утратили чувствительность. Савелий бесконечно падал в ледяную воду, смешанную со снегом. Одежда обмерзала и совсем потяжелела. Теперь Савелий не сознавал своих неудач,

немигающими глазами смотрел вперед и тупо, из последних сил продолжал идти. Только глубоко спрятанное чувство неотвратимой гибели толкало, властно заставляло идти и идти вверх по бурлящей воде.

Закованная в лед одежда не давала идти. «Если упаду, то все — больше нет сил. Это уже конец», — тупо осознавал он. И вот уже в сумерках он увидел перед собой лесину, переброшенную им же через речку. Это означало, что он уже около избушки. Теперь только крутой подъем по тропке, по которой он ходил за водой. Тропку занесло. Подминная снег, он рыл его негнушимися руками, толкал вниз и мало-помалу пробивался вверх. Уже видна крыша, стены. Савелий готов заплакать, но слез нет. Он не чувствует лица. И, наконец, избушка — темная, тихая, Савелий встает, делает, шатаясь, несколько шагов. Рукавицы стучат о доски сенцев, словно каменные когти. С трудом согнувшись, он толкает от себя дверцу, и теплый, горьковатый воздух прокопченных стен ударяет в лицо. Свет померк в глазах, и Савелий навзничь падает, гремя ледовым панцирем по деревянному полу.

Очнулся он в полночь. Вокруг было темно и тихо. Его трясло от холода. Савелий не сразу сообразил, где он. Но когда увидел маленькое оконце, понял, что в избушке, вспомнил речку и последние шаги. Над крышей тихо роптали кедры и сипло свистел ветер в щелеватой крыше. Метель, усиливаясь, по-волчьи голосила над ночными горами, словно искала упущенную жертву и, будто наткнувшись на след его, царапала ветками кедров крышу и глухо постукивала и шарила белой мохнатой лапой по стеклу оконца. Савелий вспомнил про Белую женщину. Может, это она ходит и ищет его. Разбитое и измотанное его тело тонко чувствовало теперь всю боль и усталость. Плохо слушающимися пальцами он шарит на полке у окна, отыскивая спички. Зажигает фитиль коптилки. Стягивает тяжелую верхнюю одежду и, со-

брав под топчаном сухие поленья, укладывает их в железную печурку, подбрасывает бересты и выпускает огонек. Снимает раскисшие пайпаки. Ставит на печурку котелок с остатками чая, забирается под одеяло. И незаметно для себя в ожидании горячего чая погружается в тяжелый сон.

Проснулся Савелий поздно. За оттаявшим окном серебристый ореол света окружал низкое солнце. Воздух был тихий и морозный. Савелий заметил, что в выхоладовавшей избушке щели двери пообмерзли и белели, словно обштопанные вскипевшей изморозью. Весь остаток дня он провел в ней. Пил чай, отлеживался. Прошла еще одна длинная ночь, и только на следующее утро он встал на запасные лыжи и отправился к месту, где лежал убитый им медведь. Весь этот путь, который он чуть ли не ценой жизни одолел за ночь и день, прошел он за каких-нибудь полтора часа. Отыскав ружье и рюкзак, он поднялся к одиночному кедру, где лежал занесенный снегом зверь. Савелий откопал тушу и с трудом перевернул для того, чтобы посмотреть, куда ему угодила пуля. И каково же было удивление его, когда под тушей он обнаружил ускользнувшую тогда лыжу. Только сейчас осенила догадка — это лыжа спасла его от рокового прыжка шатуна. Он вспомнил момент, когда медведь, готовый прыгнуть, вдруг почему-то дернулся: остановило что-то, помешало ему. Теперь нетрудно было представить, как соскользнувшая лыжа ткнулась зверю в живот.

Савелий поднял осиновую лыжу, подбитую камусом, и, оглядывая ее, удивлялся, что эта небольшая случайность помогла ему миновать медвежьих когтей. Удивляло и то, что вместе с этой же случайностью пришли невероятные испытания на грани жизни и смерти. Все, что произошло, вспомнил как страшный сон, в котором жила Белая женщина и такой дорогой ему голосок Васятки. Пристегнув лыжу к ремню пояса, Савелий взял ее как память о серьезном испытании.

Соболиный сезон окончился. И Савелий озадаченно думал, где взять белку Васятке. «Ведь он ждет. Ему подавай живую, с хвостиком. А где взять? Другое дело добыть, но живую...» — думал он. И вдруг вспомнил: на лесном кордоне, в однодневном переходе от его избушки, года два назад у лесника Федьки видел он двух бельчат. И Савелий решил идти к леснику. «Хочешь или не хочешь, дед, а идти надо. Что скажет Васятка, обещал, мол, и вот без белочки», — терзал себя Савелий. И снова смутно он представил пережитую в метельной тайге ночь и болезненный голосок Васятки, так настойчиво будивший его от могильного сна.

Нелегко идти к Федору. Крутые гривы и на склонах лавины, глубокий убродистый снег. А что делать? И Савелий уже на следующее утро, ранними синими сумерками, ушел на кордон. Проходя гарь, он увидел стоящего на ней Гаррия. Лось подпустил близко. Они встали друг против друга. Зверь пристально смотрел на человека, который когда-то спас его. А Савелий с благодарностью на зверя. «Все бывает в жизни, нарочно не придумаешь», — думал Савелий. — За добро получил то же самое». Савелий и Гаррий прошли друг мимо друга. У каждого из них была своя дорога, и дважды они уже пересекались в трудные для них моменты жизни.

Только под вечер Савелий добрался до лесного кордона. Молодой, с пышной пшеничной бородой Федор приветливо встретил Савелия.

— Выручай, Федор, — раздеваясь, сказал Савелий. — Только ты беде моей помочь можешь. — И рассказал он о своей просьбе леснику. Федор наотрез отказался отдать оставшуюся у него одну белку.

— Пойми ты, — убеждал его Савелий, — внуку моему, Васятке. Болеет он. Я же обещал. Ты подумай, с какими глазами явлюсь. Дед называется, которого ждет он уже третий месяц. Скажи сколько, я заплачу.

— Мне деньги не нужны, хотя сам знаешь, шкурка ее не копейки стоит. Ты тоже меня пойми,— не сдавался Федор.— Сам же выкормил! Привык к ней. Скучно без живого в доме одному-то. И вот раз тебе — возьми и отдай.

— Щенка-лайчонка привезу. Или сам в селе будешь, зайди, любого на выбор. У меня их пять, от собаки моей Тайги. Внук же, Васятка, просил!— никак не отступался Савелий.— Без белочки хоть дома не показывайся.— И как Савелий ни убеждал Федора, тот продолжал стоять на своем.

— Погоди-ка!— вдруг посветлел лицом Савелий. Он взял рюкзак и достал плотный мешок, из которого вытряхнул разом на стол кучу собольих шкурок. Разложил их рядком. Не отрывая глаз, замороженно смотрел Федор на смолисто-блестящих соболей. Маслянистый свет играл на их жесткой ости, отчего шкурки выглядели маслянисто-колючими и жесткими, будто не ость блестящая, а иглы ежа.

— Бери любого, только бельчонка отдай,— обратился Савелий.— Вот баргузинский, черный, сам видишь, как из масла вынутый!— И Савелий потрянул его перед лампой. Соболев вспыхнул сине-зелеными искрами и колко засветился в ламповом свете.— Бери, Федор, не жалко, Нездоров Васятка, мой внук. Сам понимаешь, обещал же. Для него белка — радость большая. Выздоровеет скорее,— он умоляюще смотрел на Федора, опустившего глаза.— Ну што, по рукам?— сказал Савелий, протягивая Федору самого темного соболя.

— Ладно, пусть будет по-твоему,— с каким-то отчаянием глянул на него Федор и с досадой хлопнул его по плечу.

— Ну вот и спасибо, Федор! По рукам! Хошь этого, хошь этого, любого,— показывал на меха повеселевший Савелий.

— Нет, Савелий. Соболя мне твоего не надо. Не чест-

но получается. Не гад же я какой-нибудь: за белку — соболя. Забирай бельчонка внуку своему Васятке. Пусть выздоравливает! Только скажи, что от меня подарок. И потому как между нами состоялась купля-продажа, давай выпьем чуток. У меня тут есть маленько медовушки. Выпьем за твою честную душу, Савелий, за твоего Васятку.

Как самое дорогое бережно нес старый охотник за пазухой в маленькой клеточке подаренного бельчонка.

Матрена встретила Савелия у дома. Его первым вопросом было: «Как Васятка?»

— Ничего, выздоровел. Тебя все ждет. Все про какую-то белочку говорит.

В это время на крыльце появился и сам Васятка.

— Васятка! — окликнул его Савелий.

— Деда-а! А белочку принес, с хвостиком такую?!

— А как же не принес? Конечно, принес. На, получи свой подарок.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ОХОТНИКИ

Всю ночь падал тихий сухой снег. К утру вывездило. Рассвет медленно занимался над долиной Черной Убы, темно-синей от пихтовой и кедровой тайги. По краям долины поднимались лесистые отроги Линеянского и Коксинского белков. Их тупые вершины, укрытые ровными снегами, еще более чем летом выглядели однообразными. От них веяло скукой и вечным покоем, суровым и безжизненным дыханием гор, диких и далеких от человеческого жилья. Кое-где на вершинах вставали угластые, черные от загара скалы. Они также угрюмо и дико маячили в морозистом утреннем небе.

Снега выпали ранние. И хотя еще только начался ноябрь, снегу навалило в пояс. Даже на лыжах ходить было тяжело. Без путика по снежной целине пройдет охотник подьем, другой, и ватник под плащевой накид-

кой от пота мокрый. Такие убродистые были снега. Стремительная, непокорная речка Лариха и та утонула, затерялась среди оплывистых сугробов. И только у избушки соболятника Петра речка вырывалась из снежного плена. Она будто жарко дышала теплом и, неярко сверкая под декабрьским солнцем, уходила снова под белые наметы. От дыхания ее седали густо-красные бока калинной ягоды и бело-серебристыми прутами стояли скованные куржаком ветки приречного тальника.

С рассветом в избушке вспыхнуло яркой позолотой крошечное квадратное окошечко. Над трубой поднялся серый горьковатый дым. Растопив печь, Петр и Алексей не спеша собирались идти на осмотр капканов.

Петр был невысоким, с крепкой жилой, как говорят на Алтае. Он уже много лет промышлял соболя и отлично знал свое ремесло. Знал каждый распадок, россыпи, укрытые снегом, пустоты подо льдом у бурлящей воды, старые пни и коряги — это те самые места, где есть соболь, где норка по отдушинам на берег выходит, где горностаи держится. Его напарник Алексей — могучий, тихий, но настойчивый. Приехал он помощником к Петру. В тайге впервые, и все, что наказывал ему Петр, исполнял всегда прилежно, беспрекословно. Словом, к охотничьему делу Алексей относился серьезно, вдумчиво. Алексей был сибиряк, но охоты не знал, хотя и имел интерес к ней. Особенно внимательным он был, когда Петр рассказывал разные хитромудрости. «Ничего, научишься, годы-то твои какие», — доброжелательно, в полушутливой форме заканчивал свои замечания и наставления Петр.

— К Ларям сегодня надо. Капканы после бурана засыпало, — поторапливал Петр, разливая чагырный чай по кружкам.

— Трудновато вверх-то. Снегу вон сколько, — заметил Алексей.

— А ты как думал? Охота, брат, работа тяжелая. Если кто думает, что это забава одна — крепко ошибается. Но не в этом дело, волка, говорят, ноги кормят. Все поймешь, научишься, годы-то какие твои! — И, глянув на собак, добавил: — Ты, Алексей, брось-ка Стрелке и Аргону мяска, Альфе не надо. Ей работать придется!

Услышав свои клички, собаки встали, замахали пушистыми калачами хвостов.

Над вершинами гор розовело небо. Тишиной и глубоким молчанием дышала пестрая от снега тайга. Сразу же от избушки охотники взяли направление к вершине Линеяского хребта, где темнели каменные пирамиды — Лари. Рыжевато-серая западносибирская лайка Альфа, принюхиваясь, бежала впереди охотников. Следом, повизгивая от охотничьего азарта, то и дело сшибаясь в игре, бежали молодые Аргон и Стрелка. Аргон — черный, хорошо сложенный кобель с белой отметкой на лбу и в белых «чулках». Такой же масти с белой грудью была Стрелка. Молодые собаки, испытывая прилив энергии, было пустились в игру — сцепившись, с визгом принялись кататься в снегу. В этот же миг между ними появилась Альфа. Шерсть на ее загривке встала дыбом. Злобно сверкнув белками карих глаз и обнажив передние зубы, она звонко клацнула ими около опешивших Аргона и Стрелки и глухо зарычала. Также со вздыбленным загривком Альфа повернула и пошла следом за хозяином. Аргон и Стрелка последовали за ней.

— Вот так их! Молодец, Альфа! Умница ты моя! — подхвалил ее Петр, наблюдавший маленькую сцену. — Нашли время играть! Черт вас задери! — поругивал он молодых.

Охотники остановились около старой ели. У ее широко раскинувшихся, заиндеветших и присыпанных снегом ветвей было сумрачно. Петр пробрался к комлю, присел и небольшой лопаточкой срезал с капкана снег. Проверил, не прихватило ли сторожок. Капкан не сработал.

Алексей наблюдал, как ловко и умело все это делал Петр.

Тем временем Альфа, взяв чей-то след, утопая в снегу, прямо потянула вверх по склону. За ней ушли и молодые, оставив среди спящих в легком утреннем мраке деревьев глубокий, до краев налитый ранней синевой след.

Петр вытащил капкан, перезарядил и тщательно протер дужки свежей хвоей. Все это проделывал он в рукавицах, которые лежали в рюкзаке вместе с еловым лапником.

— Я, Алексей, так думаю,— наставлял Петр,— нужно стать соболем, на его место, значит. Куда первым долгом сунется? Сюда, конечно,— показал он под комель, где темнел капкан.— Тут-то ему и подарочек. Ничего, научишься, годы-то твои какие! Соболь — зверь осторожный,— продолжал Петр,— что-нибудь не так, заподозрил, поминай как звали. Непонятный весь: ко всему осторожный, подозрительный, а от любопытства глупым становится. Вот и угадай, где как капкан на него настораживать. Соображать приходится. Поэтому каждому охотнику своего рода школа нужна. Не поверишь, Алексей,— закончив дело, повернулся Петр,— на окурки ловил. Было и так: подпалю припасенный с лета сурчинный хвостик. Поймает зверек непонятный запах, глядишь, и попался. Ничего, научишься...

В это время за лесистым сугробом, где раскинулась обширная гарь, раздался лай.

— Альфа чего-то там. Сохатый, может, встретился! Ты,— наказал он Алексею,— собери пока рюкзак, а я туда. Зря лаять она не станет. Не такая, чтобы зря...

Петр заскользил вверх на склон, где лаяла Альфа, и вскоре скрылся за пихтами. Собаки лаяли уже в три голоса. Пригибаясь под навесами ветвей, сшибая с них кухту, Петр ускорил шаг. Лайки кого-то брали приступом, и лай срывался на визг. Петр заметил, что собаки

приближались. «Альфа на меня зверя гонит», — понял Петр. Он остановился и зарядил свою одностволку пулей. Пересек густой пихтовник и вскоре вышел на бугор. Свет солнца, отраженный от снега, до боли слепил глаза. Обгоревшие коряги и пни вразброс стояли среди белой пустоши. Резкие голубоватые тени стелились у их основания. За гарью снова стеной темнел пихтач. Там и лаяли собаки, где-то в провале гор.

Петр взял наперевес ружье, подошел к обгоревшему стволу, черной колонной заслоняющий солнце. «Отсюда не заметит», — решил он, думая о звере. В это же время на краю гари из-за обгоревшей лесины, раскидывая фонтанами снег, выкатился огромный черный медведь, голова которого была с рыжеватыми подпалинами. Он вскидывал передние лапы, будто взлетал, и тут же глубоко проваливался в снегу и снова взлетал. Следом с визгом, утопая по горло, бежали собаки. Им удавалось хватать убегающего зверя за ляжки, и тот с глухим рычанием откидывался назад, стараясь лапой достать своих преследователей. Петр отметил, что медведь резвый, с поразительной скоростью туша его, похожая на громадную мохнатую и черную копну, легко бросалась назад. Собаки с визгом каким-то чудом успевали отскакивать и снова ловили момент, чтобы ухватиться за медвежий зад. Отступающий зверь выбирал момент, чтобы молниеносным ударом могучих лап свалить подвернувшуюся собаку. Но это ему никак не удавалось, и тогда утробный звериный рык, в котором слышались зло и досада, расплзался над гарью. Не по себе стало Петру. Он плотнее приник к стволу и, приготовившись, вскинул ружье. Охотник надеялся, что зверь пробежит мимо. Но вдруг одна мысль обожгла его: а что если берлога где-то здесь, у лесины, где он стоит. Он видел, как медведь бежит прямо к нему, отбиваясь от нападающих собак.

Но охотник оставался совершенно спокоен. Он был уверен в том, что на близком расстоянии наповал уло-

жит зверя. Бросаясь на ненавистных собак, медведь не замечал затаившегося охотника. Петр видел, что Альфа, настигнув зверя, каждый раз повисала: либо вцепившись в холку, либо в мохнатые «шаровары». Пытаясь помочь Альфе, подскакивал Аргон, и тоже хотел ухватить медведя. Поэтому ярость зверя каждый раз была направлена на него, а Альфа успевала первой вовремя отскочить. Затем медведь набрасывался на Стрелку, которая тут же крутилась. Испугавшись, Стрелка с громким визгом бежала прочь и, не переставая взлаивать, снова вместе со всеми переходила в атаку. Медведь, расплескивая снег огромными лапами, уже приближался к обгоревшей лесине, за которой таился Петр. Охотник выцеливал в прорезь мушки палевую морду разгоряченного зверя, который рычал, ухал и фыркал, загребая лапами воздух и мотая головой. Оказавшись в трех-четырех прыжках от Петра, он внезапно встал на задние лапы, вздыбив шерсть на мохнатых лопатках. Собаки тотчас отскочили.

Заметил! Надо стрелять. Петр прищурил глаз и «уперся» стволом в его широкий коричнево-соломенный лоб, выцеливая промежуток среди глаз. Расставив поборцовски лапы и еще сильнее ошетинившись, медведь на какое-то время остановился, словно решая, что ему делать. Петр заметил, как светлыми ручейками во все стороны от него растекался парной воздух, создавая светящийся в лучах солнца ореол. Петр плавно нажал на спуск. Но вместо выстрела раздался легкий щелчок и с шипением из ствола около ног упала пуля. В тот же момент, слегка присев, с грудным хриплым рыком медведь бросился на него. Петр, инстинктивно защищаясь, поднял приклад, чтобы стукнуть им по звериной морде. Но тут же от страшного удара сам отлетел куда-то в сторону, с головой утонул в снегу и почувствовал, как огромная туша еще глубже вдавила его. Ошеломленный Петр попытался вздохнуть, но это ему никак не удава-

лось. Снег забил глаза и рот. Петр сжался в комок. Он слышал тяжелое дыхание зверя над собой и еще как где-то там, наверху, лают и хрипят, задыхаясь от злости, собаки. Не желая отпускать охотника, медведь делал короткие сильные броски на атакующих собак. Петр все глубже уходил под снег и в то время, когда медведь, толкнувшись, наскакивал на собак, набирал в легкие воздух. Петр было открыл глаза: черная мохнатая звериная грудь закрыла небо. Сиплое, срывающееся дыхание его сопровождалось рыком и хрипением. Поверженный охотник с отвращением вдыхал удушливый смрад звериного дыхания и вонь взмокшей шерсти.

«Все, пропал!»— успел подумать он, и снова тяжелая свинцовая туша оказалась на нем. И вот, когда медведь в очередной раз бросился на собак, Петр, вспомнив про нож, потянулся к поясу. Но медведь заметил его движение и в тот же момент на грудь опустил могучие, с железными когтями, лапы.

Нож, только нож! Не открывая глаз, Петр медленно тянется к поясу. Но отбивающийся от собак зверь снова успевает заметить движения своей жертвы. И неожиданно зло его обрушивается на человека. С сухим рыком, задыхаясь от ярости, он хватает его зубами за бедро и вытаскивает из снега, бьет лапами и бросает в сторону. В это же время на медведе повисла Альфа. Вместо того, чтобы закончить охотника, медведь вынужден броситься за Альфой, которая мотается на нем сзади, вцепившись мертвой хваткой. А перед медведем с визгом и плачем крутятся взъерошенные Аргон и Стрелка. Петр успевает заметить, что из пихтача на гарь вышел Алексей.

— Стреляй!— кричит он не своим голосом, но медведь снова, подмяв под себя Петра, становится на него передними лапами. Удушье сдавило грудь, перед глазами черное мохнатое небо. И снова Петр, как сквозь сон,

слышит визг и лай собак и толчки набрасывающегося медведя, которые больно отдаются в груди.

Петр делает несколько вдохов. Он чувствует только удушье, да, словно тупые вилы, втыкаются в грудь и бока медвежьих когти.

Зверя по-прежнему с остервенением хватают с разных сторон собаки, не давая расправиться с хозяином.

Алексей, увидев разыгравшуюся драму, бросает рюкзак, подняв над головой топор, медленно идет на медведя, на котором то повисает, то волчком крутится озверевшая Альфа. Увидев идущего человека, полного решимости, зверь словно понял, что он опасен. Глухо рыча, он грозит ему, показывая клыки, но Алексей неотвратно приближается. Медведь не хочет так просто выпускать из-под лап поверженного охотника. Пять, четыре, три шага разделяют зверя и человека, поднявшего топор. И зверь не выдерживает. Он сильно отталкивается от Петра лапами и большими скачками уходит в сторону пихтача. На нем, не давая уйти, сразу же повисает Альфа.

Петр сел и пополз к лесине. Он увидел осаждаемого Альфой убегающего медведя. А за ним с топором, не опуская рук, бежал Алексей. Он пытался догнать зверя, на котором буквально повисла разъяренная лайка. Расстояние между человеком и зверем то сокращалось, то снова увеличивалось.

— Алексей! — из последних сил крикнул Петр. Алексей словно очнулся от крика, остановился. Опустил топор и растерянно смотрел то на медведя, то на Петра. Медведь бежал, взрывая снег, и был уже около пихтовника. Утомившись, он не так резко бросался на преследующую его Альфу. Она тоже изрядно вымоталась.

— Где же остальные? — прохрипел Петр, когда Алексей с каменным лицом подошел к нему. Оглянувшись, Алексей пожал плечами. Внезапная злость завладела

Петром. Он понял, что молодые собаки в последний момент сбежали. Испугались. Это самое страшное.

— Перестреляю сволочей!— сказал он и попытался встать. Но, скрипя зубами, страдальчески скривил лицо, осел и стал в снегу шарить ружье. Нестерпимая шемящая боль в бедре замутила сознание. Он видел где-то высоко над собой белеющее лицо Алексея.

— Жив? Чего не стрелял-то?— растерянно спросил он.

— Патрон гнилой...— откинувшись головой к лесине, хрипло сказал Петр.— С позапрошлого года валялся. Сам виноват.

Алексей встал и молча подошел к месту, где лежал прижатый медведем Петр. Снег был перемешан. Из него выглядывал сломанный приклад ружья. Он поднял его и показал. Петр понимающе, молча покачал головой.

Подошла взмокшая Альфа. С ее вываленного языка стекала слюна. Она нежно лизнула хозяина в щеку и, спрятав язык, затаив рвущееся дыхание, внимательно осмотрела его и легла рядом. Петр протянул руку, потрепал ее по загривку. Пальцы скользнули по кровянистой сосульке. Под лопаткой Альфы кровоточила рана. «Хватанул, гад,— отметил про себя Петр.— Умница,— думал он и гладил трясущимися от напряжения руками ее мокрую спину и шею.— Спасибо, Альфа!» И обратился к Алексею:

— Где же те? Они ведь сами на меня нагнали. Где-то здесь у него берлога.— И, скрипя зубами от боли, зло сказал:— Какие это собаки, хозяина бросили...

На краю гари в это время появились Аргон и Стрелка. Слово поняв свою вину, они остановились, сели, не решаясь идти. Они слушали, что говорят люди, опустив головы, косо и настороженно поглядывали на хозяина. Петр процедил:

— Дай ружье, перестреляю!

— Отстреляло твоё ружьё. Поди и сам-то отстрелялся? Что делать-то будем?— вопросительно смотрел Алексей на сидящего в снегу Петра.— Где он тебя? Ребра целые?

— Ногу, наверное, поломал. Вот здесь,— Петр показал на бедро.— Огнем горит. Не даёт шевельнуть. Мясо точно отодрал от костей. Раздуло, ступить не могу. Делать надо лыжницу. К избушке как-нибудь добираться будем. Наверное, вертолёт придется вызывать. Самому мне не выбраться. Боль несносная.

Алексей быстро вырубил палки. Достал из рюкзака веревки, привязал к лыжам. Набросал на лыжницу лапника, бросил рюкзак. Осторожно помог перекатиться на самодельное сооружение Петру. От боли охотник морщился. Резкая тошнота свела скулы...

— Ничего, Петро, крепись. Все хорошо будет,— приговаривал Алексей, помогая поудобнее прилечь раненому. Затем взял за веревку и, как сани, потянул назад, к избушке. Лыжница тонула, оставляя глубокую борозду. Перед лежащим головой на рюкзаке Петром вскипал снежный вал. Ему приходилось защищать лицо руками. Следом за лыжницей с опущенным от усталости хвостом плелась взмокшая Альфа. Пугливо принюхиваясь, опустив головы, виновато поглядывая, молодые собаки тянулись позади повозки. Как только Алексей останавливался, Аргон и Стрелка тотчас садились и, похоже, чувствуя вину свою, подойти ближе боялись.

— Ты посмотри. Понимают, наверно, а, Петр?— вытирая шапкой вспотевший лоб, кивнул головой Алексей.— Точно, понимают,— поглядев на них, добавил он.— В глаза стыдятся смотреть. Ты бы уж простил их, молодые все-таки. Все для них впервые. Сам знаешь, у молодости часто нахальства больше, чем отваги. Вот чуток и сдрейфили. А главное — понимают. Ей-богу, понимают, Петр? В целом-то они молодцы. Альфе помогали. Ей одной, если бы не они, пожалуй, не вымотать такого вер-

зилу. Они только в последний момент отскочили. Может, твой крик так их испугал.

Морщась от боли, помогая себе руками, Петр приподнялся. Теперь Аргон и Стрелка растерянно смотрели по сторонам, словно и не хотели, и не думали ближе подходить, и все, что сейчас происходило, их вовсе не касается.

— Стыдно, проклятые! А ну-ка, ко мне! Подлое отродье!

Собаки подняли разом головы и наострили уши, но не пошевелились. Они слушали, каким голосом говорил с ними хозяин.

— Ко мне, говорю вам!

Собаки робко и виновато забили хвостами, переступая от нетерпения с лапы на лапу и прячась друг за друга. Тонкое грудное повизгивание, в котором звучали нотки крайней досады, донеслись до Петра.

— Понимают они, что так провинились. Ко мне, Аргон, Стрелка!— бодрее крикнул Петр. Услышав свои клички, в тот же миг собаки подбежали. Прижав уши, они кольцами заходили вокруг Петра, ложились на спину, поднимая кверху лапы, выражая тем самым полную покорность. Петр хлопал их по плоским лбам, трепал ласково за загривки.

— Черт с вами, дурье проклятое. Так уж и быть. За молодость да неопытность скидываю грех ваш собачий,— приговаривал охотник, поглаживая собак.— Если бы не Альфа,— Петр повернулся к Алексею,— крышка бы мне сегодня. Но, смотрите у меня,— погрозил он кулаком.— Охотнички!— и добавил:— Поехали, Алексей, торопиться надо. Сегодня тебе, видно, к геологам придется идти.

В полдень они были у избушки. Петр с помощью Алексея добрался до топчана.

— Отдыхай, я быстро до геологов. Часа за два как-нибудь доберусь. Все будет хорошо,— сказал Алексей

и, улыбаясь, добавил словами своего наставника:— Какие годы-то твои!

— По-моему, у нас там энзэ есть? Налей по стопарьку да запусти собак, язви их. Не они, черти, все было б хорошо. Это они нагнали.

— Не следовало бы, Петро, Вертолет скорее надо. Неизвестно, что там у тебя с ногами. Можя, переломы есть?

— Нет такого ничего. Альфа не давала ему заняться мной. Чувствую, мясо от бедра отодрал. Опухло все, огнем горит. Но ты, Алексей, слушай че говорю. Налей спиртику. Оно и мне полегче станет. Нервы, больно, до сих пор напряжены. Никак оттаять не могу.

Алексей нырнул под нары, извлек баклажку, заматанную в мешковину. Наспех сполоснул чайные стаканы. Налил себе и Петру на палец от дна.

— Не жмись, Алексей, давай на два, чтобы все хорошо кончилось.— Петр сел облокотившись.— Итак, братцы,— вдруг бодро начал он,— будем считать, посвящение в охотники в нашем коллективе состоялось. Теперь все узнали, что такое охота. Слово-то какое — охота!— Хорошо, как говорится. А все правда. Хоть и трудное дело, но ни на какую другую профессию не стал бы менять. Люблю с детства и страсть как!.. Ты молодец, Алексей, ты станешь настоящим охотником!.. Спасибо, Алеша!— Петр залпом выпил разведенный спирт, обтер рукавом рот и погладил Аргона и Стрелку. Потом позвал Альфу и крепко обнял ее за шею.— Покорми ее, поди проголодалась уже. А уж потом к геологам.

И У ЗВЕРЕЙ БЫВАЕТ ВЗГЛЯД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Подстегивая жидким прутом и поддавая под паху пятками, Викентий гнал свою «ветхую» лошаденку по зарастающей лесной дороге. От утренней росы ноги ее взмокли и стали еще тоньше, чем были. Викентий сидел

без седла и при каждом взлете над лошадиной спиной страдальчески морщил рыженькое болезненно осунувшееся, заросшее реденькой щетиной лицо.

От пасеки, где обосновался Викентий, до села Лосиха, куда он торопился, было немногим более пяти верст. Но дорога ему в этот раз показалась долгой, и все потому, что впопыхах он вскочил на свою Елочку без седла и теперь ее худобу чувствовал под собой.

Викентий торопился в Лосиху, к известному среди сельчан медвежатнику Егору. Стар был Егор, но лучше молодых да ретивых охотников брал медведя. Дом Егора стоял на самом краю села. Его окружал палисадник с застаревшими березами и молодыми лиственничками. Викентий с ходу соскочил с лошади, накинув уздечку на столб у забора и прихрамывая от неудобной езды, без стука вошел в избу.

— Егор, выручай!— начал он с порога.

— Че там у тебя случилось?— нахмутив густые поседевшие брови, сказал Егор.

— Че, че!— взволнованно и торопливо выпалил Викентий.— Медведь, гадюка, раззбрл! Вконец раззбрл, Егорушка! За три раза девять ульев как не бывало. Ведь не столько ест, сколь курочит.

— Садись,— показал на скамейку Егор.— Расскажи все толком, что к чему? Сам-та видал грабителя свово?

— А то как, видал, конечно, вот те крест, видал... Не медведь, а сатана сама. Неделю тому выхожу по вечеру на крыльцо. Не помню вышел-то чего, память отшибло потом. Вижу, кто-то ходить меж ульев. Кто же, думаю, шарится под ночь. Ну, думаю, что оно человек там. Да и кричу: «Эй! Кто тама! А ну-ка!..»— А он обертается ко мне. Глянул я и обмер, когда медведя узнал. Сатана мохнатая да и только. Ешо и по-людски ходить научился. Я, конечно, в дом. Без крику и разговоров ружьишко со стены... Стрельбу, конечно, открыл в сениях. Старуху

до смерти испужал. Убег вроде бы зверюга, а утром еще четыре искореженных улья валяются.

Возбужденный от негодования Викентий без умолку тараторил, сбивчиво рассказывая о беде своей, то и дело, по свойственной ему привычке, снимал и надевал серую кепчонку с захватанными краями, насквозь пропахшую пасечным дымом.

— И вот снова ввечеру, вчера, значит, пришел опять, и опять история такая же. Трех ульев как не было. Зараза! Я из избы, а он эдак скособенившись курочит. Собаку тогда я с привязи. Так оно и пес с поджатым хвостом меж ног и в избу. Кричу тогда старухе. Мол, медведь того... улья-то грабить. Ружье где? Сам до того патроны жаканами зарядил. Оно, понятно, раз уж дело такое пошло. Старуха ружья не дает, съест, говорит, такого охотника. Медведь, мол, не теленок. И следя у него вон какия! Пока мы то да се, а он уж за другой взялся. Как человек стоит. И как будто я это не ему вовсе кричу. Косяком эдак только взглянет и опять за свое. Оторопел тогда вовсе я. Старуха окаменела — ни жива ни мертва. Так ведь медведь ростом-то с меня. Прицелил тогда, дай, думаю, будь что будет. А в последний момент решил, а вдруг как не убью, а раню. Сожрет и не убежишь ведь. А бежать-то куда, в избу только. А черт знает его. Двери раскурочит. Пропали мы тогда со старухой. Оно как никак, а жить-то охота. Сам понимаешь. Оно и, видишь, хозяйством обзавелись. Ну, пальнул вверх, а сам в избу. Слышу, рявкнул только. Да помаленьку, нехотя, не испужавшись сильно, пошел в лес. Вот и сказ мой, а девять ульев порешил у меня, как и не было их.

— Ну что ж, Викентий, ты не так уж и скучно живешь. Весело даже, — посмеиваясь, говорил Егор. — А я знаешь, честно скажу, часто думаю, как вы там со своей Настенкой, скучно ведь? Оно вон, оказывается, как.

— Ты не смейся, Егор,— остановив сердитый взгляд, с досадой выпалил Викентий.— Оно не до смеха, ни к месту это. За помощью к тебе, а ты?

— Ладно, ладно,— покровительственным тоном успокоил Викентия Егор.— Поезжай себе. Карауль, чтобы остальные не раскурочил. Они, медведи же, знаешь, какие... Я скоро,— пообещал он.

На пасеке Егор осмотрел место, где недавно хозяйничал медведь. По тропинке прошел к ручью, куда уходил грабитель. Нашел на сырой земле четкий отпечаток следа.

— Молодой твой пасечник, потому и нахальный,— сделал вывод Егор, осмотрев след.— Года два. Глупый еще. Такого просто взять,— сказал он Викентию, который с ружьем бродил следом, не переставая жаловаться и рассказывать о страхе, который пережили они с Настей.— Петли попробую. Пару лесин на потаск надо рубить.

Викентий наблюдал, как, широко размахивая топором, Егор подрубал пихту. Густой смолистый дух растекался в теплом сыром воздухе. Капли смолы светлыми слезинками выступали на темной сырой коре. Разрубив упавший ствол пополам на два сутунка, Егор забил в них железные скобы. Привязал к ним гибкие стальные тросики. Еще некоторое время он ходил около речки, что-то присматривал, прикидывал. Петли насторожил на тропе у речки на подходе.

— Ну вот,— обратился он к Викентию, закончив работу.— Придет если твой шалопутный медведь, считай, возьмем. Сутунки видел какие? С такими далеко не уйдешь!

— А с чего, Егор, ты взял, что шалопут он?

— Говорю же — прошлогодний, неопытный еще, вот и шалит!— пояснил Егор.

— Ну, спасибо, Егорушка. Отделаться бы от черта

этого. Пошли в избу чего-нибудь того,— ткнул он пальцем под горло.— Побалуемся.

— Ладно, потом, когда поймаем. Ты мне скажи лучше, чего это у тебя лошаденка такая заморенная. Большая, что ли?

— Нет, вроде бы здоровая, кобыла как кобыла,— посмотрел на Елочку Викентий так, словно видел ее впервые.

— Ну а чего ж худая-то такая, смотреть жалко.

— Ну как сказать,— пряча глаза, но преданно и ласково заговорил Викентий,— в лес пуцать боюсь. Сам видишь, медведь задерет. Оттого и на привязи держу много. Травы, как сам видишь, море, а другой раз забудешь подбросить. Дела всякие. Пчелы, Егорушка, тоже ухода требуют. Случается, забываю, наверное, и схудала малость.

— Пчел-то не забываешь, хотя они сами прокорм для себя находят. А лошаденку совсем заморил,— недовольно в упор глядел на Викентия Егор.

— Так ведь Егорушка, пчелы — дело, сам знаешь, доходное. А с лошаденки, че с нее возьмешь, прок небольшой. Тут уж выбирать не приходится.

Егор повернул на тропу.

— Ладно, пошел домой я. Завтра утром буду. Если чего, то сразу ко мне сам.

Утром, едва отошло светом небо, Викентий услышал протяжный глухой рев. Он выскочил в сени. За пасекой трещали кусты. Осмелев, он вышел на крыльцо. Зверь глухо ревел и бросался из стороны в сторону, пытаясь освободиться из удушающей петли. Рев сменялся храпом и фырканием, и снова трещали и волновались заросли кустарников. Викентий взял ружье и, судорожно сжимая его, стоял на крыльце и вслушивался в шум и треск, который постепенно перемещался вверх по склону в сторону пихтачей. Дальше идти он не решился и, вытягивая шею, пытался проследить, куда уходит медведь.

— Уйдет!

Не оставляя ружья, он сел на Елочку и, что есть силы, погнался к Лосихе. Соскочив у ворот избы, он дробно застучал острыми казанками пальцев в окно.

— Егорушка, скорей, попался, попался зверюга! Давай поторапливайся, не то уйдет. Там такой треск стоит, похоже, очень большой. Ревет, как бык. Давай скорее!— горячо говорил, срываясь на крик, Викентий.

Егор ждал этого момента. У него все было приготовлено. Надев куртку, он перепоясался патронташем. Сдернул со стены двустволку.

Солнце только-только выглянуло из-за лесистых гор, когда среди стволов просыпающегося леса показалась пасака.

— Немного подождем,— сказал Егор. Зашли в избу. Спертый, пропахший медом, прополисом и воском воздух ударил в нос.

— Настя!— позвал Викентий.— Гости.— Не услышав ответа, добавил:— Корову ушла, поди, доить?

— Да здесь я. Ни жива ни мертва сижу,— откликнулась она, спускаясь с печи. В руках у нее был ухват.— Ружье-то зачем с собой уволок? Шутка ли, бабу одну с озлобленным медведем оставил. Так истошно орал медведь ваш окаянный,— косо взглянув на Егора, сердито ворчала она, поправляя платье. Ухват поставила у печки.

Широко улыбаясь, Егор спросил:

— Во как она у тебя — с рогатиной приготовилась встречать. Неужто отбивалась бы, Настенька?

— А то б ждала, когда вы появитесь! Дождешься. А с таким мужиком, как мой, только на себя и надежда. Этот, черт рыжий, убежал! Убег и все! А тут хоть пропади!

Не переставая ворчать на Викентия и вообще на «мужицкое отродье», Настя стала собирать на стол.

— Чайку попейте. Или молочка, Егор? Оно тады и веселей будет.

Мужики сидели за столом, а Настя, повязавшись новым платком, взволнованно рассказывала, как медведь здорово кричал.

— Поди уж задавился где. И страшно, и жалко. Трудно ему. Сейчас молчит чей-то. Или задавился, или убег?

— Неужто убег?— встревожился Викентий.

— Если убег, то боле не придет. Это хорошо известно мне,— дую в чашку с чаем, отозвался Егор.— Это точно. Так уж было. Школа шалопуту что надо. Стороной человеческое жильё всю жизнь обходить будет.

Настя слезила в погреб, достала запотевшую кринку с молоком.

— Пей, Егор, вечернее. Молочко у нас хорошее,— угощала она.

— Вижу, хорошее, и корова справная. А почему, Настенька, лошаденка у вас заморенная? Жалость одна.

Викентий крякнул и заерзал на скамейке, мельком взглянув на Егора и Настю, разливавшую по стаканам молоко.

— Говорить стыдно, Егор, но ведь это он,— показала жена,— хозяин этот, довел ее. Сколько уж говорила ему. Сам заморыш и лошадь заморил. Безжалостный какой-то, черт!

— Ну что, хозяин, теперь пошли за твоим шалопутом,— обратился Егор к Викентию, встав из-за стола и поблагодарив хозяйку.— Солнце высоко, роса подсохла. Самый раз.— Он достал из патронташа патроны с пулями и клацнул переломленной двустволкой.— На и тебе пару. Один на всякий случай в руке или кармане держи наготове,— он сунул тяжелые патроны Викентию. Викентий тоже зарядил одностволку и тревожно заморгал белесыми ресницами. Дернул кадыком и, вытянув шею, взял наперевес ружье и вышел за Егором.

— Иди следом. Да смотри с перепугу в спину мне не

всади или около уха не пальни,— наставлял Егор идущего позади Викентия.

Вышли на тропку, уходящую к шумящей в пихтаче речке. Справа измятая трава и кусты указывали, где метался и куда с потаском уходил медведь. Егор остановился, внимательно осмотрел траву и кусты. Медленно, без лишнего шума они пошли по медвежьему следу. Миновали пихтач и вышли на маленькую кустарниковую опушку.

Широкий след в траве от медвежьего потаска врезался в кусты, и ветки их были сломаны и ободраны. Кое-где чернели вывернутые комки земли с подвядшей на них травой. Тут же белели пихтовые дранощепины.

— Здесь он и бузовал: бревно разносил. Цепляется же,— тихо, словно сам для себя, говорил Егор.

Викентий со страхом слушал Егора, и в то же время беспрестанно крутил головой, озираясь и крепко сжимая ружье.

— Где искать-то будем?

— Не знаю пока. Пожалуй, залег где-нибудь в кустах,— неслышно ответил Егор и перезарядил стволы, сменив пулю на дробь, вскинул ружье и выстрелил вверх. В тот же момент выше по склону раздался тянувший капризный рев.

— Вон, у той кривой березы засел,— дернул Егора за рукав Викентий и вытер со лба пот.— Обойдем, тропка есть.

Они вернулись, вышли на тропу и, озираясь, стали тихо подниматься в сторону кривой березы. Ее надломившийся от старости ствол, обросший крупными копытообразными трутовиками, буграми чаги, был далеко заметным среди кустарника и пихтовой поросли. Густые заросли карагайника прятали тропу. Охотникам все время приходилось отводить ветки от глаз и, соблюдая тишину, осторожно отпускать их, чтобы не хлестали.

Вскоре наткнулись на примятые кусты и траву. И снова вокруг белели крупные, вырванные когтями пихтовые дранощепины. Егор понял, что медведь не устал, бесится. И особенно опасен сейчас. Они миновали березу. Остановились, чтобы прослушать местность. Вдруг в стороне от березы, там, где стоял мелкий осинник, макушки его задергались, задрожали. Хорошо была слышна возня и сопенье зверя. Глухой рык негодования прокатился над зарослями.

— Услышал нас и сейчас поперет,— прошептал, не оглядываясь, Егор.

Он медленно раздвигал ветки и так же аккуратно придерживал их, чтобы не шелкнули по одежде, сторожко продвигался вперед. Снова и снова басовито рычал медведь. Слышно, как дрожали и ломались молодые осинки. Зверь уходил вверх по склону чуть в сторону речки. Егор взял наперерез. Викентий чуть поотстал, но старался не терять из виду широкой спины Егора.

Медведь вдруг замолчал. Стало непривычно тихо и еще страшнее. Теперь трудно было угадать, где он. Может, затаился и ждет, чтобы напасть на них. Егор тоже остановился.

— Залег где-то. Теперь начеку надо быть. Маленько переждем. Дыхание пусть установится.

Егор вспомнил, как однажды, также с петлей и потаском, медведь затаился у тропки, и только благодаря бревну, которое крепко застряло между стволов, прыгнувший зверь в нескольких сантиметрах был остановлен железным тросиком, затянувшимся на шее.

— Можя, он уже из кустов вылез. Там, дальше, опять пихтовник сырой. Ему там бревно не помеха,— горячо шептал Викентий.

Егор согласился. Они вернулись, вышли из густых зарослей и оказались в пихтовнике. Вскоре же увидели валяющиеся на сыром мху щепки. Зверь, видимо, не переставал драть когтями ненавистную лесину, которая

удерживала, не давала быстро и легко уйти. Следы уводили в сторону речки. Шум воды с каждой минутой нарастал. Это волновало охотников. Пришлось удвоить бдительность. Егор взял наперевес ружье и широкими шагами пошел по следу. Время от времени он останавливался, осматривался и вслушивался. Но, кроме шумящей речки,—ничего. Егор рукавом телогрейки смахнул выступивший на лбу пот. Вывернутые шматки мха и редкая примятая осочка указывали, что медведь шел прямо к речке. След подвел к берегу и потерялся. Егор перешел на другую сторону речки, осмотрел противоположный берег, следа не обнаружил: ни одного сломанного стебелька, ни примятой травы. Казалось, понимающе кивали соцветиями высокие акониты и живокость, чьих стеблей доставало стремительное течение. Целы и невредимы стояли головастые шары кустов дягиля. Медведь со своим бревном словно упорхнул куда-то.

— Неужто вверх, по воде? Вот тебе и шалопут,—поглядывая на берега, недоумевал Егор. Такого еще не было. Егор еще раз вернулся на след и внимательно осмотрел. Потом забрел в речку и прошел вверх, осторожно ступая на скользкие камни.

Чуть поотстав, Викентий шел по берегу. Шум воды заглушал голоса птиц. Оставалось надеяться только на зрение. Прошли метров тридцать. Шум усилился. Они увидели небольшой водопад, перебрасывающийся через полузатопленное бревно. Еще выше, метрах в десяти, вода белым гнутым снопом падала с огромной темной скалы. Вода срывалась в каменистую чашу, в которой вскипала и бурлила, как в котле, создавая гром и шум. Тянуло сыростью и холодком, будто где-то рядом лежал снежник. Во все стороны от водопада летели, сверкая, брызги. На камнях светился изумрудной зеленью обмытый горной водой мох и сырые обомшелые стволы. Егор вышел на берег.

— Ушел, похоже!—с досадой сказал он Викентию.

— Можя, туды вниз ушел,— показал приободренный Викентий по речке,— освободившись от чувства близкой опасности.

— Кто знает, может, и так,— согласился Егор, оглядывая берега.— Но все равно с потаском далеко не уйдет. Отдохнем и пойдем искать.

С этими словами он присел на облезлый бескорый комель колодины, стянул кепку и повесил на торчащий сук. Поставив ружье, рядом с Егором присел и Викентий. Расстегнул ворот куртки и стал выбрасывать набившийся за шиворот мусор. Закурили.

— Вот же зверина хитрая!— ругнулся Викентий.— А можя, бросим, ну его к чертям. Если не придет, как говоришь, к пасеке, то и пусть подыхает где-нибудь. А можя, затаился где, беды еще с ним не оберешься.

— Нет, бросать его нельзя. В петле зверь все равно пропадет и мучиться долго будет. Добыть надо, так человечнее.— Докурив, Егор присел на корточки и, зачерпнув в ладони воду, сполоснул лицо. Несколько раз из пригоршни хлебнул ледяной воды. Обтер рукавом скатанную, серую от забивающей седины бороду и повернулся к водопаду. Некоторое время задумчиво оглядывал падающую бурлящую воду, зеленые замшелые камни, глубоко вдыхая холодный влажный воздух. И вдруг — Егор глазам не поверил — за выгнутым потоком срывающейся со скалы воды темнело расплывшееся очертание медведя. Так ли? Озадаченный и взволнованный, он вглядывался сквозь падающие струи воды, пока не убедился, что там действительно медведь стоит. Он взял ружье и осторожно подошел. За водопадом, прижавшись спиной к основанию скалы, стоял медведь на задних лапах. Передними, как дорогой подарок, прижав к груди, держал полуобгрызенный и изодранный с обеих сторон сутунок от потаска. Егор сделал несколько шагов в сторону. Медведь не шелохнулся. Он стоял как солдат в карауле. Было видно, как он скопился, обнажив белки

глаз. Егор заметил на намокшей шерсти петлю тросика, уже соскользнувшую и расслабленно висевшую ниже его колен.

— Иди-ка сюда,— Егор поманил пальцем Викентия.— Видишь?— показал он на водопад.

— Чиво там видеть-то?

— Разоритель твой душ принимает, шубу в меду испачкал, вот и отмывается,— ухмыляясь, показывал Егор на медведя.

— Ты чиво так шутишь, Егор?— вытянув кадыкастую худую шею, вглядывался в водопад Викентий...— О-о!— вдруг воскликнул он нараспев, присев от неожиданности.— Где ружье!— И кинулся за ружьем.— Стреляй, Егор! Не то сам нападет. Зарвет зараза! Стреляй!— И схватив ружье, он встал за спину Егора и стал целиться. Руки от волнения тряслись, и мушка то и дело пропадала из виду.

— Убери-и, дура!— отстранил ружье Егор.

— Так нападет же или уйдет! Чего сам-то не стреляешь,— перешел почти на визг Викентий. Он шагнул вперед из-за Егора и снова стал искать мушку, приложившись к прикладу.

— Убери!— крикнул на него Егор.— Не видишь, что ли, глаз его? Как у человека. Как можно такого стрелять?— Он глянул укоризненно и властно на оторопевшего пасечника.— Потом будет всю жизнь сниться. Он еще молодой шибко. Не видишь, че ли?— Егор снова с упреком посмотрел на Викентия.— Эх, Викентий, Викентий! Оба мы с тобой старые. А вот, сдается мне, мало чему такому человеческому научила жизнь тебя. Вроде бы жить научился, все у тебя есть. Сознания у тебя,— он постучал пальцем по виску,— вот беда-то в чем. Жестокый ты... И отчего такой. Такой вроде бы безобидный, а жестокий. Неужели ты ни разу не видел, что иногда и у зверей бывает взгляд человеческий. Такой взгляд понять может лишь человек. Человек, понял?— грозно уже ска-

зал Егор.— Стало быть, ты не человек, если не видишь. А ну-ка, посмотри на его глаза. Посмотри, не стесняйся, или ты только страх за себя видишь кругом. Не-ет, Викентий, на такое у меня рука не подымалась и не подымется.

Викентий, мало чего понимая, трепеща не от страха, от азарта или от стыда, часто моргал, пытаюсь осмыслить, чего это такое вдруг ни с того, ни с сего стал говорить Егор.

— Так ведь петля же все равно на нем. Сам говорил.

— При чем петля здесь, хотя она, посмотри, уже на одной лапе и едва держится.— Пошли, охотник!— с нескрываемой неприязнью проговорил Егор.— Он заслужил жизнь не только за молодость и глупость, но и за смекалку.

Викентий виновато молчал. Вернулись к пасеке.

— А что касается, будет он зорить пасеку или нет— не расстраивайся, гарантию даю, больше никогда такой медведь и близко около твоей пасеки не окажется. Будь спокоен. Считай, что убили...

Егор повернулся и пошел к дороге, в сторону села.

— Егор, так чего это: пойдём ко мне. Как уж полагаётся, маленько того, выпьем, а? Теперь и старуха ждет. Нехорошо, если не зайдешь. Не сердчай больно. Не хотел я ничего плохого,— говорил виновато Викентий,— раззорил же, проклятый.

— Нет, Викентий, спасибо. Одна будет у меня просьба к тебе. Если сможешь, послужи, ради бога.

— Конечно, Егорушка. Какой разговор быть может. Сделаю все, если по силам. Говори...

— Очень прошу тебя, Викентий,— сказал, не поворачиваясь к нему.— Ты бы получше кормил свою лошаденку. Смотреть больно и стыдно. Очень прошу!

СИНИИ ПЛАТОЧЕК

Ровными, решительными шагами Костя шел к лодке, что стояла на приколе у берега бурной Убы. На нем были коричневые со следами утюжных стрелок брюки, заправленные в начищенные до блеска кирзовые сапоги. Белая рубашка ладно облегалась тугие круглые плечи. Из-под серой, выгоревшей на солнце кепки пшеничным пучком выбивались волнистые волосы. В глазах Кости светилась нежная голубизна. Улыбка, которую он прятал, не сходила с пухлых губ, подбитых сверху густым серебристым пухом первых усов.

— Батюшки вы мои! Костенька, куда же это ты так выпендрился?— озорно глянув на него, почти пропела молоденькая повариха из их бригады, Аннушка.— Уж не на танцы ли торопитесь, или на свидание какое?— язвила она, перекладывая с бедра на бедро таз с чистой посудой, который несла с реки. Костя остановился перед ней. Не зная, что и ответить, переминаясь с ноги на ногу, молча достал пачку сигарет. Прикурил, склонившись над огоньком, спрятанным в ладонях, широко вдохнул запашистый дым и, собравшись с мыслями, немного развязно ответил в том же тоне:

— Нет, не угадали, Аннушка, не на танцы и не на свидание.— И серьезно добавил:— В село я. Может, заказ какой выполнить?— Заглянув в синие прорези ее глаз, переспросил:— Может, что привезти, говори, Аня?

Кокетливо наклонив голову, искоса глянув на него, она независимо бросила:

— Ну что ж, если не жалко, конфет каких-нибудь,— и, закусив губу, чтобы не рассмеяться, добавила:— Если, конечно, вы не обеднеете.— И снова перебросив таз с посудой, пошла к кухне.

Она уходила, а Костя, часто моргая белесыми ресницами, усиленно пыхал дымом и долго глядел, как ее ту-

гие бедра обнимало светлое в мелких цветочках платьишко.

Отвязав лодку, перекинул через плечо веревку и, слегка согнувшись, он потянул ее вверх по реке. Там, выше по течению, в верстах трех-пяти и находилось небольшое таежное село, спрятанное среди лесистой щели. Село имело несколько странное для этих гористых диких мест название — Пахатное. Костя шел с поручением отправить письма геологов из их бригады, а также нужно было прикупить курева, еще кое-что и сходить на почту за газетами.

Путь вверх по Убе не из легких. Не каждый соглашался тянуть от лагеря до Пахатного лодку, но Костя добровольно вызвался на этот раз сходить в село. И согласился только из-за этой Аннушки. Он давно приглядывался, тайно любовался ею. И неожиданно для себя понял, что не может не сделать для нее что-нибудь хорошее. Он был в таком возрасте, когда вдруг прихлынувшие чувства прямо-таки подталкивают на какой-нибудь подвиг, лишь бы чем-нибудь удивить или сделать что-нибудь приятное для девушки, которая стала неожиданно самой дорогой на свете, самой любимой. И этой девушкой для Кости была Аннушка. Аннушка, окончив кулинарный техникум, решила «спробовать», как говорила шутя, таежной романтики и попала в геологическую партию. Появление ее в бригаде с первого дня изменило поведение Кости: с того самого часа ему всегда хотелось стать лучше. Другие геологи, занятые тяжелым трудом в поле, тоже изменились: они стали сдержаннее в своих разговорах. И все из-за нее, Аннушки. Девушка понимала это и прониклась к ним самыми добрыми чувствами. Каждый день она старалась накормить их чем-нибудь «вкусненьким». Радостной, что называется на седьмом небе была, когда ребята горячо благодарили ее за старание. И как водится, подхваливали ее с намеками: вот, мол, Аннушка — хорошая хозяйка и женой хорошей бу-

дет. И жаль очень, если на ее свадьбе погулять им не придется. И хотя странно было Косте самому, но почему-то он представлял именно себя и Аннушку, сидящими за свадебным столом. И поэтому, когда глаза их встречались, он все чаще и чаще прятал их, чтобы, боже упаси, никто не догадался о его тайных мыслях. Иногда ему вдруг хотелось казаться гордым и независимым, и он нарочито напускал на себя независимость. Но Аннушка была не из тех девушек, чтобы удивляться и восторгаться. Она только посмеивалась и, напротив, держалась совершенно свободно и даже покровительственно, что вовсе обескураживало юношу. И тогда он чувствовал себя перед ней совсем неловким и совершенно беспомощным. Это сердило его, но, как ни странно, она нравилась ему еще больше. И чувство его росло день ото дня. И вот он вызвался сходить в Пахатное за необходимыми для товарищей мелочами, а главное — с тайным желанием привезти ей какой-нибудь подарок.

Долина Убы густо поросла березово-осиновым лесом. Кое-где по склонам чернели верхушки одиноких пихт и елей. Места здесь болотистые. Из-за огромных, до пояса, кочек, шатких, поросших осокой, заболоченные низины были трудно проходимыми. Поэтому лучше всего было идти только у самого берега. Хотя и здесь тоже ничего хорошего: скользкие валуны, обросшие водорослями, заиленные упавшие деревья да обработанные водой бревна перегораживали путь. Трудновато по такой реке с быстрым течением тянуть лодку вверх, но зато плыть сверху — блаженство настоящее: сиди и подправляй лодку шестом или веслами.

Костя, занятый своими мыслями и преисполненный добрыми душевными чувствами, без усталости тянул лодку, перебираясь через завалы и размытые весенним половодьем колдобины.

«Дурные места. Вот уж действительно, как говорят, черт ногу ломает. Того и гляди где-нибудь оступишься

з скрытую осокой яму, либо ногу сломаешь, либо шею свернешь», — думал он, глядя под ноги.

Река капризна: стремительные перекаты уступают место тихим плесам. Костя миновал шумную шиверу и вышел к спокойным, с медленным течением, берегам. Сапоги, пропитанные дегтем и начищенные до блеска ваксой, не пропускали воду, и стоило только вытянуть из воды ногу, как кожа и кирза сразу же становились сухими. Ближе к вечеру он вышел к селу. Деревянный настил уводил в глубь гор вдоль небольшой речушки, бегущей по дну заросшей пихтой щели. Привязав к деревянной кладке лодку, насвистывая легкую мелодию, Костя широко шагал, отстукивая каблуками по дощатому настилу. Миновал заборы и вскоре оказался около деревянного магазинчика. Достал записку и купил все, что наказывали. Ни разу в жизни он так долго не задерживался около женских товаров. Преодолевая чувство неловкости, он рассматривал разные вещи, лежащие под стеклом витрин и развешанные по полкам. Смущенно поглядывал на продавщицу. И мучительно думал и прикидывал, что такое купить, чтобы понравилось Аннушке. И вот, в который уже раз поймав на себе насмешливый взгляд продавщицы, решительно спросил:

— Мне бы что-нибудь для девушки. — И, краснея, добавил: — День рождения у нее.

— Да уж давно поняла, что тебе надо. Так и сказал бы. А то крутишься и крутишься. Толку-то, видать, еще нет у тебя. Смешно получается, будто никогда и не видел штук этих разных. — Продавщица деловито вытерла красноватые руки о затертый передник и подошла к Косте.

— Какая она у тебя?

Костя от неожиданности гуще покраснел. Со слов продавщицы получалось, что Аннушка уже как бы была его невестой.

— Как «какая»? — растерянно спросил он.

— Ну, цвет глаз, волосы,— небрежно и слишком уж обыденно говорила продавщица.

— Ну, красивая,— робко ответил Костя.

— Это мы знаем, для вас все девки красивые. Ты мне скажи, какого она цвета, именинница твоя.

Она предлагала пудру, духи, губную помаду, разную по цвету. Потом сняла с полки нежно-голубой, с тонкой светлой полоской по углу платочек.

— Пожалуй, неплохой! Шелковый и цвет нежный. Для молоденькой — самый раз, лучшего ничего, по-моему, и придумать нельзя.— И не спрашивая особого согласия молодого покупателя, она завернула в бумагу голубой платочек.

«Возьмет или откажется? А вдруг нет? Что потом? Все зря! Потом вовсе неудобно будет». Он вспомнил встречу у лодки, взгляд ее и с независимым видом стал рассчитывать. С покупками и газетами, набив до отказа рюкзака, он ушел к лодке.

Солнце уже клонилось к лесистым горам. Довольный собой, Костя оттолкнул от берега лодку. Подхваченная течением, она закрутилась, и вскоре деревянный настил у берега пропал за поворотом. Он сел за весла и, удерживая лодку, вырулил на середину. Любуясь красотой окрестных гор, тихо напевая, он сплавлялся вниз по реке. Прошел еще поворот, обогнув зубатые скалы, под которыми вскипали жерла водоворотов. Вскоре течение успокоилось и, словно устав, река распласталась во всю ширь, наслаждаясь покоем и чистым глянцем плесов, отражающих высоту гор и глубину неба. Лодка почти стояла на месте. Костя достал посмотреть платок, развернул упаковочную бумагу.

«Возьмет или нет? Надо как-то так, чтобы никто не видел». Он прижал его к щеке, ощутив воздушную нежность. Раскинул посмотреть сквозь него на небо, и повязал платочек на шею.

Ниже по течению горло реки сжималось. Впереди по-

казались скалы, слышался шум стремительной воды, и лодка вошла в горловину. Ее прижало к выступающим скалам. Вокруг вспучивались буруны. Закручивались тугие воронки, затягивая лодку под скалы. Отсыревшие, в трещинах, покрытые мхом скалы нависли над головой. Костя заработал веслами. Навстречу мчались, показывая мокрые спины, громадные валуны. Зазейвайся — и расшибет. Костя хорошо знал реку и свободно миновал порожистую быстрину. Лодка, теперь подталкиваемая шестом, уверенно обходила камни, резала гребни волн и вскоре снова вышла на спокойный участок. Тень от горы, заслоняющей небо с запада, полностью покрыла противоположный берег. Начались заболоченные березняки. Над ними возвышались одиночные острые шпили черных макушек елей. Костя восторженно оглядывал притихший вечерний лес, берега. Взгляд его чаще всего останавливался на старых толстых стволах, потерявших ветви и листья, обросших причудливыми трутовиками, либо на сломанных или поваленных бурей деревьях. И вдруг на прогалине около громадного обломленного корявого пня он увидел медвежонка, который не замечал его, что-то скреб своими лапами. Костя свистнул. Звереныш услышал и уставился на него, будто спрашивая, кто это? А потом вдруг испугавшись, стал карабкаться выше на пень, то и дело от испуга срываясь. Но всё-таки с поразительной ловкостью, цепляясь за шероховатости бывшего дерева, лез вверх. «А что, если взять,— мелькнула мысль.— Медведицы вроде бы не видно нигде. Наверно, отбил, и поймать его просто... А вдруг — медведица?— спрашивал он себя и также успокаивался:— Если бы она была здесь, то теперь бы уж вышла и на свист и на урчание детёныша. Значит, нет её. Точно — заблудившийся медвежонок. Самый раз взять в лагерь. Вот Аннушка обрадуется, и вообще... Это и будет ей мой подарок. Чего не сделаешь ради любимой», — подстегнул он сам себя.

Бросив шест, он взялся за весла. Прибился к берегу метров на пятьдесят ниже того места, где видел медвежонка. Взял топорик, который всегда лежал на корме, наспех вырубил и вбил кол. Набросил на него веревку. Из рюкзака вытряхнул продукты и пошел сначала вдоль берега. Идти старался как можно тише, перепрыгивая с валуна на валун, через выброшенные на берег лесины. Вскоре вышел к прогалине, в конце которой видел медвежонка. Сплошные зыбкие кочки, полусгнившие лесины не давали идти. То и дело встречались промоины и ямы, заросшие высокой травой.

Чертыхаясь, Костя упорно пробирался к толстому и высокому пню. «Пока доберешься, стемнеет,— думал он,— или медвежонок убежит». И поэтому торопился, падая и залетая в болотинки сапогами. Трудно идти было по кочкам, которые гнулись и дрожали, как пружины, или внезапно выпрямлялись, и тогда ноги соскальзывали и сапоги уходили в грязную жижу. Наконец-то лес просветлел, и впереди показалась поляна. Костя остановился, внимательно осмотрелся. Ага, вот он тот самый громадный пенёк, на котором был медвежонок. Вокруг было тихо, лес и болото, казалось, о чем-то грустили, освещенные последними лучами. Костя сделал несколько шагов и увидел, что за тем же самым пнем видна мохнатая спинка играющего медвежонка. Костя стоял и наблюдал, как он выбрался из-за пня и, ничего не подозревая, стал карабкаться вверх. Добравшись до небольшого толстого сучка, он уселся и, отвернувшись, что-то скусывал или слизывал со ствола. Это был изумительно красивый, серый со светлым ошейником малыш, похожий на мохнатый колобок. Костя расстегнул рюкзак и на носках, потихоньку, чтобы не испугать, стал подкрадываться. Затаив дыхание, стараясь ступать бесшумно, чтобы не хрустнуть веткой. Он подходил все ближе и ближе. Охотничий азарт полностью овладел им. Костя уже ничего не видел и не слышал со стороны. Сердце прыгало в гру-

дн. И вдруг мохнатый шалун повернулся в его сторону и, увидев его перед собой, кубарем свалился с сучка, на котором сидел, и с криком кинулся в лес. В несколько прыжков Костя стал настигать его, чтобы перекрыть ему отступление. Но неожиданно в тот же миг он заметил, как из-за деревьев к медвежонку метнулась громадная рыжая медведица. Грозный ее рев словно ток прошел через Костю. Перепугавшись, он на миг остановился, держа в руках расстегнутый рюкзак. Тем временем, вздыбив шерсть, медведица вышла на поляну и встала на задние лапы, готовая схватиться с обидчиком. Медвежонок подкатился ей под брюхо. Почувствовав детеныша, медведица осела и сделала прыжок в сторону Кости. Не помня себя, Костя без дороги повернул и что было в нем прыти пустился через болото и заломы к лодке. Ему казалось, слышалось, что медведица вот-вот настигнет его. Натыкаясь на стволы, обдирая в кровь тело, он летел, не чувствуя под собой ног. Он ничего не видел, не соображал. Он только знал, что надо бежать. То и дело проваливаясь между кочек, налетая на них, он падал. Он слышал позади треск и шум и грозное рычание. От ужаса у него совсем потемнело в глазах. Казалось, не держали ноги, а тут еще сплошные колдобины и упавшие лесины. «Только до лодки», — билась в голове мысль. Шум в ушах, чавканье под ногами, треск веток слились в одно. И Костя совсем отчетливо слышал только преследующую медведицу. Он боялся оглянуться и, залетев в ямину на четвереньках, с поразительным проворством выскакивал и снова, не помня себя, совершал умопомрачительные прыжки. Ему казалось, бежал он целую вечность. Это были жуткие минуты испытаний и глубокого отчаяния. Наконец-то он выскочил на берег к реке, но чуть выше привязанной лодки. По воде, падая на скользких камнях, разбивая в кровь колени и руки, добежал до нее и, прыгнув, схватился за весла. Сбивая казанки пальцев, стал панически грести, царапая веслами

каменистое дно. Он тянул и дергал весла из последних сил. Трещала спина, но лодка ни с места. Костя со страхом смотрел на берег, откуда должна была выскочить разъяренная медведица. Лодка ни с места. Тогда он выдернул весло и, как шестом, стал толкаться. Но все его усилия оказались напрасными. В смятении и отчаянии он соскочил, стал тащить и толкать лодку. И лишь когда налег на бок, она пошла. Снова он взялся за весла, но снова, словно в страшном сне, она предательски стояла. И только теперь он заметил, что она привязана. Одним взмахом топорика отрубив веревку, он погнал ее покорную к середине реки, подальше от берега. И только когда отплыл за поворот, облегченно перевел дух, вытер залитые едким горячим потом глаза. Но потрясение долго еще не проходило. Его трясло как в лихорадке. И все еще он тревожно поглядывал на берег, не преследует ли его мать-медведица. Но на берегу все было тихо и безмятежно. Даже далеко слышно было, как переговаривались у валунов буруны. Ускользящее мягкое солнце золотило макушки гор, покрытые притихшим в этот час лесом. Где-то самозабвенно пел нежно и громко дрозд. К Косте постепенно возвращалось самообладание. Он умылся и оглядел себя. Брюки обратились в лохмотья. В дыры виднелась изодранная, с кровоподтеками кожа. От рубахи болтались рукава у общлагов и воротника. И немало он удивился, когда увидел вместо сапог только голенища с передниками. Подметок словно и не было — отлетели. Вместе с ними «испарились» портянки и носки. Подошвы ног горели огнем. Саднило и щипало от пота все тело.

— На кой черт сдался мне этот медвежонок! — ругал себя Костя, оглядывая свой наряд и осторожно ощупывая ссадины и царапины. Он сдернул голенища и хотел зашвырнуть их со зла в воду, но в последний момент почему-то передумал. «Не поверят», — решил он и бросил их на дно лодки.

Еще один поворот. Лодка оказалась у лагеря. Костя

все еще пугливо посматривал на берег. Он где-то читал, что обозленные медведи догоняют по берегу людей, плывущих в лодках, забегая наперед течения. Но ничего такого на берегу не видно было. Все обошлось благополучно. Причалив к тропинке, ведущей к лагерю, он сидел, не зная, что и говорить. Засмеют. Над лагерем стоял прозрачный сизый дымок и слышались оживленные голоса. Его заметили, и Костя почувствовал легкость на сердце, когда увидел своих товарищей, идущих к лодке.

— Приветствуем великого первопроходца! — крикнул кто-то из них.

Но когда подошли ближе, на лицах их застыло изумление.

— Что случилось? Тебя, что, там поколотили, Костя?!

— Да нет, все в порядке, — упавшим голосом сказал он. — Только вот... — Он встал и показал сапоги.

— Так что же случилось? Костенька?! — вскрикнула только подошедшая Аннушка. — Собаки тебя так? Да?

Костя заулыбался.

— Если бы собаки, оно легче бы получилось. Медведь! С медведицей соревновался. Кто кого — так стоял вопрос. Как видите, выиграл я, — ответил он. — Всего лишь понес некоторые материальные убытки. Могу кому-нибудь подарить! — Он швырнул на берег голенища сапог и вылез сам.

— А это тебе тоже медведица подарила? — спросил один из товарищей, показывая на синий платочек, повязанный вокруг шеи. — Хорош подарочек, стало быть, и медведица так нежна и прекрасна, если такие подарочки.

— Чудеса какие-то, — распалялся рыжеголовый Юрка. — Где бы нам, лесным людям, с такой медведицей познакомиться?

Все засмеялись, но лица их были озадачены.

Только сейчас Костя вспомнил, что повязанный платочек так и остался на шее и к тому же был совсем целым. Он снял его и при всех протянул Аннушке.

— Это тебе.— Посмотрев на притихших ребят, добавил:— Медвежонка тоже хотел тебе поймать, да вот видишь,— развел он ободранные в кровь руки, на которых болтались обрывки белой рубашки.

— Тебе больно?— Аннушка провела по его лицу рукой. Затем встала на носки и при всех поцеловала в щеку и тихо сказала:— Спасибо, Костенька,— и, отвернувшись, смущенная побежала к лагерю.

Ребята недоуменно переглянулись.

— Ну ладно,— вдруг нарушил молчание Юрка,— папирс-то взял? Уши пухнут.

— Там, в лодке,— бросил Костя ему в ответ и направился по тропинке к лагерю. А сам подумал: «Как хорошо, что встретил в лесу медвежонка».

РЫЖИИ КАЛИСТРАТ

Истинная красавица из всех рек казахстанского Алтая — Бухтарма. Но если не побываешь на Хамире, считай, и не видел красоты края.

Спустившись с головокружительной высоты Холзунского хребта, он врывается в широкую лесистую долину, где и начинается их встреча с Бухтармой. Прозрачный и студёный Хамир издали кажется то синеватым, то ультрамариновым, то совсем зеленым. Вскипают, бурлят волны его на шумных каменистых перекатах. В волнах нет-нет да и сверкнет жарко чешуей хариус. В зеленых затонах, у коряг и крупных камней, избегая солнечного света, таятся сутунковатые темные и быстрые таймени. Часами можно наблюдать и радоваться тому, что есть на свете Алтай с его шумными и чистыми реками, задумчивыми и суровыми горами, покрытыми березовыми, осиновыми и пихтово-кедровыми лесами.

И вот с приятелем моим Серегой, заядлым рыбаком, приехали мы к этому горному таежному Хамиру.

— Смотри,— наставлял Серега,— как только клюнет,

подсекай сразу. Харнус не для зевак — течение любит быстрое, и сам, как огонь. Все время на быстрине и ловить надо сноровисто и скоро. И чтоб тени твоей на воде не маячило. Да еще, — учил он, — руками без толку не махай, — он говорил так, а сам свесил темную курчавую голову над крутым берегом и разглядывал в быстрине снующих харнусов.

На наших крючках вместо живой приманки приделаны мушки. Это полное подобие мотылька или цветной мухи. Мушка — довольно искусная подделка, она рассчитана на скорую торопливую рыбу, которая хватается все, что попадает на глаза с лету. В стремительных водах рыбе приходится только так кормиться, иначе и глазом не моргнешь, как течение унесет добычу. Примеряться да прицеливаться некогда.

Мушки сделаны из разноцветных шелковых ниток и очень даже похожи на мягоньких «таракашек». Так у нас на Алтае называют крылатых насекомых — веснянок, которых всем остальным шестиногим предпочитают рыбы горных рек. Хорошая «таракашка» делается так, что острие крючка не видно, оно скрыто в кончиках тонких шерстистых волосинок, и тогда харнус легко идет на обман.

Полагаясь как бы на само собой разумеющийся успех, мы раз за разом забрасывали лески с мушками на шиверу. И каждый раз стоило только мушке шлепнуться на воду, как в тот же миг в глубине вспыхивал жемчужный бок бросающегося на добычу харнуса. Но нас подкарауливало разочарование: словно раздумав в последний миг, харнус не брал приманки и падающей звездой гас в синеватой глубине реки.

— В чём дело? — досадовал Серега. — Жор кончился или из-за того, что вода уж слишком прозрачна — подвох замечают?

И снова и снова с ожесточением он забрасывал леску, сердито и сосредоточенно поглядывая в мою сторону.

У меня тоже дела были неважные. Но я не расстраивался, считая, что рыбалка и охота — дело удачи. Но вот хариусы, как бы поддразнивая нас, густо зароились, вспыхивая на быстрине. Поругиваясь, мы то и дело бросали наши мушки в гущу игривого косяка.

Прошло не менее часа, а мы все также без толку рвали воздух своими удилищами. Серега утомился немного, перестал наставлять меня и ссылался теперь больше всего на идеальную прозрачность Хамира. Терпение наше, казалось, подходило к концу. И тогда Серега лезет в рюкзак и достаёт жестяную баночку. Подмигнув самодовольно мне, двумя пальцами осторожно, как осу, берет другую мушку.

— Что ж, на хитрость будем отвечать изобретательностью. Попробуем эту.

Он внимательно, со всех сторон, подняв над головой, оглядывает новую цветную мушку, приглаживает ее осторожно, словно извлекает из нее занозу.

— Эту-то он, голубчик, сцапает за будь здоров!

— Дай мне такую же, — говорю я.

— Всего одна была «золотушка», — и, увидев непонимание на моем лице, тут же пояснил: — Делается она из рассученных перьев петушиного воротника. Эту я сам смастерил. Из Усть-Каменогорска ездил специально за такими перьями в саму Секисовку. Там у свояка выбрал самого огненного, самого золотого петуха. Поэтому «золотушкой» и называют такую наживу.

Серега, ловко работая пальцами, наскоро привязал мушку к леске, деловито поплевал на нее и забросил. В тайне позавидовав ему, я отложил свою удочку и решил наблюдать, как он будет выуживать обманутых людской изобретательностью изрядно поумневших за последнее время обитателей прозрачной реки. Томительно тянулось время, но опять не по вкусу пришлась хариусам хитроумная секисовская «золотушка».

— Два — ноль! — крикнул Серега и, зло бросив на

берег удилище, полез в свою заветную жестяную баночку и стал отчаянно, как грешницу, трясти ее.

Затем открыл ее, перебирая пальцами содержимое. Наконец что-то достал. Быстро оглядел, снова подняв перед глазами на свет и, откусив старую мушку от жилой лески, стал привязывать другую.

— А эта, что, от курочки рябой?— съехидничал я.

— Улыбаться потом будешь. Только сначала смеяться буду я.

Абсолютно уверенный в удаче, он поправлял новую мушку, от напряжения высунув язык, потом, словно обнюхивая, крутил и дул на нее.

— Эта самая заветная. Изготовление ее — секрет фирмы!..

— Ладно уж набивать цену-то, любопытно же, из чего эта бездарная фальшивка слеплена?

— Из чего, из чего,— передразнил Серега,— из шерсти телка. Понятно?

— Нет,— говорю,— не понятно.

— Из тонюсенькой такой и блестящей шерстки, которая у телков там,— он загнул крючком палец,— под хвостом где-то растет. Видишь, какая светленькая,— улыбнулся он,— да еще и с запашком. Уж кто-кто, а хариус в них знает толк. Такие мушки всеми алтайскими кержачками признаны. Они в деле проверены. Эту самую мне свояк привез.

Серега тут же забросил крючок. Я уже для себя оканчательно уяснил, что моя рыбалка на сегодня кончилась. Бросаю удилище на горячие камни и иду смотреть, как Серега будет выдергивать резвую рыбу на заветную мушку. Ждать долго не пришлось, чтобы убедиться, что и новая мушка не по вкусу пришлась разборчивым и привередливым хариусам. Как и прежде, на каждый заброс лески рыбы дружно бросались к ней и в последний миг также дружно отворачивались в сторону и таяли в толще стремительных вод. Серега бега

по берегу и уже с нескрываемым негодованием и раздражением забрасывает удочку в разных, на его взгляд, подходящих местах. До слуха моего доносится, как он клянет не только рыбий род, но и кержачков, дошлых на выдумки. Даже вспомнил, что по дороге к реке навстречу какая-то «недотепа» с пустыми ведрами вышла.

— Ну что, рыбаки, на уху есть?— неожиданно прозвучал молодой голос.

Позади, улыбаясь, стоял рослый рыжеватый парень. Сощуриль серые глаза, он часто и приветливо моргал опаленными солнцем бесцветными ресницами.

— Какой там, ни черта не берет!— отозвался Серега.

Я развел лишь руками, мол, сам видишь...

— А на че ловите-то?

— На мушки, на что еще?— не оглядываясь, бросает через плечо Серега.— Ничего не пойму: разные пере-пробовали, а не берет. Не время, что ли?— спросил Серега.

— Как «не время»?— возразил парень.— Вчера целое ведро отсюда уволок. Мелочь и не брал вовсе.

— Так уж и целое ведро?— спросил я.

— Честно, батяней клянусь,— он лихо и заученно чиркнул ладонью по горлу,— вот это полное ведро. Он потряхнул пустым ведром и, увидев наши недоверчивые взгляды, рассмеялся.

— Не здешние, видать?

— Нет.

— Из города?

— Да, из города.

— Тогда понятно, почему у вас не ловится. Не на калистратовские рыбачите, вот и не берет.

— Какие такие еще «калистратовские»?— недоверчиво переспросил Серега.

— Мы сами их здесь делаем. Во, мушка!— и он оттопырил большой палец.

— Мы тоже сами делаем, не в магазине покупаем,— огрызнулся Серега.

— Ха! Мы здесь тоже все сами делаем. Вот и мушки тоже. Но вот калистратовские только у нас. По всему Алтаю таких не сыщете.

Он громко и восторженно засмеялся, прищутив светло-голубые глаза и, стараясь скрыть лукавство, почти серьезно продолжал:

— Мушки калистратовские такие, что хоть на экспорт, того...

Он поставил ведро, бросил удилище, нагнулся и стал выбирать крупные ноздристые валуны, пока не добрался до воды, которая тут же заполнила образовавшиеся углубления. Поймав на себе наши взгляды, он пояснил:

— Это для рыбы — в ведре вода быстро согревается. Дохнут сразу,— и, зачерпнув воды, он поставил ведро в ямку.

Наш новый знакомый надергал осоки и сломил несколько ивовых веток. Все это бросил поверх ведра. Закатал штанины, сдернул выцветшую и непонятого цвета рубаху, обнажив красноватую веснушчатую спину, ступил в воду. Забросил удочку и, к нашему удивлению, леска тут же дернулась, натянулась, струной стала резать воду, и уже на берег, сверкая чешуей, летит хариус.

— Видал!— с усмешкой обратился он к нам.— Первенец есть.

Выброшенный хариус бешено плясал среди нагретых солнцем камней. Я подобрал его: холодное, обклеенное песком тело дергалось в ладони, как сам Хамир в тесных берегах. В это время у ведра шлепнулся второй. И пошло: парень закидывал удочку и дергал сверкающих и взбрыкивающих хариусов. А мы с Серегой молча подбирали и бросали их в ведро, прикрывая его зеленью от палящих июльских лучей.

— Дай порыбачить,— попросил Серега,— хоть душу отвести.

Парень уступил. И они поменялись местами. Теперь мы с рыжим подбирали и бросали в ведро рыбу.

— Что это у тебя за мушки? И почему называются калистратовские? Не секрет если, расскажи, из чего сделаны?..

Парень, похоже, ждал вопроса и, улыбнувшись, часто заморгал белесыми ресницами.

— Конечно, не секрет, как говорят, кроме базара, никто не знает. Да в нашей деревне все мужики и пацаны на калистратовские рыбалют. Мне поэтому понятно стало, что вы из городу приехали. В окрест-то здесь все знают наши мушки...

Мы сели на камни у ведра, подставив спины солнцу, и поверх голов набросили рубахи.

— Живет в селе нашем рыжий Калистрат,— начал он,— а рыжих у нас хоть пруд пруди. Оно по мне видно,— и он улыбнулся, опять часто заморгал.— Так вот, Калистрат наш такой рыжий, что вам, ей-богу, и во сне не снилось. Огненный, как бог! Прямо-таки весь насквозь светится! В нашем селе ярче и не было. Понятно, у Калистрата и борода огненная. Краснее тоже ни у кого. Отпустит ее, бороду-то, окладную, кержацкую — густющая да краснющая. Бабам всем на потеху, а вот мужики как замороженные ходят. Будто их гипнозом притягивает борода калистратовская. У нас ведь, почитай, все мужики рыбалют. Река-то рядом, чего не ловить. Вот и идут все к Калистрату. Просят: клочочек продай, мол, Калистратушка, будь человеком!

— Ну и что, продает?— спрашиваю.

— Куда деться, конечно, продает,— парень встал и бросил в ведро пойманного Серегой хариуса.— Не за деньги, понимать надо,— продолжал он, присаживаясь около меня.— Выпить он не дурак. А оно понятно, за такой товар и литр не жалко. Все сполна окупится.

И фирма Калистрата, скажу вам, не подводит. Сами, поди уж, убедились.

Он встал и подобрал выброшенного Серегой еще одного хариуса. Примерил на ладони.

— Во, видел, какой красавец!— глянул он на меня счастливыми глазами.

— Неужели Калистрат продает всем, кто попросит? Одной бородой-то всей деревни, пожалуй, не обеспечить.

— Не-ет, Калистрат только своим мужикам продает. За это и почет ему на селе. Кто рыбки подбросит, бывает, дровишек привозят. Сколько раз видел: в магазине мужики без очереди пропускают — пустите, мол, Калистрата — кормильца нашего, смеются сами, конечно. Да он и сам не лыком шит, а, как говорят у нас, из пошин самых, за словом в карман не полезет. Хохмач такой ли еще, на работу скор да удал. Оно и понятно, что мужики с уважением к нему.

Парень помолчал, потом неожиданно для себя хмыкнул, что-то вспомнив, и стал снова рассказывать:

— Раз приехали в гости к нам родственники. Один из них рыбак заядлый. На Хамир, конечно, за хариусом собрались. А какая рыбалка без калистратовских мушек-то? Понятно, пошли к нему. Жена его — тетка Марфа, она тетка мне родная, во дворе белье развешивает. Спрашиваю:— Калистрат дома?— На кой ляд он тебе,— говорит,— сдался, поди опять из-за мушек пришел?

Молчу.

— Спит,— говорит,— ваш Калистрат, черт рыжий! Спит как пропастина, вдребезги намушкался уже. Дьявол бы вас попутал всех, мужичье отродье! А вы,— говорит она нам,— опоздали, продал он свою срамную бороденку, всю продал. Жаль, что не с башкой вместе — оно было бы лучше! Господи, как он да и вы все надоели мне с его козлиной бородой. Опалю когда-нибудь. Вам тоже делать не черта, делом бы каким путным занялись. Нашли друга — Калистрата.

Она отвернулась, занялась делом, мол, разговор окончен. Расстроена, видно, сильно была. Не в духе. Пропала, думаем, рыбалка. Что делать? Стою кумекаю:

— Тетка Марфа,— говорю,— мы не за мушками. Маманя послала и наказала, что в сельмаг платки какие-то, красивые больно, привезли, продавать сейчас будут.

Повернулись и пошли в магазин. Видим, вскоре и тетка Марфа уже в магазин чешет.

Ха-ха-ха! Понятно, мы гораздо быстрее обернулись, да еще и бутылочку прихватили. Заходим, и вправду спит. Точно, крепко натрескался, кое-как растолкали.

— Пошли от меня к чертям,— ругается спросонья.— Все, кончилась борода, рыбачки,— сам вроде бы сонный, а увидел, что мы не с пустыми руками.

Огладил рукой пустой подбородок. Встал.

— Режьте,— говорит,— вот здесь,— на виски показывает.

— Ээ-э, нет,— говорю,— с висков не пойдет, проверено уже. Кому бороду-то продал?

— Кому-кому,— говорит,— вон Авдею Кривому.

А Авдей, хитрый мужик! Известное дело, втихаря втридорога своим же и торганет. Так все по пучкам и продал.

Парень засунул руку в ведро, в котором роились упругие хариусы, они жадно глотали воздух.

— Смотри, какие красавицы,— он снова примерил самого крупного к ладони.— Уха, сам знаешь, пальчики оближешь. В армии только и думал, когда Хамир увижу и вот так с удочкой посижу.

Он задумчиво глядел на бугрящиеся волны переката.

Помолчали. Серега поднялся выше по течению и, забыв обо всем на свете, подсекал одураченных хариусов. По-прежнему весело и игриво шумел Хамир, выплескиваясь на горячие булыжники.

— Чудаки! И Калистрат ваш чудак. Имя-то у него тоже чудное какое-то, старинное,— говорю.

— Дак это ж не имя у него. Прозвище. Имени я точного и не знаю. У нас же редко по именам называют. Кажется, Сенькой зовут. Даже не знаю точно, Сенькой или не Сенькой...— озадаченный парень часто-часто заморгал, пытаясь вспомнить настоящее имя Калистрата.

— А почему же тогда Калистрат?

— Почему Калистрат?— словно не расслышав, переспросил он.— Я же говорил, что время от времени он того,— парень слегка наклонил голову, щелкнул себя по горлу.— Так вот, как поддаст, так и пошло, кто ни встретится — всех подряд калистратами и крестит. А потом имя это к самому и прилипло, прозвищем стало как бы. Вот и стали Калистратом его звать.— Рыжий хмыкнул:— Любят наши мужики поохульничать. Медом не корми. Вроде бы с виду все здесь простачки, а палец в рот не клади. Любого осмеют, да еще прозвище на всю жизнь приклеют...

Парень опять поворошил в ведре рыбу, сменил воду.

— Ну что, пожалуй, хватит, много и не надо.

Стал одеваться. Потом повернулся и сказал:

— А Калистрат опять бороду отпускает. На следующий год рыбалка будет что надо, приезжайте!

Солнце склонилось над лесистыми отрогами Холзуна, Хамир казался еще синее. Вдоль реки, взбивая дорожную пыль, шло стадо сытых телят-второгодков. Прямо из ведра парень вывалил десятка полтора застывших, слегка прогнувшихся снулых хариусов.

— Хватит на уху?

— Еще бы, оставайся с нами, ужинать будем!

— Да нет, я не охочь до рыбы. Ловить люблю. А эту отнесу Калистрату и тетке Марфе.

Он перекинул через плечо удилище и, слегка покосив плечо от ведра, медленно, насвистывая, пошел в сторону села.

— Привет от нас твоему Калистрату!— крикнул Серега.

— Ай да рыжий Калистрат!

Мы ели запашистую уху, а сами все нахваливали парня и представляли краснобородого Сеньку или не Сеньку с хитроватыми глазами и белыми короткими ресницами. Ничего не скажешь — прекрасна уха на берегах стремительного Хамира!

СКРЯГА

Лодка скользила по глянцевой, облитой закатом протоке, с обеих сторон стиснутой густыми зарослями тростников. Женька пристроился на корме, молча и восторженно крутил головой, удивляясь открывшейся ему красоте. Под натужный скрип уключин дед его — дед Скряга — неторопливо рассказывал о разных случаях, с которыми приходилось встречаться ему во время старинных охот. Женька не подавал виду, что ему гораздо интереснее сейчас слушать непонятные шорохи и звуки, которыми наполнились вечерние тростники. Хотелось знать, что за рыба всплеснулась, разбив вильчатым хвостом розовое зеркало вод или какие это утки, что так стремительно просвистели крыльями над их головами? За далекими комариными зарослями поймы в грустном и одиночном молчании вечернего торжества и печали тонула горбушка солнечного диска. Розовыми сетями тонкие облака, отражаясь в воде, глубоко-глубоко стелились под лодкой, отчего казалось, что лодка летит над облаками. Все для Женьки было так интересно, что он почувствовал себя немножко первооткрывателем, и поэтому счастье его было безмерным: наконец-то он сам побывал на глухих протоках Черного Иртыша. И называется то он не как-нибудь просто, а Черный, даже немного страшновато. Почему — Черный? — воды его были чистыми и светло-румяными. И тут же Женька решил, когда будут писать в школе сочинение на тему «Как кто провел летние каникулы», то обязательно напишет обо

всем, что видел здесь и слышал. А главное, расскажет о своем дедe. Пожалуй, ни у кого из мальчишек-одноклассников нет такого деда, как у него, чтобы так много рассказывал о зверях и птицах разных и про «старинную» охоту. И Женька вообразил, что они с дедом самые знаменитые путешественники.

Шурша брезентовым, выгоревшим до белизны плащом, дед поворачивался вперед по ходу лодки, поглядеть, куда плыть дальше или свернуть, и снова налегал, неторопливо вскидывая мокрые крылья весел.

— Вот так-то, Евгеша. Бывало, сызмальства таким же, как и ты, постреленком, с тятей мы все время в поле работали. Жили тогда на заимках. С тятей и я на охоту впервые ходил. С тех пор полюбилась мне природа. Не смог бы, наверное, сейчас жить без нее, в городе оно не то. Не только что-либо такое, но и звезд и тех не увидишь. Попривык, не могу без костра, без ущицы с дымком. Не-е-т, что ни говори, а дед Скряга знает во всем толк и любит природу.

— Деда, а почему Скрягой тебя называют? Это же не фамилия. Жадный ты, что ли?

— Почему, говоришь,— дед оглянулся, подтабанил веслом к повороту.— Да потому, что в старину еще, в деревне нашей, односельчане все ленивы, да завистливы были. А мы — Пантелеевы, Скряги теперь, любили работу, не боялись ее. Порода у нас, Евгеша, такая. Крепкожилые мы. Отец приучал к труду. Привыкли и к тому, что дома у нас все свое было. Скота обычно больше, чем у других. На сенокосе в зной и дождь пластаемся. За всегда сена заготовим до нового поля. Всего хватало. Рыба — само собой. Добычливы и как охотники, и как рыбаки Пантелеевы были. Было, признаюсь, и то, что другим давать мы не любили. Привычки, Евгеша, у нас такой не было — ходить просить или давать самим. Оно, знаешь, как говорят, дашь руками, потом ходи ногами. А под весну, бывало, то один, то другой сосед — дай то,

дай другое. Получается, им дай, а потом сам локоть ку-сай. Вот за то и прозвали Скрягами. Так оно за нами и осталось. У нас если прозвали, то уж навечно. Все перепутали, другой раз и не знаешь, у кого прозвище, у кого фамилия.

Скряга помолчал, только уключины плаксиво и размеренно пели под взмахи весел, мокрых и блестящих, похожих на стрекозиные крылья. Женьке почему-то со словом Скряга представлялась какая-то черная, полуобгоревшая коряга. Страшная, с растопыренными во все стороны хищными цепкими и крючкатыми когтями, которая все что-то хватает и скребет землю.

Помолчали.

— Сейчас, Евгеша,— продолжал Скряга,— много стали говорить, что, мол, нужно охранять и беречь природу. Оно правильно-то, правильно, ко всему хозяйский подход нужен. С другой стороны, надо считаться и с тем, что людям-то тоже жить надо. Разве дело: здесь жить и с пустым брюхом ходить. Для кого тогда сохранять ее, если себе ничего?

— Да, деда, обязательно охранять надо. Нам в школе про это тоже рассказывали. Надо, чтобы все было: и бабочки, и цветы. А то, что за природа, если в ней пусто. Не обязательно же ходить на природу, чтобы кого-то изжарить или сварить, можно и так посмотреть, и то здорово.— Женька еще было хотел что-то сказать, но Скряга остановил его:

— Ты погоди, погоди, не мельтеши,— поднял он руку, словно отгораживаясь от яркого света.— Ты вот послушай, что дед тебе скажет. Я поди не столько, сколько ты годков на свете прожил. Кое о чем мало-мало кумекаю. Дед твой, Евгеша, знает, не лыком шит. Так вот скажу: в бытность мою, в прошлом, здесь, по Черному Иртышу, столько птицы и разной другой дичи было, сказать — не поверишь. На пролете утка и гусь небо скрывали. Казалось, бей ее, как мышку, не перебеешь. Мы и били, а ее

не убывало. Сейчас ничего не осталось. Так себе, по озерам есть утки и всё. Куда подевалось? Вытравили. Все перепахали. Куда ей бедной сунуться, если кругом сенокосы, фермы да еще пастухи. Собак-то не кормят, они и промышляют все лето сами. Конец всему и пришел. Многие, я слышал, на охоту грешат. Мол, они это выбили, охотники да браконьеры разные. На самом деле обиталища их уничтожили, вот и не стало. И никакой тут охраной не поможешь. Вот так-то, Евгеша, дорогой мой!

— Деда, это правильно ты говоришь. Но если так получилось, что мало стало птиц и зверей, значит, надо нам всем делать так, чтобы они вовсе не исчезли. Которые еще остались, их убивать не надо. Охота им не на пользу. Ты же знаешь, если ты утку убил, то на следующий год птенцов — штук пять или десять — уже не будет. Какая польза от охоты, если охота — одно убийство. Нам в школе говорили, что людей сейчас всюду много стало, если все убивать будем или зорить кого-нибудь, ничего вообще на земле не станет.

Скряга, опустив весла, повернулся назад. И в тот же миг к щербатому рту приставил палец:

— Т-ш-ш! — прошипел он, наморщив лоб. Еще раза два тихонько пустил в воду весла и поспешно достал спрятанное под травой на дне лодки ружье. — Здесь завсегда утки, — шепотом, торопливо сказал он Женьке. — На уху! Сейчас.

— Но, деда, сейчас они на гнезда садятся, — хотел остановить его Женька.

— Тихо, ты, — Скряга привстал, втянул шею и взял наперевес ружье. Лодка, влекомая течением, медленно огибала тростниковый мысок. Показались у края протоки лепешки лилий и кувшинок, о ливающие глянцеви́тым светом. И вдруг, шумя крыльями, сверкая стекающими с них каплями, внезапно взметнулись две утки. Сразу же гроыхну́ли два выстрела и, одна за дру-

гой, утки гулко шлепнулись в воду. Это были селезень и утка. Раненные, они плавали кругами, пытались нырнуть, но тела их не слушались, и вода тут же выталкивала назад. Скрыга подвел лодку и ловко выхватил пытающихся спастись раненых птиц. Женька отвернулся и услышал, как о борт лодки глухо ударялись птичьи головы.

Дед крикнул и, довольно улыбаясь, побросал птиц на дно лодки. Женька к ужасу своему наблюдал, как обреченно дрожали тела раненых уток, как беспомощно дергались их оранжевые лапки. Багровое пятно крови медленно расплывалось, растворяясь в закатной воде у борта. У Женьки выступили слезы и, словно понимая горе его, селезень затряс хвостом, словно хотел унять боль мальчишеского сердца. Казалось, что он, помахивая хвостом, хотел сказать этим: «Не надо, успокойся!» Потом селезень устало прилег и совсем затих. Зеленым огнем скользили последние отблески умирающего дня на перьях распростертых крыльев. Селезень, видимо, был молодым и сильным, и тело его еще долго боролось за жизнь в такое время, когда в разгаре брачная пора.

Женька видел, как дед вытер от крови свои короткие, обросшие жирными, редкими волосами пальцы. Достал и закурил «Приму». Шумя плащом, он стал удобнее усаживаться. Тонкие бледные губы крепко держали почему-то затухающую сигарету. Женька теперь открыл для себя его неприятный взгляд. В глазах Скрыги блеск холодной пустоты тускло бился вокруг темных провалов зрачков. В движениях деда появилась восторженная суетливость, а лицо приняло выражение скрытого блаженства. Он взялся за весла.

— Так вот, Евгеша,— как ни в чем не бывало продолжал он,— охрана природы — дело, конечно, нужное. Хорошее. Но делать это надо с умом.

Как и до этого дед его много говорил чего-то, но Женька опустил полные слез глаза и слышал лишь невнятные обрывки его слов. Он слышал, как дед отплевы-

вался от попавшего в рот табака и как натужно и скорбно мычали уключины. О чем-то невеселом шептались темнеющие тростники. Вовсе скорбно из-за легких облаков смотрела с высоты прояснившаяся луна. Женька избегал взгляда своего деда, старался не смотреть на него. Он как будто не узнавал его. Скрыга стал для него совсем чужим.

Вскоре лодка ткнулась в обрывистый обветшалый корнями берег.

— Здесь и шалаш поставим,— выбираясь на обрыв и привязывая лодку к молодой ивовой поросли, говорил Скрыга.— Здесь шалаш поставим. Ты, Евгеша, иди принеси сена, вон, видишь, стожок, а я пойду ивняка нарублю.

— Деда, но ведь нельзя же: сено не наше. А кусты тоже рубить...

— Давай, давай!— перебил его Скрыга.— Ты делай, че тебе говорят.— И, помахивая топором, пыхая сигаркой, он уверенно направился в заросли.

В сумерках, у костра, Скрыга ощипывал и палил уток, не переставая говорить, что он страшно влюблен в природу. И как здорово «ушицы» из уток похлебать под чистым незадымленным небом. А когда ужин был готов, позвал Женьку. Однако Женька, сославшись, что у него болит голова, ушел спать в шалаш; назавтра попросил, чтобы дед увез его в село, и сказал, что он вообще уже хочет домой.

Лето кончилось. Настал день, когда ученики шестого класса сели писать сочинение на тему «Как я провел лето». Загоревшие Женькины соклассники наперебой делились впечатлениями о своих прогулках, походах. Только Женька, задумавшись, мусолил во рту конец ручки и с навернувшимися на глаза тихими слезами, молча сидел над раскрытым чистым листом бумаги. Он вспоминал тот вечер на одной из проток Черного Иртыша, слышал заново те гулкие удары о борт лодки. Виделись

ему и синие зеркальца на крыльях весеннего селезня. Слышался натужный плач уключин и повторяющиеся заверения его деда в том, что он страшно любит природу и в том, что охранять ее нужно с умом.

Но так и остался лежать перед ним чистый листок из новой школьной тетради.

РОСНАЯ ЧАША

Над Чарыном вставало чистое, росное утро. Не спеша мы идем тугайными коридорами между серебристолистыми нарядами облепихи. Впереди с посохом молча идет Максим Дмитриевич и время от времени раздвигает им пряди высоких трав. С фырканием и шумом сует в зарослях беспокойный Тузик.

— Ты посмотри, какие здесь прекрасные орхидеи! — отогнув зеленые космы осок посохом, показывает мне на сиреневый факел цветка Максим Дмитриевич.

— Жаль, сегодня это уже исчезающие растения!

— А вот след секача-одинца. Туда и обратно, пить к Чарыну ходил.

— Как вы узнали, что секач прошел?

— Чего проще: след-то, как у телка. Здоровенный вепрь, вон на каком расстоянии отпечатки задних пальцев на копытах. Вес, видно, приличный.

Разглядываю врезанный в землю след, недавно оставленный отважным зверем, с тайной опаской оглядываюсь.

— Да нет его здесь. Иначе Тузик бы давно поднял, — подбадривает Максим Дмитриевич.

Мы проходим тропой, проползающей под колючими навесами тугайных зарослей. Сгибаться приходится так, что подбородки достают коленей. Оказавшись на ма-

ленькой прогалине, затянутой колосистой вуалью рослых влаков, расправляем исколотые спины.

— Вон,— бросает мне через плечо опытный натуралист,— гнездо черного дрозда. Птенцы уже вылетели...

Оглядываюсь и удивляюсь, как это так сразу цепкий взгляд его выхватил в густом заломе едва заметные скрещенные спицы ветхих соломин и травинок? И как сразу узнал, что птенцы его уже оставили? Нарочно приотстал, украдкой заглянул в гнездо. На постельке гнезда прозрачная роговая перхоть, отстающая от чехликов перьев молодых птиц.

Тропа огибает шаровидный куст шиповника и заводит в облепиховый хоровод, вышедший к берегу беспокойной реки.

— Вот сколько света! Пока чистая, в полдень помутнеет,— говорит мне Максим Дмитриевич, глядя на воду.

— Почему помутнеет?

— Во-о-о-н, тучи над Кунгей-Алатау собираются. Дождем прольются. От дождя и помутнеет. Да и вообще в полдень Чарын мутнеет. Солнце виновато, снежники днями подтаивают. Ночами там холодно. Все на воде и отражается.

Под берегом, где мы стояли, вихрилось стремительное течение, вспучивались схлестнувшиеся подводные потоки, в них изредка вспыхивали искрометные стайки голых османов.

Набираю пригоршню воды.

— Так же неудобно!— подсказывает Максим Дмитриевич. Затем подходит к лопушистому кусту коровяка. Из сорванного, чуть опущенного с левой стороны листа ловко сворачивает зеленую конусовидную чашу так, что опущенная сторона оказывается изнутри. Он набирает ею воду, и чаша мгновенно обращается в большую серебряную горсть, и, подобно ртути, вода тяжело качается в зеленых ладонях листа.

— Я всегда так пью,— и Максим Дмитриевич, запро-

кинув голову, прикрыв линзы бинокля, висящего на груди, пьет. На его загоревшем лице, притененном козырьком зеленой егерской фуражки, оживают пружинистые извивы света, отраженного водой.

Я смотрю на старого натуралиста, пьющего росную воду из зеленой чаши листа, и думаю, что, может, вот такие росные чаши и есть тот самый неистощимый источник его вдохновения и неумемной жажды любви к природе, к вечным скитаниям и странствиям. Серебряные капли потом превращаются им в слова, слова в строки, наполняющие страницы его книг. Книги подобно полноводным рекам растекаются по земле, на которой мы живем, которой они посвящаются. К ним, как к источнику, припадают миллионы читателей. Некоторые из них, так и не утолив жажды, но испив вдохновения от прочитанного, стремятся сами познать природу на таких же тропах, которыми потом идут всю свою жизнь.

Кто измерит длину пройденных Максимом Дмитриевичем троп? Кто знает, сколько он испил таких же росных чаш в горах, лесах и пустынях за свои семьдесят пять лет, из которых более сорока посвятил литературе о природе. Он и сам теперь не в силах подсчитать, если бы захотел, сколько на его веку было радостных встреч, сколько изведено грусти на больших дорогах и перекрестках пройденной жизни.

Я твердо поверил в то, что у Максима Дмитриевича Зверева есть своя Джемшидова чаша, подобная его «Кладовой чудес». Она полна разных историй, фактов, случаев и приключений. Но главное: в ней накоплена любовь к природе, душевность и доброта к людям. И не как персидский царь Джемшид он смотрит в эту чашу, чтобы потом сесть за перо. Писатель-натуралист, как ведется, сам общается с природой, которая скупой и щедро открывает таким, как он, свои извечные тайны. Он бережно несет свою чашу, полную тайных сокровищ. Несет так, чтобы не расплескать по пустякам, а дать

испить каждому, кого хоть немножко волнует шелест крыльев стрекозы, дымка далей или голос первой кукушки. Она обладает волшебной силой и может исцелять «больных» — тех, кто не любит природу. Она делает еще сильнее, красивее и духовно богаче тех, кто с ней в дружбе. Я в детстве тоже испил из его волшебной чаши. И тоже выбрал себе тропу натуралиста. Как и прежде, все эти долгие годы нашей близкой дружбы, я иду следом за старым натуралистом, известным писателем, иду, как и сейчас, по этой росной тугайной тропе...

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ МЕДВЕЖОНОК УРХ. *Повесть.*

В берлоге	5
Первый поход	10
Дорога в лето	16
Лето	23
Тревожное бегство	29
У каменного озера	36
Первая встреча	42
Осень	48
Облава	53
Скитания	59
Неожиданная встреча	69

АЛТАЙСКИЕ БЫЛИ. *Рассказы.*

Метель	77
Посвящение в охотники	104
И у зверей бывает взгляд человеческий	115
Синий платочек	128
Рыжий Калистрат	138
Скряга	148
Росная чаша. <i>Новелла</i>	154

Борис Васильевич Щербаков

ЗЕЛЕНЫЙ ДОМ

Редактор *Е. Мосина*

Художник *Ю. Юрьев*

Художественный редактор *Б. Аканов*

Технический редактор *Н. Галицкая*

Корректоры *Д. Аханькова, Т. Сажина*

ИБ № 2769

Сдано в набор 04.10.84. Подписано к печати 11.12.84.
УГ27061. Формат 70×108¹/₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л.
7,0. Усл. кр.-отт. 7,3. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 1325. Цена 45 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Щербаков Борис.

Щ 61 Зеленый дом: Повесть и рассказы.— Алма-Ата:
Жазушы, 1985.—160 с., ил.

Автор известен читателям по книгам «Житель лунных тугаев», «У озера звенящих колоколов», «Ожившие реликты» и «Золотыми тропами осени». Главная тема творчества писателя — отношение человека ко всему живому на земле.

В новой книге затрагиваются нравственно-экологические проблемы, формирующие сознание современного человека, чувство патриотизма, любовь к родному краю. Язык автора образен и выразителен. Читатели по достоинству оценят увлекательные рассказы писателя-натуралиста, кандидата биологических наук.

Щ $\frac{4702010200-204}{402(05)-85}$ 144-84

Р 2